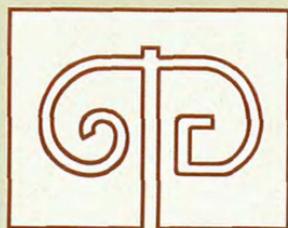

П. Ф. Стросон

Индивиды.
Опыт дескриптивной метафизики

Ratio

РГУ им. И. Канта

П. Ф. Стросон

ИНДИВИДЫ.

ОПЫТ ДЕСКРИПТИВНОЙ МЕТАФИЗИКИ

Издательство

Российского государственного университета им. Иммануила Канта
2009

УДК 111
ББК 87.2
С86

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 07-06-07068-д*

Перевод выполнен В. Н. Брюшинкиным
(предисловие, введение, часть II) и В. А. Чалым (часть I)
по изданию: *Strawson P. F. Individuals.*
An essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 1996.

Стросон П. Ф.

С86 Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с
англ. В. Н. Брюшкина, В. А. Чалого; под ред. В. Н. Брю-
шкина. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
— 328 с.

ISBN 978-5-9971-0021-6

Первое русское издание фундаментального труда классика
английской аналитической философии П. Ф. Стросона (1919—
2006). С этого трактата начался метафизический поворот в лин-
гвистической философии.

Для всех интересующихся философией XX века.

УДК 111
ББК 87.2

All Rights Reserved. Authorised translation from the English language edition published by
Routledge, a member of the Taylor & Francis Group.

Авторские права защищены. Официально разрешенный перевод
англоязычного издания издательства «Раутледж», члена «Тейлор энд Фрэнсис Групп»

© Strawson P.F., 1959

© Брюшинкин В. Н., Чалый В. А., перевод,
послесловие и комментарии, 2009

© Издательство РГУ им. И. Канта,
издание на русском языке, оформление, 2009

ISBN 978-5-9971-0021-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга основана на лекциях, которые впервые были прочитаны в Оксфордском университете в 1954—1955 гг. и впоследствии использованы как материалы для семинара в университете Дьюка, Северная Каролина в 1955—1956 гг. Я благодарен за помощь, которую мне оказали дискуссии с моими коллегами в университете Дьюка, и хочу отметить, как многим я обязан Руби Мигер, профессору Х. Л. А. Харту и профессору Гилберту Райлу, читавшим эту книгу полностью или частично и давшим мне множество полезных и дружеских советов, которым я в целом пытался следовать.

Большая часть главы 3 представляет собой отредактированный и расширенный вариант статьи, появившейся в вып. II *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, изданном под редакцией Герберта Фейгла, Майкла Скрайвена и Гровера Максвелла, и опубликованной Издательством университета Миннесоты в 1958 г. Части глав 5 и 6 взяты с существенными изменениями из статей, напечатанных в *Proceedings of the Aristotelian Society* в 1953—1954 и 1957 гг. Я должен поблагодарить редакторов и издателей этих журналов за разрешение использовать этот материал.

П. Ф. С

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
Часть I: ПАРТИКУЛЯРИИ	13
1. ТЕЛА	15
1. Распознавание партикулярий.....	15
[1] <i>Мы распознаем партикулярии в речи. Распознаваемость некоторого типа партикулярий может зависеть от распознаваемости других типов</i>	15
[2] <i>Распознавание партикулярий, данных в чувствах. Распознавание партикулярий, не представленных в чувствах, составляет теоретическую проблему. Ее решение</i>	18
[3] <i>Общие условия распознавания партикулярий. Данные условия удовлетворяются благодаря тому, что наше знание партикулярий образует единую пространственно-временную структуру</i>	25
2. Повторное распознавание	35
[4] <i>Способность повторно распознавать партикулярии является условием обладания нами вышеупомянутой познавательной схемой. Скептицизм в отношении повторного распознавания</i>	35
[5] <i>Повторное распознавание мест</i>	41
3. Базисные партикулярии.....	43
[6] <i>Общее рассуждение, показывающее, что материальные тела являются базисными партикуляриями с точки зрения распознавания</i>	43
[7] <i>Рассуждение с тем же выводом, исходящее из природы различных категорий партикулярий</i>	46
2. ЗВУКИ.....	67
[1] <i>Является ли роль материальных тел как базисных партикулярий необходимым условием всякой схемы, допускающей знание предметных партикулярий?</i>	67
[2] <i>Особенности настоящего раздела</i>	72
[3] <i>Модель слухового мира. Проблема выполнения условий возможности несолипсистского сознания</i>	73

3. ЛИЦА.....	98
[1] Почему состояния сознания приписываются чему-либо вообще? и почему приписываются той же вещи, что и телесные свойства?	98
[2] Уникальное положение личного тела в описанном чувственном опыте; не дающее, однако, ответа на вопрос...	101
[3] Картезианский и «бессубъектный» взгляды. Непоследовательность «бессубъектного» взгляда.....	105
[4] Способность приписывать состояния сознания другим является условием приписывания их себе. Непоследовательность картезианского взгляда. Простота понятия лица	110
[5] Логические свойства фундаментального класса личных предикатов	117
[6] Центральное положение предикатов, приписывающих действия. Идея «группового сознания»	124
[7] Бесплотность	129
4. МОНАДЫ.....	131
Часть II: ЛОГИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ.....	151
5. СУБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ (1): ДВА КРИТЕРИЯ.....	153
[1] Различение партикулярий и универсалий традиционно связывается определенным способом с различением обозначения и предикации или субъекта и предиката.....	153
1. «Грамматический» критерий	155
[2] Разные формы обозначения и предикации, или субъекта и предиката, принимавшиеся философами.....	155
[3] Один на первый взгляд привлекательный способ объяснения различения оказывается неадекватным. Рассмотрение его как различения между грамматическими стилями введения объектов в рассмотрение приносит более удовлетворительный результат.....	160
[4] Различение Куайна, проведенное при помощи переменных квантификации, на первый взгляд, не предлагает альтернативных интерпретаций.....	174
[5] Окончательное в пределах нынешнего подхода установление условий, делающих выражение субъектным либо предикатным.....	180

[6] Настоящий грамматический подход к различению субъекта и предиката, хотя и согласный с авторитетными взглядами, не является единственно возможным	183
[7] Грамматический подход порождает скептические сомнения как относительно важности различения субъекта и предиката, так и относительно его традиционно признаваемой связи с различением партикулярий и универсалий.....	185
2. Категориальный критерий	192
[8] Характеризующий, вводящий примеры и приписывающий виды связи, или различные способы, при помощи которых конкретные и универсальные объекты могут собираться в утверждения.....	192
[9] Новый критерий для субъектов и предикатов, основанный на различении между партикуляриями и универсалиями как принципами сбора объектов в высказывания.....	197
3. Расхождения и сходства между этими критериями.....	200
[10] Как можно обойтись без применения грамматической формы предикативности партикулярии в определенных случаях утверждения приписывающей связи.....	200
[11] Как можно обойтись без применения грамматической формы предикативности партикулярии в определенных случаях утверждения атрибутивной связи.....	205
6. СУБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ (2): ЛОГИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ И КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ	209
1. Введение партикулярий в суждения	210
[1] Введение партикулярии в суждение требует знания некоторого эмпирического факта: введение универсалии — не требует	210
[2] Родственность грамматического и категориального критериев субъектных и предикатных выражений отчасти объясняется опосредующим различием между «завершенностью» и «незавершенностью». После того как фундаментальная связь между различиями субъект-предикат и партикулярия-универсалия установлена, первое может быть объяснено по аналогии и т. д.	218
[3] Дальнейшее разъяснение идеи «завершенности»: предположения выражений, вводящих конкретные объекты... ..	222

[4] Рассмотрение и отказ от упрощенной версии вышеизложенной теории.....	228
2. Введение партикулярий в рассуждения	233
[5] Можно ли дополнить вышеприведенное рассмотрение условия введения партикулярий в суждения рассмотренным условием введения партикулярий в рассуждения? Условия успешности всякой подобной попытки	233
[6] Понятия-особенности и универсалии-особенности: введение некоторой базисной партикулярии включает принятие некоторого критерия повторного распознавания...	238
[7] Логическая сложность партикулярий и «завершенность» логических субъектных выражений. Партикулярии как парадигматические логические субъекты.....	248
7. ЯЗЫК БЕЗ ПАРТИКУЛЯРИЙ.....	252
[1] В языке размещенных особенностей нет места различению субъекта и предиката.....	252
[2] Проблемы, связанные с избавлением от обычных партикулярий.....	256
[3] Место, время и место-время как логические субъекты...	261
8. ЛОГИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ И СУЩЕСТВОВАНИЕ.....	267
[1] Грамматический показатель вхождения в суждение в качестве индивида или логического субъекта. Суждения существования.....	267
[2] Номинализм. Почему редукционистское давление на не-партикулярные индивиды имеет различную силу для разных типов не-партикулярий.....	273
[3] Природа и форма номиналистского подхода. Квантификация и существование.....	277
[4] Существование и квантификация	284
[5] Высказывания тождества. Субъектные выражения множественного числа. Обозначение, предикация и суждения ...	288
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	294
ПИТЕР СТРОСОН И ЕГО МЕТАФИЗИКА. ПОСЛЕСЛОВИЕ..	296
КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	309
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	316

ВВЕДЕНИЕ

Метафизика часто включала в себя ревизию основ, но не так часто носила дескриптивный характер. Дескриптивная метафизика довольствуется описанием действительной структуры нашего мышления о мире, ревизирующая метафизика озабочена улучшением этой структуры. Попытки создания ревизирующей метафизики все еще сохраняют свою привлекательность, а не остаются только ключевыми эпизодами в истории мысли. В силу стремления к отчетливости структуры, а также интенсивности сопровождающих частных озарений, наилучшие из этих эпизодов с точки зрения их внутренних достоинств заслуживают восхищения, да к тому же и на протяжении длительного времени приносят пользу философии. Однако это последнее достоинство приписывается им только потому, что существует другой вид метафизики, который вообще не нуждается в оправдании, кроме разве что оправдания исследовательской деятельности в целом. Ревизирующая метафизика находится на службе у дескриптивной метафизики. Правда, ни один действительный метафизик — как по своим намерениям, так и по своим результатам — никогда не сосредоточивался исключительно на одном из этих видов метафизики. Тем не менее можно приблизительно провести следующее деление: Декарт, Лейбниц, Беркли были ревизирующими метафизиками, а Аристотель и Кант — дескриптивными. Юма — иронического философа — труднее проклассифицировать. По-видимому, он не подходит ни под один из названных видов.

По всей вероятности, идея дескриптивной метафизики будет встречена скептически. Чем она отличается от того, что обычно называется философским, логическим или концептуальным анализом? Она и не отличается от них по интенциям, а

только по области и общности. В ее стремлении раскрыть наиболее общие черты нашей концептуальной структуры, она наверняка будет пользоваться меньшим доверием, чем более ограниченное и более конкретное концептуальное исследование. Следовательно, возникает определенное различие в методе. Вплоть до некоторого уровня опора на тщательное изучение существующего использования слов является наилучшим, и в действительности единственным надежным путем в философии. Однако различия, которые мы можем провести, и связи, которые мы можем установить таким образом, не обладают достаточно общим характером и не идут достаточно далеко для того, чтобы соответствовать метафизической потребности в понимании. Дело в том, что когда мы задаемся вопросом, каким образом мы используем то или иное выражение, наши ответы, хотя бы они и открывали многое на некотором уровне, более пригодны к формулированию предположений, чем к действительному выяснению тех общих элементов структуры, которые, по мнению метафизика, нуждаются в выявлении. Структура, которую он желает обнаружить, не проявляется сама собой на поверхности языка, но лежит в его глубине. Он должен отказаться от своего надежного проводника, когда проводник не может сопроводить его настолько далеко, насколько ему это необходимо.

К идее дескриптивной метафизики можно было бы подойти и с другого конца. Дело в том, что можно было бы утверждать, что метафизика является инструментом концептуального изменения, средством продвижения и документирования новых направлений или стилей мышления. Верно, что понятия действительно изменяются и не только на периферии частных областей, хотя чаще всего именно там. И даже эти частные изменения влияют на обычное мышление. Также верно, что метафизика прежде имела дело по преимуществу именно с такими изменениями, которые происходили обоими рассмотренными способами. Однако было бы грубой ошибкой мыслить метафизику только в таком историческом виде. Дело в том, что имеется обширное центральное ядро человеческого мышления, у ко-

того нет истории — или о ней нет никаких письменных свидетельств в истории мышления. Существуют категории и понятия, которые — рассмотренные с их наиболее фундаментальной стороны — вообще не меняются. Они представляют собой общие места наименее утонченного мышления и все же являются непреходящим ядром концептуального инструментария наиболее изощренных в мышлении людей. Именно они, их взаимосвязи и структура, которую они порождают, а именно структура дескриптивной метафизики, и будет в первую очередь предметом нашего исследования.

Метафизика имеет длинную и выдающуюся историю, а значит, от дескриптивной метафизики вряд следует ожидать открытия каких-либо новых истин. Однако это не означает, что задача дескриптивной метафизики была поставлена — или может быть поставлена — раз и навсегда. Она должна постоянно ставиться заново. Если нет новых истин, которые необходимо открывать, то существуют старые истины, которые следует переоткрыть. Дело в том, что хотя центральное содержание дескриптивной метафизики и не изменяется, критическая и аналитическая идиома философии изменяется постоянно. Неизменные отношения описываются при помощи непостоянной идиомы, отражающей и атмосферу мышления данной эпохи, и индивидуальный личностный стиль мышления данного философа. Ни один философ не понимает своего предшественника до тех пор, пока он не передумает их мысли в своих собственных современных терминах; а самым великим философам, таким, как Кант и Аристотель, свойственно, что они в большей мере, чем все остальные, затрачивают усилия на переосмысление.

Эта книга, несмотря на свою неполноту и непритязательность, является очерком дескриптивной метафизики. Непритязательность ее обусловлена тем обстоятельством, что хотя некоторые из обсуждаемых здесь тем весьма общи, само обсуждение ведется с некоторой ограниченной точки зрения и ни в коей мере не является всеобъемлющим, а неполнота связана с тем, что некоторые логические и лингвистические классифика-

ции, вокруг которых организовано обсуждение во второй части книги, вполне могут в определенной мере оказаться имеющими значение только для конкретных обстоятельств места и времени. По поводу моего способа рассмотрения этих классификаций я могу уже сейчас сделать одно общее замечание. В аналитической трактовке некоторых явно специфических понятий часто предполагается, что желание понять в меньшей степени связано с поиском единичного строгого высказывания о необходимых и достаточных условиях их применения, чем с видением их применения, — если использовать сравнение Витгенштейна — как формирования семьи, члены которой вполне могут быть сгруппированы вокруг центрального парадигмального случая и соединены друг с другом различными непосредственными и опосредованными отношениями логической связности и аналогии. Этот принцип толерантности понимания может быть, по моему мнению, с пользой применен и при попытке понять общие логические и грамматические структуры как, например, структуры, возникающие при анализе конкретных понятий, который осуществляется в философии восприятия или в философии сознания [mind].

Мне показалось естественным разделить книгу на две части. Первая часть устанавливает центральное место, которое материальные тела и лица занимают среди всего множества партикулярных. В ней показано, что в рамках нашей концептуальной схемы как таковой партикулярии двух названных категорий являются базисными, или фундаментальными, партикуляриями, а также, что понятия других типов партикулярных могут рассматриваться как вторичные по отношению к понятиям этих категорий. Во второй части книги устанавливается и объясняется связь между общей идеей партикулярии и идеей обозначаемого предмета или логического субъекта. Связи между двумя этими понятиями, а заодно и объяснение статуса партикулярии как парадигмы логического субъекта обнаруживаются в некоторой идее «завершенности», которая разъясняется в первой половине второй главы указанной части. Это решаю-

щее место второй части книги. Две части книги, однако, не являются взаимно независимыми. Тезисы первой части во многих отношениях предполагаются, а в некоторых отношениях распространяются и находят дальнейшие объяснения в аргументах второй части. Я вообще не уверен, можно ли нам полностью понять основные темы одной части без обращения к главным темам другой части.

Часть первая

ПАРТИКУЛЯРИИ

1

ТЕЛА

1. Распознавание партикулярий

[1] Мы представляем мир как нечто, содержащее конкретные вещи, часть из которых независимы от нас самих; мы представляем историю мира как нечто, составленное из конкретных эпизодов, в которых мы можем принимать или не принимать участие; мы размышляем об этих конкретных вещах и событиях как о чем-то, включенном в темы наших обычных рассуждений, т. е. как о вещах, о которых мы можем разговаривать друг с другом. Все это представляет собой соображения о способе, при помощи которого мы мыслим мир, о нашей концептуальной схеме. Несколько философски более привычный, хотя и не более ясный, способ выразить эти замечания состоит в том, чтобы заявить, что наша онтология включает в себя предметные партикулярии¹. Кроме них она может включать в себя еще многое.

В мои цели также входит показать некоторые общие и структурные признаки концептуальной схемы, в терминах которой мы мыслим конкретные вещи. Сначала я рассмотрю распознавание² партикулярий. Однако я не пытаюсь сразу дать общее объяснение ни моего использования слова «распознавать» и связанных с ним слов, ни моего использования слова «партикулярия». Это последнее слово определенно имеет семейное ядро, или центральную область, философского исполь-

¹ Об основаниях выбора этого термина для русского перевода см. комментарий 1 на с. 310. — *Прим. ред.*

² Об основаниях выбора этого термина для русского перевода см. комментарий 2 на с. 311. — *Прим. ред.*

зования, даже если внешние границы его употребления расплывчаты. Поэтому всё, что мне необходимо сказать в данный момент, сводится к тому, что мое использование этого слова ни в коем случае не является экстравагантным. К примеру, и при моем способе использования этого слова, как и большинстве близких случаев его использования в философии, исторические события, материальные тела, люди и их тени являются партикуляриями, тогда как качества и свойства, числа и виды не являются таковыми. Что касается слов «распознавать», «распознавание» и т. п., их я буду употреблять сразу несколькими разными, но тесно связанными между собой способами, и попытаюсь объяснить каждый из этих способов употребления по мере того, как буду вводить их в рассмотрение.

Применение фразы «распознавание партикулярий», разъяснением которой я займусь в самом начале, таково. Очень часто, когда два человека разговаривают, один из них, а именно говорящий, ссылается на ту или иную партикулярию или упоминает ее. Очень часто другой — слушающий — знает, о какой партикулярии говорящий ведет речь, но бывает и так, что последний не знает об этом. Я буду говорить об этой альтернативе следующим образом: слушатель либо способен, либо не способен *распознать* партикулярию, на которую ссылается говорящий. Среди видов выражений, которые мы, как говорящие, используем для обозначения¹ партикулярий, встречаются такие, обычная функция которых в ситуации их использования состоит в обеспечении слушающего способностью распознать партикулярию, которая имеется в виду. Выражения такого рода включают некоторые собственные имена, некоторые местоимения, некоторые описательные фразы, начинающиеся с определенного артикля, и выражения, составленные из только что упомянутых. Когда говорящий использует такое выражения для обозначения партикулярии, я буду говорить, что он совершает *распознающее обозначение* партикулярии. Из того факта, что говорящий при данных обстоятельствах совершает распознающее обозначение партикулярии, конечно, не следует,

¹ Об этом термине см. комментарий 3 на с. 312.

что слушающий и на самом деле распознает эту партикулярию. Я могу назвать вам чье-то имя, а вы вполне можете не знать, кто это такой. Однако когда говорящий совершает распознающее обозначение партикулярии и его слушатель на этом основании действительно распознает упомянутую партикулярию, то, как я буду говорить, говорящий не только совершает распознающее обозначение, но также и распознает эту партикулярию. Таким образом, при использовании слова «распознавать» мы сталкиваемся со смыслом говорящего и смыслом слушающего.

Не является простым совпадением то, что мы — в качестве говорящих и слушающих — в большинстве случаев обладаем способностью распознавать партикулярии, которые встречаются в наших рассуждениях. Обязательное наличие возможности распознавания партикулярий данного типа представляется необходимым условием включения этого типа партикулярий в нашу онтологию. В самом деле, что могли бы мы иметь в виду, заявляя о признании существования класса конкретных вещей и претендуя на общение с другими людьми по поводу элементов этого класса, если бы мы ограничили это наше заявление, добавив, что никому из нас в принципе невозможно дать кому-нибудь другому понять, о каком элементе — или о каких элементах — данного класса шла речь в какой-то момент времени? Это ограничение, по всей видимости, свело бы на нет нашу претензию. Это соображение может навести нас на другую мысль. Довольно часто случается, что распознавание партикулярии одного рода ставится в зависимость от распознавания другой партикулярии другого рода. Так, при обозначении некоторой партикулярии говорящий может высказываться о ней как о той самой вещи определенного рода, которая однозначно находится в определенном специфическом отношении к другой партикулярии. Он может, к примеру, обозначать дом как «дом, который построил Джек», или человека как «убийцу Авраама Линкольна». В таких случаях распознавание слушающим первой партикулярии зависит от его распознавания второй. Он знает, какая партикулярия обозначается распознающей фразой как целым, потому что он знает, какая партикулярия

обозначается ее частью. Тот факт, что распознавание одной партикулярии часто именно таким образом зависит от распознавания другой, сам по себе не очень важен. Однако он наводит на мысль о возможности того, что распознаваемость партикулярий некоторых видов может быть связана зависимостью некоторого общего типа с распознаванием партикулярий других видов. Если бы это было так, то этот факт имел бы большое значение для исследования общей структуры концептуальной схемы, при помощи которой мы мыслим о партикуляриях. Предположим, к примеру, что должна иметь место следующая ситуация; существует тип партикулярий β такой, что партикулярии типа β нельзя распознать без ссылки на партикулярии другого типа α , тогда как партикулярии типа α , можно распознать без ссылки на партикулярии типа β . Тогда общей характеристикой нашей схемы было бы то, что способность говорить о β -партикуляриях в общем была бы зависима от способности говорить об α -партикуляриях, но не наоборот. Этот факт можно было бы уместным образом выразить, сказав, что в нашей схеме α -партикулярии онтологически первичны по отношению к β -партикуляриям, или были бы более фундаментальными или более базисными, чем последние. Пожалуй, маловероятно, что такая зависимость распознаваемости элементов одного типа партикулярий от другого должна принять ту непосредственную и простую форму, которую я только что предложил вашему вниманию, то есть маловероятно, что в общем случае должно быть невозможно построить распознающее обозначение партикулярий относительно зависимого типа без упоминания партикулярий относительно независимого типа. Однако возможны и другие, менее прямые виды зависимости распознаваемости одного типа партикулярий от распознаваемости партикулярий другого типа.

[2] Каковы же способы проверки распознавания, совершаемого слушающим? Когда мы говорим, что слушающий знает, какая именно партикулярия обозначается говорящим? Рассмотрим следующий случай. Говорящий рассказывает сюжет,

который, по его мнению, имел место. «Мужчина и мальчик стояли у фонтана» и продолжает: «Этот мужчина что-то пил». Скажем ли мы, что слушающий знает, какая партикулярия обозначена подлежащим второго предложения? Действительно, мы могли бы сказать так. Дело в том, что для определенной области, состоящей из двух упомянутых партикулярий, слова «этот мужчина» служат для выделения одной из них, которая здесь и обозначена посредством описания, которое применяется только к мужчине. Однако, хотя это в некотором слабом смысле и является частным случаем распознавания, я назову ее только распознаванием, *относящимся к сюжету*, или *относительным* распознаванием. Дело в том, что оно является распознаванием, относящимся только к области партикулярий (области из двух элементов), которая сама распознается только как область партикулярий, о которых ведет речь говорящий. Это то же самое, что сказать, что слушающий, слыша второе предложение, знает, *какое* конкретное существо *из двух конкретных существ, о которых ведет речь говорящий*, обозначается в данном случае; однако без этой оговорки (ограничения) он не знает, какое именно конкретное существо обозначается в данном случае. Распознавание происходит внутри некоторого сюжета, рассказанного определенным говорящим. Это — распознавание внутри его сюжета, но не распознавание внутри истории.

Чтобы устранить относительное распознавание, нам необходимо ввести достаточно жесткое требование. В рассмотренном примере слушающий способен разместить обозначаемую партикулярию в рамках картины, нарисованной говорящим. Это означает, что в определенном смысле он может разместить эту партикулярию в своей собственной общей картине мира. Тогда он может разместить говорящего и, следовательно, картину говорящего в этой его собственной общей картине. Однако вне рамок некоторой структуры он не может разместить фигуры, принадлежащие картине говорящего, в своей собственной общей картине мира. По этой причине требование, предъявляемое к распознаванию слушающего, не выполняется полностью.

Достаточное, но не необходимое условие для выполнения этого требования в целом, — сформулированное пока весьма приблизительно, — сводится к тому, что слушающий может выделить при помощи зрения, слуха или осязания, либо может еще каким-либо образом различить при помощи чувств именно эту обозначаемую партикулярию, зная при этом, что она и есть та самая партикулярия. Я несколько ослаблю это условие для того, чтобы оно охватило и те случаи, в которых данное лицо не может в самый момент обозначения различить при помощи чувств обозначаемую партикулярию — в силу, например, того, что она прекратила существовать или исчезла, — но могло сделать это моментом раньше. Такие случаи принадлежат к тому кругу, в котором «тот» [“that”] является более подходящим указательным местоимением, чем «этот» [“this”]; как тогда, когда говорят «Тот автомобиль двигался слишком быстро» или «Тот звук был оглушительн». Тогда в общем это достаточное условие выполняется только в случае партикулярий, которые можно воспринимать в настоящее время или можно было воспринимать моментом раньше. Очевидно, что существует множество случаев распознавания, которые удовлетворяют этому условию. Здесь употребляется выражение, которое — при данных обстоятельствах его употребления — может подходящим или, по крайней мере, естественным образом рассматриваться (тогда, когда оно употребляется) как применяющееся только к определенному единичному элементу области партикулярий, который слушатель способен — или моментом раньше был способен — различить при помощи чувств, и не применяющееся ни к чему за пределами этой области. Случаи такого рода являются случаями *par excellence*¹ для использования указательных местоимений, независимо от того, используются ли при этом описательные слова или нет; хотя, конечно, использование указательных местоимений не ограничено случаями такого рода, а выражения других видов также могут использоваться в таких случаях. Когда это первое условие распо-

¹ По преимуществу, главным образом (фр.) — *Прим. ред.*

знавания выполняется, я буду говорить, что слушающий способен *непосредственно разместить* обозначаемую партикулярию. Мы можем также говорить об этих случаях как случаях *указательного распознавания* партикулярий.

Очевидно, что не все случаи распознавания партикулярий являются случаями указательного распознавания в том смысле, который я только что придал этому обороту. Именно данный факт лежит в основе давней озабоченности, которая и практически, и теоретически безосновательна. Причины ее практической и теоретической безосновательности в конечном счете одинаковы. Нам нужно выяснить природу такой озабоченности и причины ее безосновательности.

Указательное распознавание партикулярии не всегда легко осуществить. Сцена может быть неясной, ее элементы перемешаны. Различные части сцены могут быть весьма схожи друг с другом, и тем не менее их нужно различать. Легко совершить ошибки в применении таких описаний как «двенадцатый человек слева в пятнадцатом ряду сверху». Тем не менее по крайней мере относительно указательного распознавания одно ясно, а именно определенность области партикулярий, сектора универсума, внутри которого должно быть проведено распознавание. Это — вся сцена целиком, вся область партикулярий, которая в настоящий момент дана чувствам. (Конечно, можно сказать, что ее *границы* могут быть различными для говорящего и слушающего. Я оставляю читателю решение тех проблем, которые порождаются этим фактом.) Нельзя задать вопрос, о *какой сцене* мы говорим, хотя вполне можно задать вопрос, о какой части ее, о каком элементе в какой части ее и т. п. мы говорим. Все это вопросы, для решения которых мы обладаем языковыми средствами.

А теперь рассмотрим случаи, в которых указательное распознавание в том смысле, который я придал этому выражению, невозможно, поскольку партикулярия, которую мы должны распознать, не встречается в области чувственно данных нам партикулярий. Какие языковые средства распознавания доступны нам в этом случае? Мы можем использовать описания,

или имена, или то и другое вместе. Однако нет ничего хорошего в употреблении имени для партикулярии, если неизвестно, кто или что обозначается при употреблении этого имени. Имя бесполезно без поддержки описаний, которые можно по первому требованию привести, чтобы объяснить его применение. Таким образом, может показаться, что при неуказательном распознавании партикулярий мы в конечном счете зависим только от описаний, включающих общие термины. Можно быть, таким образом, очень хорошо информированным о конкретном секторе универсума. Можно вполне достоверно знать, что есть только одна конкретная вещь или конкретное лицо в том секторе, которое соответствует некоторому общему описанию. Однако здесь можно было бы возразить, что это не гарантирует единственности применения этого описания. Если даже описание расширяется так, чтобы оно включало описание самых заметных характеристик того сектора универсума, о котором идет речь, все же нет никаких гарантий, что описание даст нам индивидуальный объект. Дело в том, что другая часть универсума также может воспроизводить эти характеристики. Как бы много мы не добавляли к описанию известного нам сектора — как по его внутреннему устройству, так и по его внешним отношениям — эта возможность массового воспроизведения остается открытой. Никакое расширение чьего-либо познания мира не может устранить эту возможность. Итак, сколь бы обширным не было знание говорящего и сколь бы обширным не было знание слушающего, ни один из них не может знать, что распознающее описание другого действительно применяется единственным образом.

На это возражение можно ответить, что нет необходимости знать, что распознающее описание применяется единственным образом. Все необходимое для обеспечения распознавание сводится к тому, что слушающий должен узнать на основании слов говорящего, какую партикуляриию говорящий действительно обозначает. Пусть говорящий употребляет слова описания с определенным значением, а слушающий понимает их как некоторым образом обозначающие — не важно, совпадают ли

при этом подразумеваемое и понятое значение — в любом случае требуется, чтобы каждый из них знал о *некоторой* партикулярии, которая соответствует описанию. (Или слушающий может моментально узнать из слов говорящего о такой партикулярии.) Однако каждому из них может быть известна только одна такая партикулярия, и каждый может иметь убедительные основания для того, чтобы предположить, что и другому известна только одна такая партикулярия и что та партикулярия, которая известна другому, есть та же самая партикулярия, которая известна ему. Или даже если это условие не выполняется полностью, каждый из них может все же иметь убедительные основания для того, чтобы думать, что партикулярия, которая *обозначается* одним, есть та же самая партикулярия, которую другой *принимает* за ту, которая обозначается первым.

Этого ответа достаточно, чтобы показать практическую необоснованность сомнений в возможности неуказательного распознавания в том случае, когда эти сомнения опираются на приведенный выше аргумент. Однако такой ответ допускает слишком многое и слишком немногое объясняет. Он не объясняет возможности того, что мы обладаем убедительными основаниями, которыми мы можем обладать. Он не дает никаких ключей к общей структуре нашего мышления о распознавании. Лучше было бы, насколько это вообще выполнимо, противостоять приведенному выше возражению на его собственных теоретических основаниях, ибо таким образом можно что-либо узнать об этой общей структуре.

Чтобы противостоять данному возражению на его собственных основаниях, достаточно показать, как ситуация неуказательного распознавания может быть связана с ситуацией указательного распознавания. Аргумент предполагает, что там, где партикулярия не может быть прямо выявлена, ее распознавание в итоге должно полагаться на описание в чисто общих понятиях. Но это предположение ложно, поскольку, даже когда рассматриваемая партикулярия не может быть сама быть распознана указательно, она может быть распознана путем описания, уникальным образом соотносящего ее с другой партику-

лярией, могущей быть определенной указательно. На вопрос о том, какой сектор универсума она занимает, можно дать ответ, соотносящий этот сектор с сектором, занимаемым в настоящий момент самим говорящим и слушающим. Какими бы ни были возможности воспроизведения в универсуме, эти возможности не создают с точки зрения распознавания каких-либо теоретических трудностей, которые нельзя было бы теоретически преодолеть таким способом.

Теперь нам ясно, почему предложенный выше ответ допускает слишком многое. Он допускает, ввиду аргумента от возможности воспроизведения, что там, где рассматривается неуказательное распознавание, мы никогда не можем быть уверены в том, что распознающее описание имеет здесь свое единственное применение; он затем утверждает, что это не имеет значения из-за других вещей, в которых мы можем быть уверены. Ответ не содержит точного указания, что это могут быть за вещи. Однако теперь, убедившись, чем они могут быть, мы видим и то, что аргумент от возможности воспроизведения вовсе не имеет такой силы, чтобы показать, что распознающее описание применяется единственным образом. Ибо неуказательное распознавание может надежно основываться на указательном. Все распознающие описания партикулярий могут включать в итоге указательный элемент.

Данное решение поднимает следующий вопрос. Правдоподобно ли предположение — конечно, при условии, что мы не возвращаемся к относительному распознаванию, — что для всякой партикулярии, которую мы в состоянии рассматривать, существует некое описание, уникальным образом относящее ее к участвующему в разговоре либо к условиям этого разговора? Партикулярии, которые мы рассматриваем тут и там, сильно разнятся. Можно ли с уверенностью утверждать, что существует единая система отношений, в которой у каждой из них есть место и которая включает все партикулярии, чье размещение может быть прямо определено? Ответ на этот вопрос, поначалу представленный в очень общей форме, мог бы выглядеть следующим образом. Для всех партикулярий в пространстве и

времени не только возможно, но и необходимо полагать существование подобной системы — системы пространственных и временных отношений, в которой всякая партикулярия единственным образом соотносена с любой другой. Вселенная может повторяться, воспроизводиться различным образом. Но это факт не является принципиальным препятствием для составления описаний требуемого типа, потому что при помощи указательного распознавания мы можем определить общую точку отсчета и общую ось пространственного направления; а имея их в нашем распоряжении, мы также имеем теоретическую возможность описания всякой иной партикулярии в пространстве и времени как уникальным образом отнесенной к нашей точке отсчета. Возможно, не все партикулярии существуют *и* в пространстве, *и* во времени. Однако по меньшей мере возможно допустить, что каждая такая партикулярия единственным образом соотносена с партикулярией, существующей *и* в пространстве, *и* во времени.

[3] Таково теоретическое решение теоретической проблемы. На деле мы не склонны допускать, что можем столкнуться с массовым повторением образцов вещей и событий. Однако факт наличия теоретического решения остается весьма важной характеристикой нашей концептуальной схемы. Он указывает на часть структуры этой схемы, а это имеет связь с нашими практическими требованиями к распознаванию.

Связь может не быть очевидной. Как представляется, общие требования к распознаванию слушателем можно считать выполненными, если слушатель знал, что упоминаемая партикулярия тождественна некой, о которой он знал какой-то индивидуализирующий факт или факты, кроме того факта, что эти партикулярии тождественны. Знать индивидуализирующий факт о партикулярии — это знать, что нечто является истинным в отношении данной партикулярии, и никакой другой. Некто, могущий выразить все свое знание, выполнил бы это условие распознавания партикулярии, только если бы мог представить описание, которое единственным образом применялось бы к обсуждаемой партикулярии, и если бы мог нетав-

тологически добавить, что партикулярия, к которой применяется это описание, и обсуждаемая партикулярия суть одна и та же. Нет нужды говорить, что способность выразить свое знание таким образом есть условие понимания того, о ком или о чем говорящий ведет речь. Именно таково условие распознавания слушателем в неуказательном случае. Очевидно, что и говорящий, если им делается подлинное обозначение, также должен удовлетворять подобному условию. Чтобы исключить распознавание, выполненное только «относительно сюжета», необходимо ввести еще одно требование: известный индивидуализирующий факт не должен быть таким, чтобы выражающее его суждение являло собой распознавание рассматриваемой партикулярии путем указания на чье-либо рассуждение о ней, а равно и о любой другой партикулярии, при помощи указания на которую распознается данная.

Но как эти условия выполняются на практике? Для начала отметим, что им полностью удовлетворяет всякий, кто мог бы представить описания, смягчающие теоретические опасения, рассмотренные в разделе [2]. Только что изложенные условия формально менее строги, чем эти опасения: все, что развеяло бы последние, соответствовало бы и этим условиям. Но из этого не следует ничего существенного — мы уже признали, что эти опасения на деле являются напрасными. Поэтому связь между нашим теоретическим решением и соответствием нашим практическим требованиям остается неочевидной.

Действительно, она может показаться отдаленной. Конечно, мы не знаем и не обязаны знать, что каждая партикулярия, на которую мы указываем или с которой связываем чье-то обозначение, связано с некоторым индивидуализирующим фактом, который единственным образом соотносит эту партикулярию с текущей обозначающей ситуацией, относит ее к предметам и людям, в этой ситуации фигурирующим. Однако следует разобраться, является ли это предположение таким абсурдным, каким может показаться с первого взгляда. Разумеется, на практике мы не часто *явно* относим обсуждаемые партикулярии к нам самим либо к каким-либо предметам в данной си-

туации обозначения. Но этот факт показывает не более чем нашу оправданную уверенность, что в таком явном соотношении нет необходимости, поскольку условия разговора и представления собеседников о прошлом опыте друг друга в целом таковы, что весьма многое является само собой разумеющимся. Опять же, иногда мы можем быть удовлетворены распознаванием «относительно текущего сюжета», не требуя, по крайней мере, в тот же момент соотношения упомянутых партикулярий напрямую со структурой нашего знания мира и его истории.

При этом невозможно отрицать, что каждый из нас в любой отдельный момент является обладателем такой структуры — единой структуры знаний о партикуляриях, в которой и мы сами, и, как правило, наше непосредственное окружение занимают свое место и каждый элемент которой единственным образом соотносен со всяким другим, а в силу этого — и с нами и с нашим непосредственным окружением. Невозможно отрицать, что эта структура знаний дает нам единственный действенный способ пополнения нашего запаса распознанных партикулярий. Именно для этого мы используем данную структуру — используем не иногда и поверхностно, но всегда и фундаментально. Является необходимой истиной то, что всякая новая встреченная нами в опыте партикулярия каким-то образом соотносится с данной структурой при помощи распознавания, пусть даже случайным образом и в результате применения произвольного метода ознакомления с ней. Даже когда распознавание «отнесено к сюжету», связь со структурой сохраняется, благодаря тождеству личности повествующего. Когда мы прибегаем к более изощренным средствам, мы систематизируем данную структуру при помощи календарей, карт и систем координат, однако использование нами таких карт в основе своей зависит от нашего знания собственного местонахождения по ним; хотя человек и может иногда потеряться и нуждаться в напоминании о своем месте. Такие системы, высоко развитые либо зачаточные, помогают нам переходить от распознавания относительно сюжета к полному распознаванию. Разумеется, из того, что было мной сказано, никак не следует, что

человек не в состоянии определить партикулярию, не указав ее точное пространственно-временное расположение. Этого вовсе не требуется. Всякий факт, единственным образом относящий одну партикулярию к другим, распознанным элементам структуры, может служить индивидуализирующим фактом. Описание, которое само по себе вовсе не указывает на положение в пространстве, может индивидуализировать данную партикулярию *в пределах* очень обширной пространственно временной области партикулярий. Все, что требуется после — это определение положения самой этой области в структуре в целом.

Может возникнуть вопрос: почему *пространственно-временные* отношения занимают особое место среди возможных общих точек отсчета при обозначении? Нет ли других видов отношений, которые могли бы служить той же цели? Все, что формально требуется — это такой вид отношений, в которых, имея распознанный предмет *O*, можно было бы утверждать, что существует единственный предмет, соответствующий определенному описанию, указывающему его расположение относительно *O* в данной системе отношений. Не соответствует ли этим не слишком взыскательным требованиям практически любой вид отношений, в которых одна вещь может состоять к другой? В самом деле, некоторые отношения гарантируют единственность такой вещи. Так, хотя мы и можем знать, — допустим, что нам об этом сказали, — что есть только один мост на определенном отрезке реки, нам не надо говорить о том, что не может быть более одного человека, который являлся бы дедушкой такого-то по отцовской линии.

На этот вопрос можно ответить, что система пространственно-временных отношений обладает особой всеохватностью и всепроникаемостью, делающими ее уникальной структурой для организации наших индивидуализирующих представлений о партикуляриях. Всякая партикулярия либо имеет место в данной системе, либо является представителем класса, члены которого не могут быть распознаны непосредственно, но могут быть распознаны с помощью указания на другие — установленные в рамках данной системы — партикулярии. Кроме то-

го, всякая партикулярия, обладающая определенным местом в системе, занимает уникальное место. Нет никакой другой системы отношений между партикуляриями, о которой можно было бы утверждать все это. Разумеется, всякое противопоставление этой системе другой было бы ложным шагом. Хотя мы и можем свободно полагаться на гетерогенные отношения, формулируя распознающие описания, пространственно-временная система отношений остается основанием этих дополнений. Большинство прочих видов отношений между партикуляриями содержат элементы пространственно-временных, или выражаются в пространственно-временных изменениях, в относительных перемещениях тел.

Однако в общем случае сомнение еще не устранено. Формальные условия распознавания выполняются, если известен индивидуализирующий факт о данной партикулярии. Но почему факт этот должен соотносить партикулярию с другими предметами этой единой структуры знаний о партикуляриях, частью которой обладает каждый из нас? Описания могут быть оформлены в фразах, начинающихся с «единственное, что ...» или «первый, кто...», и тем самым, как видно, обеспечить единственность своего применения. Назовем их «логически индивидуализирующими описаниями». Без сомнения, логически индивидуализирующие описания в общем будут включать имена собственные людей, географических мест или дат, и будут тем самым соотносить встречающиеся в них партикулярии с объектами, принадлежащими общей структуре знаний о партикуляриях. Или, если они не будут включать ничего из перечисленного, они будут включать указательные местоимения, или как-то еще зависеть от условий своего употребления, чтобы определить свой способ обозначения. Однако мы также можем формулировать логически индивидуализирующие описания, полностью свободные от перечисленных свойств. Назовем их «чистыми индивидуализирующими описаниями». «Первый мальчик в классе» не будет чистым индивидуализирующим описанием, поскольку будет зависеть от контекста употребления при определении своего предмета. «Первая со-

бака, рожденная в Англии в XIX веке» не будет чистым индивидуализирующим описанием, поскольку содержит дату и географическое название. Но «первая собака, рожденная в море» будет чистым индивидуализирующим описанием. То же верно и о «единственной собаке, рожденной в море и впоследствии спасшей жизнь монарха». Помимо класса чистых индивидуализирующих описаний, мы можем выделить и класс квазичистых индивидуализирующих описаний, зависящих от условий своего употребления при определении предмета своего применения только в том смысле, что их применение ограничивается тем, что существовало до или существует в момент употребления. Они суть нечто вроде чистых индивидуализирующих описаний с добавлением словосочетания «до сих пор». Примером квазичистого индивидуализирующего описания является «самый высокий из когда-либо живших людей». Конечно, можно утверждать, что иногда нам известно, что чистое или квазичистое индивидуализирующее описание имеет предмет применения, и при условии, что этот оборот действительно имеет предмет применения, ее принятие как говорящим, так и слушателем в достаточной степени гарантирует то, что каждый из них понимает под ней одну и ту же партикулярию. Таким образом, наше индивидуализирующее представление о партикулярии не обязательно должно помещать ее в единственную объединенную структуру знаний о партикуляриях.

Однако тот, кто выдвигает такое возражение, сам оказывается в положении отвлеченного и далекого от практики теоретика. Существует множество вариантов ответа ему. Предположим, что говорящий и слушатель утверждают, что распознали некоторую партикулярию путем соглашения о чистом или квазичистом индивидуализирующем описании, и предположим, что они сопроводили свое утверждение замечанием, что о данной партикулярии они не знают ничего сверх этой описания. Иными словами, они совершенно неспособны определить положение данной партикулярии в некоторой сколь угодно удаленной области всеобщей пространственно-временной структуры, или соотнести ее каким-либо определенным способом с

любым другим предметом, известным образом расположенным в этой структуре. Они даже совершенно не способны соотнести ее с каким-либо примером рассуждения, которое было бы связано с некоторой вещью в пространственно-временной структуре. Например, ни один из них не мог бы сказать, что узнал о ней от авторитетного лица. В общем, они отрицают всякую способность связать партикулярию, на определенности которой настаивают, со своей единой структурой знаний о партикуляриях, а также отрицают способность узнать какую-либо связь подобного рода, если бы им таковую предложили, как ранее им известную, но позабытую. В представленном таким образом утверждении ощущался бы элемент несерьезности. Поначалу мы были бы склонны заключить из такого отказа, что говорящий и слушатель на деле не имеют иных оснований, кроме общей вероятности, для убежденности в том, что данное чистое индивидуализирующее описание вообще имеет применение. Чистое индивидуализирующее описание, как и всякое логически индивидуализирующее описание, может оказаться неприменимой не только в случае отсутствия кандидата на соответствие ей, но и в случае наличия двух или более кандидатов с одинаково вескими и потому взаимно уничтожающимися притязаниями и отсутствия других, более подходящих кандидатов. Так, описание «первая собака, рожденная в море» оказалась бы неприменимой не только в случае отсутствия рожденных в море собак, но и в случае, если бы две первые собаки были рождены одновременно. Конечно, мы можем уменьшить вероятность возникновения второго случая путем добавления к описанию дополнительных деталей, но тем самым будем увеличивать вероятность первого случая неприменимости. Единственным надежным путем уточнения описания до степени, достаточной для минимизации второго риска, но не до степени, увеличивающей первый, является путь использования наших знаний о фрагментах мира и его истории. Но пока мы опираемся на эти знания, мы не можем искренне утверждать, что неспособны связать наше описание в какой-либо его части с объектами, принадлежащими нашей единой системе знаний о пар-

тикуляриях. Этот первый ответ равносильно отрицанию того, что мы можем знать индивидуализирующий партикулярию факт, не зная ничего о соотношении данной партикулярии с распознанными объектами в пространственно-временной структуре. Известная изобретательность может позволить сформулировать случаи, обходящие приведенное возражение. Однако для них возникнут другие возражения. Если бы и было возможным выполнить формальные условия распознавания партикулярии так, чтобы распознавание оставляло партикулярию отделенной и как бы отрезанной от общей единой структуры знаний о партикуляриях, достижение это оказалось бы странным образом бесполезным. *До тех пор, пока наше знание о ней сохраняло бы этот совершенно отвлеченный характер*, данная партикулярия не имела бы места в нашей общей структуре знаний. Например, мы не могли бы узнавать о ней ничего нового, кроме как путем установления новых общих истин. Я не думаю, что стоит долгие останавливаться на этом вопросе, потому что предугаданная возможность — если ее можно так назвать — не играет сколько-нибудь серьезной роли в нашей общей схеме знаний конкретных вещей.

Таким образом, мы можем согласиться с тем, что мы занимаемся построением единственной картины мира, конкретных вещей и событий, не беспокоясь о возможности масштабных удвоений, довольствуясь иногда весьма приблизительными определениями ситуаций и предметов, о которых говорим, позволяя принятым именам собственным нести без дополнительных пояснений огромную индивидуализирующую нагрузку. Мы делаем это достаточно рационально, будучи уверенными в определенной схожести, общности опыта и его источников. При этом создаваемая нами картина является единственной, структура — единой, в которой и мы сами имеем свое место и в которой каждый элемент прямо или косвенно связан с любым другим; основанием же этой структуры, всеобщей, объединяющей системой отношений является пространственно-временная. Посредством распознающих обозначений мы встраиваем рассказы и сюжеты других людей — наряду с на-

шими собственными — в единый сюжет эмпирической реальности; и это соединение, эта связность в конечном счете основывается на отнесении партикулярий, фигурирующих в сюжетах, к пространственно-временной системе, в которой находимся и мы сами.

Теперь мы можем задать вопрос: является ли неизбежным или необходимым, чтобы всякая схема, содержащая партикулярии, предназначенные к исполнению роли субъектов рассуждений естественного языка, — или хотя бы всякая подобного рода схема, которую мы можем представить, — была схемой только что описанного мною вида? Разумеется, совершенно не обязательно, чтобы реальность образовывала единую пространственно-временную систему. Предположим, что кто-то рассказывал о некоторой вещи и о некоторых событиях, случившихся с ней, и, получив вопрос о расположении этой вещи и о времени этих событий, ответил не то что это ему не известно, но что и то, и другое не принадлежат нашей пространственно-временной системе, что события не происходили на каком-то расстоянии от нас в месте рассказа и не происходили за какое-то время до момента рассказа. Тогда нам следует сказать, что события *реально* не происходили и что вещь *реально* не существовала, и соответственно этому понимать нашего рассказчика. Говоря это, покажем, как мы оперируем понятием реальности. Но это не значит, что наше понятие реальности не могло бы быть иным, если бы природа нашего опыта была фундаментально иной. Здесь мы имеем дело с чем-то, что обуславливает весь наш способ говорить и мыслить, и именно поэтому мы считаем это нечто безусловным. Но этот факт не должен удерживать нас от проведения более глубокого анализа понятия партикулярии и рассмотрения, хотя и с немалым риском впадения в абсурд, совсем других

Пока я оставляю такие возможности без внимания и вместо этого сосредоточусь на вопросах о нашей собственной концептуальной схеме. Серьезных вопросов в этой области предостаточно. Но для начала стоит еще раз подчеркнуть иллюзорность некоторых трудностей. Например, бытует убеждение, взятое и

нами в качестве отправного пункта, что какое бы детальное и систематическое описание многообразия вещей и событий в пространстве и времени мы ни составили, всегда сохранится возможность того, что наше индивидуализирующее описание отдельной вещи не будет являться таковым в силу возможности существования другого, в точности такого же многообразия — возможности, которую мы никогда не сможем опровергнуть. Разделять такие теоретические опасения, как мы уже видели, это значит упускать из вида тот факт, что мы, говорящие, пользователи системы датирования и местоположения, сами обладаем своим местом в этой системе и знаем это место; что мы сами, таким образом, а также наше текущее расположение дают нам точку отсчета, которая индивидуализирует систему и тем самым помогает индивидуализировать партикулярии, расположенные в системе. Другая, связанная с указанной ошибка допускается теми, кто, прекрасно сознавая, что *здесь-и-сейчас* дает точку отсчета, полагает, что «здесь», «сейчас», «это» и подобные им выражения относятся к чему-то частному, личному для каждого индивида, их употребляющего. Они понимают, каким образом для каждого лица в каждый момент времени существует на этом основании единственная пространственно-временная сетка; однако им на том же основании кажется, что таких сеток, таких миров столь же много, сколь и отдельных лиц. Такие философы лишают себя общей точки отсчета, делая ее частной. Они неспособны допустить, что мы находимся в системе, потому что думают, что система — внутри нас. Или, точнее, что каждый из нас имеет внутри собственную систему. Это не значит, что конструируемые ими схемы не могут нам помочь понять свою собственную. Но мы прежде всего заняты своей собственной. Поэтому мы не откажемся от банальности, что «здесь» и «сейчас» и «это» и «я» и «ты» суть слова нашего общего языка, которые каждый может употреблять, чтобы указать или помочь указать на то, о чем он говорит, другому, тому, кто связан с ним.

2. Повторное распознавание

[4] Мы оперируем схемой единственной, единой пространственно-временной системы. Система является единой в следующем смысле. О вещах, в отношении которых уместен вопрос об их пространственном положении, мы всегда считаем важным спрашивать не только о том, как некоторые две вещи пространственно соотносятся в определенный, один и тот же для обеих момент времени, но и о пространственном соотношении любой такой вещи в любой момент ее истории с любой другой вещью в любой момент ее истории, при этом моментам не обязательно совпадать. Так мы говорим: *А* сейчас находится там, где тысячу лет назад находилось *Б*. Мы имеем, таким образом, идею системы элементов, каждый из которых может быть отнесен к другому как в пространстве, так и во времени.

Давайте рассмотрим сначала некоторые условия, а затем и некоторые следствия обладания нами этой схемой и ее применения. Одним из условий использования данной схемы является наша способность распознавать партикулярии в смысле, или согласно способу употребления, слова «распознавать», отличным от рассматривавшегося нами ранее. Если в моем присутствии некий человек сошлется на книгу, которую он держит в руках, я смогу в уже рассмотренном смысле слова распознать партикулярию, о которой ведется речь, — книгу в его руках. Но в другом смысле слова могу оказаться не в состоянии распознать данную партикулярию. Я могу счесть, что никогда раньше не видел эту книгу, в то время как она является моей собственной. Мне не удалось распознать ее как экземпляр, купленный мной вчера.

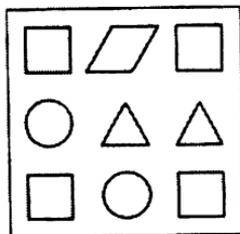
Однако, если мы действительно оперируем схемой единственной и единой пространственно-временной системы или структуры партикулярий, необходимо, чтобы мы иногда могли распознавать партикулярии способом, который я только что проиллюстрировал. В более общем смысле, мы должны иметь критерии или методы распознавания партикулярии, встречавшейся или описанной нам при некоторых обстоятельствах, как

того же индивида, что и партикулярия, встречающаяся или описанная нам при других обстоятельствах. Ради терминологической ясности мы можем при необходимости различать обозначающее распознавание, или распознавание в ситуации говорящий-слушатель, с одной стороны, и повторное распознавание — с другой. Не удивительно, что для нас естественно использовать слово «распознавание» в связи с обоими случаями. В каждом из них распознавание включает осознание того, что нечто является *таким же*: что данный экземпляр книги, который я вижу в руках говорящего, это та же партикулярия, на которую он ссылается; что экземпляр в его руках — та же партикулярия, что и экземпляр, купленный мной вчера.

Почему критерии повторного распознавания являются необходимыми для нашего использования схемы единственной и единой пространственно-временной системы при обозначающем распознавании? Эта необходимость может быть показана следующим способом, который не единственный. Очевидно, что иногда мы можем распознать элемент пространственно-временной структуры при помощи обозначения, указывая, или получая указание, на его положение относительно других элементов. Не менее очевидно, что таким способом мы не можем выполнить распознавание каждого элемента в системе относительно распознавания других элементов. Сразу можно заметить, что нам нет нужды это делать, потому что мы можем распознать некоторые элементы прямым указанием. Но самого по себе этого ответа недостаточно. Мы не используем другую систему, другую структуру в каждом случае. Суть в том, что мы каждый раз используем одну и ту же структуру. Мы должны не только распознать некоторые элементы безотносительным способом, но и определить их как элементы единой, непрерывно употребляющейся системы элементов. Потому что случаи обозначения сами по себе имеют собственное положение в единой системе обозначений. Мы не можем соединить один случай с другим, если не можем от одного случая к другому повторно распознавать общие для различных случаев элементы.

Наши методы, или критерии, повторного распознавания должны допускать факты, подобные следующим: что наше поле наблюдения ограничено; что мы иногда спим; что мы перемещаемся. То есть они должны допускать, что мы не можем единомоментно обозревать всю используемую нами пространственную структуру, что нет такой ее части, которую мы могли бы обозревать непрерывно, и что мы сами не имеем фиксированного расположения в ней. Эти факты имеют, помимо прочих, такое следствие: для нас нет и речи о непрерывной и всесторонней направленности внимания на сохранение или изменение пространственных пределов и на сохранение или постоянное изменение пространственных отношений вещей, в основном не испытывающих или испытывающих постепенные качественные изменения. Возможно, некоторые философы юмовского склада ума почувствовали, что только таким невозможным методом мы могли бы достичь уверенности в делящейся тождественности физических вещей, что при его отсутствии тождественность оказывается чем-то вымышленным или иллюзорным, в лучшем случае сомнительным. Этого вывода, как и всякого философского скептического вывода, безусловно, возможно избежать. Но факт, из которого он, казалось бы, следует, тем не менее весьма важен. Каким бы ни был наш подход, он должен оставлять место для прерывности и ограниченности наблюдений. Поэтому он должен основательно полагаться на то, что мы на время можем назвать «качественными повторениями» — то есть на факт повторяемых в наблюдении столкновений с теми же самыми образцами или расположениями объектов — где на время мы позволим обороту «те же самые образцы или расположения объектов» сохранить всю двусмысленность между качественным и численным (или конкретным) тождеством, двусмысленность, которой этот оборот обладает, одновременно затрудняя и облегчая наше положение. Но сейчас может показаться, что если мы основательно положимся на указанные повторения, то *либо* придем к скептицизму относительно тождественности партикулярий, *либо* поставим под вопрос все различие между качественной и конкрет-

ной тождественностью, кроме как в случаях, когда они применяются в пределах непрерывного отрезка наблюдения. Под «постановкой под вопрос» я имею в виду следующее. Когда мы говорим «то же самое» о чем-то, находящемся в пределах непрерывного отрезка наблюдения, мы в состоянии различать случаи, когда мы указываем на качественную тождественность, и случаи, когда речь идет о численной тождественности.

Если, например, мы скажем: «Фигура в левом верхнем углу этой диаграммы та же, что и фигура, которой обладают параллелограмм справа и круг внизу», — то используем словосочетание «та же» для обозначения численной тождественности. В то же время, если мы скажем: «Фигура в левом верхнем углу диаграммы та же, что и фигура в правом нижнем углу», — то мы получим простой случай использования словосочетания «та же» для указания на качественную тождественность. Когда мы говорим «тот же» о чем-то, что не наблюдаем непрерывно, *мы полагаем*, что можем так же ясно провести то же самое различие. Но можем ли? Поскольку пространственно-временное непрерывное существование, согласно гипотезе, не наблюдается *ни* в случае, когда мы предположительно указываем на качественную тождественность, *ни* в случае, когда мы имеем в виду численную тождественность, по какому праву полагаем мы, что существует фундаментальная разница между этими двумя случаями? Различия *есть*, несомненно. Но эти различия сводятся к различию или сходству наблюдаемых ситуаций, сцен — или некоторых их параметров. Занимая позицию, сходную с юмовской, мы могли бы сказать: эти различия заставляют нас

предполагать ненаблюдаемую преемственность в одном наборе случаев и ее отсутствие в другом, возможно, заставляют нас *вообразать* эту преемственность; поэтому мы принимаем эти различия за различия между численной и качественной тождественностью. Однако на самом деле все, что у нас есть в случае прерывного наблюдения, — это разные *виды* качественной тождественности. Если мы подразумеваем нечто большее под тождественностью в случаях прерывного наблюдения, то не можем быть уверены в тождественности; если мы можем быть уверены в тождественности, то мы не можем иметь в виду нечто большее.

Здесь мы оказываемся в одном из характерных положений философского скептицизма, которое позволяет нам либо изменить значения задействованных понятий, либо остаться навсегда в неуверенности, потому что пребывание в уверенности при сохранении значений в нашем случае означает пребывание в противоречии: нам пришлось бы утверждать, что мы располагаем *непрерывными* наблюдениями там, где имеются прерывные. Так что возражение сводится к тавтологической констатации, что мы не наблюдаем непрерывно то, что наблюдаем прерывно.

Однако тезис можно сформулировать удачнее. Несомненно, что мы располагаем идеей единственной пространственно-временной системы материальных вещей и идеей пространственной соотнесенности каждой материальной вещи с другими в каждый момент времени. Нет сомнения, что *это и есть* наша концептуальная схема. Я утверждаю, что *условием* нашего обладания данной концептуальной схемой является безусловное принятие тождественности партикулярий по крайней мере в некоторых случаях прерывного наблюдения. Давайте предположим на секунду, что мы *никогда* не были бы готовы признать тождественность партикулярий в этих случаях. Тогда нам понадобилась бы идея новой, иной пространственной системы для каждого непрерывного отрезка наблюдения. (Большинство обыденных понятий о материальных предметах, имеющих у

нас, не существовали бы, поскольку случающиеся непрерывные отрезки наблюдений недостаточно продолжительны и недостаточно отчетливы для их формирования.) Каждая новая система была бы полностью независимой от других. Не было бы никаких сомнений относительно тождественности любого предмета одной системы с предметом другой, поскольку такое сомнение могло бы иметь смысл только в том случае, когда две системы не были бы независимыми, когда они являлись бы некоторым образом связанными частями большей системы, включающей их в себя. Но условие обладания именно такой системой и есть условие, что должны существовать выполнимые и часто выполняемые критерии для тождественности по крайней мере некоторых предметов одной подсистемы некоторым предметам другой. Это дает нам более глубокое определение позиции скептика. Он утверждает, что принимает концептуальную схему, вместе с тем тихо отвергая одно из условий ее применения. Поэтому его сомнения недействительны не просто потому, что логически неразрешимы, но потому, что эти сомнения отвергают всю концептуальную схему, внутри которой они единственно и имеют смысл. Итак, на самом деле альтернативой скептическому сомнению является утверждение, что мы не обладаем на самом деле, или не должны обладать, концептуальной схемой, которой на деле обладаем, что мы на самом деле не имеем в виду, или не должны иметь в виду то, о чем мы полагаем, что имеем это в виду, то, что мы действительно имеем в виду. Но эта альтернатива — абсурд. Потому что весь процесс мышления становится возможным только благодаря существованию концептуальной схемы именно в таком виде, который мы не в состоянии изменить. Наконец, мы можем, при желании, считать, что скептик предлагает набросок альтернативной схемы, выступая метафизиком-ревизионером, с которым мы не желаем спорить, но которому и не обязаны следовать.

В идее непрерывного отрезка наблюдения и в том, что можно считать ей соответствующим, есть множество сложно-

стей. Чтобы разобраться с ними полностью, нам пришлось бы рассмотреть массу фактов и вопросов, от вопросов конкретного положения нашего тела и отношений зрения и осязания до простых фактов вроде того, что мы не можем смотреть во всех направлениях одновременно. Но сейчас я не намерен заниматься этими трудностями, хотя и вернусь позднее к некоторым из них, в частности к вопросу о положении тела наблюдателя.

[5] Есть, однако, трудность совсем другого порядка, о которой должен упомянуть сейчас. Приведенное мной описание условия обладания нами нашей концептуальной схемой — схемой единственной пространственно-временной системы физических вещей — является в некотором отношении неполным. Для нее недостаточно, чтобы мы могли сказать «та же вещь», мы также должны быть способны сказать «то же место». Предположим, мне встретилась вещь x во время t , и я повторно распознал x в какой-то последующий момент времени t' . Тогда, казалось бы, тот факт, что мне известно пространственное расположение объекта y относительно x во время t и пространственное расположение объекта z относительно x во время t' , не означает, что мне известно что-либо о пространственных отношениях y и z . Однако если мы действительно оперируем схемой единственной пространственно-временной структуры, у нас должен иметься ответ на вопрос такой формы: «Каковы пространственные отношения между y и z ?», или, более точно, «Каково пространственное расположение y во время t относительно пространственного расположения z во время t' ?» И если я не могу ответить на такой вопрос на основании знания пространственных отношений между y во время t и z во время t' и одним и тем же объектом x , могу ли я ответить на него вообще? Чтобы быть в состоянии ответить на такой вопрос, я должен уметь повторно распознавать не только вещи, но и места.

Однако этот способ указания на неполноту моего описания может ввести в заблуждение, поскольку повторное распознавание мест не является чем-то отличным и независимым от по-

вторного распознавания вещей. Вместо этого существует сложное и запутанное взаимодействие между ними, потому что, с одной стороны, места определяются только благодаря отношению вещей, а с другой стороны, одно из требований к тождественности материальной вещи — это непрерывность ее существования как во времени, так и в пространстве. Иными словами, для многих типов вещей нельзя утверждать, что вещь x в одном месте и в одно время тождественна вещи y в другом месте и в другое время, если мы не предполагаем, что существует некоторое непрерывное множество мест между этими двумя местами, такая, чтобы вещь x находилась в каждом следующем элементе этого множества мест в каждый следующий отрезок на шкале времени между t и t' , и то же самое выполнялось бы и для y .

Итак, распознавание и различение мест функционирует благодаря распознаванию и различению вещей — и наоборот, распознавание и различение вещей зависит от распознавания и различения мест. В этой взаимной зависимости нет ничего таинственного. Чтобы представить ее в деталях, достаточно описать критерии, относительно которых мы критикуем, исправляем и расширяем свое приписывание тождественности вещам и местам. Я не буду представлять эти отношения в деталях, а только опишу одну из их сторон. Если мы столкнулись с классом вещей, которые мы готовы назвать тем же, что и некоторый ранее встречавшийся нам класс, и если пространственное расположение вещей относительно друг друга не изменилось, то *до тех пор, пока мы будем рассуждать в пределах этого класса вещей*, мы будем говорить, что каждый элемент класса находится на том же месте, что и ранее. Если некоторые, но не все, элементы класса изменили свое относительное расположение, то о них мы скажем, что они занимают другие места, тогда как прочие остались на своих. О каких из них мы скажем первое и о каких — второе, зависит от нашего выбора некоторых элементов класса в качестве образующих пространственной структуры всего класса. Этот выбор ни в коей мере не должен — хотя и может — зависеть от нашего совершенного украдкой

концептуального выхода за пределы класса. В целом, если мы вообще будем совершать выбор в пределах класса, мы выберем те элементы, которые будут представляться нам содержащими другие или сообщающими основу другим, или вокруг которых класс можно представить организованным. Когда мы рассматриваем положение самого класса или его элементов относительно внешних по отношению к нему вещей или классов, мы не меняем эти критерии, а только увеличиваем масштаб их применения. Как следствие, легко представить, как мы при желании можем сконструировать антиномии путем варьирования схемы, относительно которой мы задаем вопрос, находится ли данная вещь на том же месте. Моя шляпа находится на том же месте, потому что она до сих пор лежит на заднем сидении автомобиля. Но она в другом месте, потому что автомобиль уже проделал путь от Лондона до Манчестера. Но эти антиномии не должны никого сбить с толку. Они совершенно точно не противоречат принципу, что мы используем схему единственной и единой пространственно-временной системы для вещей, о которых говорим. Они лишь показывают, как мы можем расширить или сузить область распространения нашего разговора о вещах в разных контекстах. Господство данного принципа в нашем рассуждении о партикуляриях никогда не ослабевает, но оно не слишком строго, чтобы запретить смещения в структурах обозначений, используемых в нашей речи о пространстве.

3. Базисные партикулярии

[6] Мы можем объяснить любому другому человеку, о какой конкретной вещи идет речь в нашем рассуждении, благодаря тому, что можем собрать воедино наши сообщения или рассказы об этой вещи в пределах единственной картины мира, и структура этой картины является единой пространственно-временной структурой, обладающей одним временным и тремя пространственными измерениями. Поэтому в нашем случае распознавание партикулярий в итоге основывается на возмож-

ности обнаружения конкретных вещей в единственной и единой пространственно-временной системе. Выражение «в итоге» подразумевает множество оговорок. Например, мы можем спорить об одном и том же человеке, не сходясь при этом относительно его возраста. Мы можем спорить об одних и тех же вещах, относя их к разным областям пространства и времени. Но все эти несогласия возможны только в контексте большего, хотя и менее четкого, согласия о способе отношения этих существностей к другим.

Мы уже коснулись вопроса, который я теперь хочу поставить явно. Существует ли класс партикулярий, который мог бы выступать базисным для распознавания других партикулярий в нашей концептуальной схеме? Этот вопрос распадается на два других. Во-первых, существует ли класс или категория партикулярий, такая, что без распознающего обозначения некоторой партикулярии этого класса невозможно было бы построить распознающее обозначение партикулярии любого другого класса, в то время как распознающее обозначение партикулярии указанного класса строилось бы без дополнительных обозначений партикулярий другого класса? Во-вторых, можно ли получить утвердительный ответ на первый вопрос, рассуждая от описанного выше общего характера нашей концептуальной схемы?

Представляется, что мы можем построить аргументацию, продвигаясь от посылки, согласно которой распознавание в итоге основывается на расположении в единой четырехмерной пространственно-временной структуре, к заключению, согласно которому некоторый класс партикулярий является базисным в только что описанном мною смысле, потому что эта структура не является внешней по отношению к предметам, имеющим место в реальности, о которой мы говорим. Если мы спросим, что образует эту структуру, нам придется искать ответ, глядя на сами эти предметы или на некоторые из них. Но не всякая категория распознаваемых нами конкретных предметов годится для образования такой структуры. Для этого годятся только те предметы, которые могут накладываться на нее свои

собственные фундаментальные характеристики. То есть это должны быть трехмерные пространственные предметы, пребывающие в некотором отрезке времени. Они также должны быть доступны тем средствам наблюдения, которыми располагаем мы, и, поскольку сила этих средств строго ограничена, они должны обладать достаточным разнообразием, богатством, стабильностью, устойчивостью во времени, чтобы делать возможной и естественной ту картину единственной и целостной структуры, которую мы и представляем. Из всех категорий предметов, которые мы признаем, только те, что являются материальными телами или обладают ими — в широком понимании выражения — соответствуют этим критериям. Материальные тела образуют данную структуру. Поэтому при данной общей характеристике нашей конкретной концептуальной схемы и при данном характере имеющихся у нас наиболее важных категорий вещи, которые являются материальными телами или обладают ими, выступают в роли таких базисных партикулярных.

Позднее я скажу больше об ограничении «при данном характере имеющихся у нас наиболее важных категорий». Сейчас сделаю только одно замечание. Мы можем полагать, что осязаемое сопротивление прикосновению, упругость является необходимым условием для отнесения чего-либо к материальным телам. Или, более в общем виде, тело должно обладать тактильными свойствами. Если мы решим так, то это будет более строгим условием, чем декартовская «протяженность» или локковская «твердость», то есть более строгим, чем условие занятия трехмерного участка пространства. Ибо это последнее условие, к которому, как может показаться, ведет наше рассуждение, может быть, по-видимому, эмпирически удовлетворено чисто визуальными явлениями в пространстве. (Для слепых, к слову, оно удовлетворяется чисто осязаемыми явлениями в пространстве.) На деле нам известно не так много чисто визуальных пространственных явлений. Можно предположить некоторые сомнительные примеры, например с привидениями, можно указать на столбы света и облака цветного газа, которые

не удовлетворяют требованиям стабильности и устойчивости во времени. Но даже если такие примеры и находятся, мы воздерживаемся относить их к материальным телам. Таким образом, представляется, что существует теоретическая возможность, в соответствии которой условия, выдвинутые в нашем рассуждении, могли бы выполняться категорией сущностей, которую мы бы не стали называть материальными телами, хотя по существу дела эти условия выполняются только теми сущностями, которые мы готовы называть материальными телами. Если такая теоретическая возможность и существует, она представляет небольшой интерес, и я не стану углубляться в ее детали. В любом случае, мы можем соблюсти формальные требования, введя слабый смысл понятия «материальное тело», под который подпадают и предположительно чисто визуальные трехмерные предметы, и затем переформулировать заключение рассуждения в более простом виде следующим образом. Исходя из определенной общей характеристики имеющейся у нас концептуальной схемы распознавания партикулярных, необходимо полагать материальные тела базисными партикуляриями.

Форма этого рассуждения может ввести в заблуждение. Дело не в том, что, с одной стороны, мы имеем концептуальную схему, которая ставит нас перед проблемой распознавания партикулярных, а с другой — существуют материальные предметы, достаточно многообразные и устойчивые, чтобы решить для нас эту проблему. Эта проблема существует лишь постольку, поскольку имеется ее решение. И так со всеми трансцендентальными аргументами.

[7] Было бы нежелательно основывать какую бы то ни было философскую позицию на столь общем и столь неопределенном рассуждении. Но этого делать и не придется. Вопрос можно поставить прямее и точнее: есть ли у нас основания полагать, что распознавание партикулярных, принадлежащих к одним категориям, на самом деле основывается на распознавании партикулярных, принадлежащих к другим категориям, и является ли тогда какая-то категория базисной?

Ранее я отмечал, что говорящий и слушающий часто распознают одну партикулярную путем обозначения другой; иными словами, что распознающее обозначение одной партикулярной, дополненное, если надо, языковым контекстом, часто содержит упоминание другой партикулярной и что успешное распознавание слушателем первой партикулярной зависит от успешного распознавания второй. Самым наглядным случаем общей зависимости распознаваемости одного типа партикулярных от другого был бы случай, когда партикулярную одного типа было бы невозможно распознать без определения партикулярной другого типа. Возможно, что чистых случаев подобной зависимости не существует. Но есть, по крайней мере, один очень важный случай, который приближается к упомянутому. Существует два важных общих типа категорий партикулярных, распознавание элементов одного из которых зависит почти столь же полно от распознавания элементов другого. Среди этих типов зависимым выступает класс, который мы можем назвать «личными партикулярными». Он включает, возможно, пересекающиеся группы ощущений, ментальных событий и, в общепринятом смысле, чувственных данных. Тип, от которого он зависит, — это лица. (Возможно, следует добавить «и животные», поскольку иногда мы распознаем некоторые фрагменты опыта животных. Но это усложнение я оставляю в стороне.) Согласно критериям, отличным от уже принятых, личный опыт часто выступал кандидатом на звание «базисной» партикулярной. Принципы индивидуализации такого опыта по сути основаны на тождественности лиц, чьей истории они принадлежат. Укол зубной боли или ощущение красного в общем не могут быть распознаны в нашем обычном языке иначе, чем как уколы, испытанные тем-то и тем-то, или как ощущение, которое испытал или испытывает тот-то и тот-то. Распознающие обозначения «личных партикулярных» зависят от распознающих обозначений партикулярных совсем другого типа, а именно лиц.

Может показаться, что против этого взгляда существует очевидное возражение. Если кто-то корчится на земле и говорит: «Эта боль ужасна», — то не осуществил ли он распо-

знающее обозначение личной партикулярии, т. е. ощущения боли, без указания на лицо, эту боль испытывающее, т. е. себя? Безусловно, не требуется никакого дополнительного языкового контекста, содержащего обозначение другой партикулярии, которым слушатель должен был бы дополнить услышанное. Он сразу сопоставляет полученное обозначение с болью говорящего. Таким же образом доктор, надавив на тело пациента, может спросить, насколько сильной была боль, и пациент сразу поймет, что речь идет о боли, которую испытывал или испытывает он сам. Однако в этих случаях об указательных оборотах по праву можно сказать, что они действительно имеют силу, которую им иногда ошибочно приписывают как присущую всегда. Здесь они действительно содержат скрытую отсылку к конкретному лицу, действительно являются сокращением от «боль, испытываемая мной» в первом примере и «боль, только что испытанная вами» во втором. Если возникнет вопрос, почему это не обязательно применимо ко всем распознающим указательным оборотам, отсылающим к *совместному* предмету, т. е. почему, например, «это дерево» не тождественно «дерево, которое можно видеть там», то ответ будет следующим. Указательная распознающая фраза «это дерево», примененная по отношению к конкретному дереву, может быть произнесена кем угодно перед кем угодно в соответствующей обстановке без изменения распознающей силы. Для этой силы не требуется скрытого обозначения какого-то лица. Требуется лишь, чтобы обстановка и контекст были такими, чтобы обозначение ясно относилось к конкретному *дереву*. Однако скрытое обозначение конкретного лица необходимо для распознающей силы указательных оборотов, относящихся к личным ощущениям. Это образует достаточное основание для различения двух типов случаев, которые я только что описал, и для утверждения, что кажущееся исключение таковым не является.

Есть еще один способ представить данный тезис, способ, чьи преимущества откроются позже. Мы можем при желании допустить, что скрытое обозначение говорящего и слушателя имеется *во всяком* указательном распознающем обозначении,

выполненном в присутствии обозначаемого предмета, а затем добавить, что такое скрытое обозначение лиц, являясь абсолютно общим в указанной ситуации, может не приниматься в расчет в нынешнем рассуждении до тех пор, пока оно является просто следствием факта, что лица, о которых идет речь, — это говорящий и слушатель. Однако скрытое обозначение лица в рассматриваемом случае — случае личного опыта — не является следствием только этого факта, но также и того факта, что он является лицом, к личному опыту которого мы относим обозначение. То, что это так, легко можно увидеть в случае, когда *A* говорит *B* в присутствии явно страдающего *B*: «Боль, должно быть, сильная». Скрытое обозначение *B* здесь вполне независимо от ролей говорящего или слушателя, поскольку он не находится ни в одной из них.

Почему тогда я сделал оговорку к моему исходному утверждению об отношении зависимости по распознаваемости «личных» партикулярий и лиц? Причина в следующем. Возможно определить опыт как опыт некоторого вида, испытанный в некотором месте в некоторое время. Можно с уверенностью заявить кому-либо, что такое описание имеет применение, то есть распознает опыт, независимо от независимых сведений о личности-субъекте опыта. Это был бы случай, когда самые прямые отношения зависимости по распознаванию между опытом и лицом не имеют места. Однако оговорка, которой требует подобный случай, не очень существенна и не имеет далеко идущих последствий, поскольку такое распознающее описание имеет применение только при определенных условиях. Чтобы такое описание работало, необходимо, чтобы человек, на чье свидетельство оно опирается, мог бы распознать и лицо-субъекта опыта, на который указывает описание. Таким образом, хотя в некоторых случаях обозначения распознавание частного опыта может не проявлять прямой зависимости от распознавания субъекта опыта, оно все равно находится в непрямой зависимости.

С такой оговоркой, мало значащей на практике, мы можем сказать, что личные партикулярии проявляют самый непосред-

ственный вид зависимости по распознаванию от партикулярий другого типа. В ярком контрасте с классом актов личного опыта находится другой, хотя и менее четко определенный, класс партикулярий, столь же очевидно страдающий от зависимости по распознаванию. Этот класс можно определить как «теоретические конструкции». Физические частицы могут быть примером партикулярий этого класса. Они не являются личными объектами, но они являются ненаблюдаемыми объектами. Мы должны полагать принципиально возможным построение распознающих обозначений таких партикулярий, если не индивидуально, то в группах или соединениях — в противном случае они лишатся статуса партикулярий. Возможно, мы не часто выполняем такие обозначения, однако их предметы играют важную роль в нашей интеллектуальной деятельности, роль, описание которой не является моей задачей. Однако ясно, что коль скоро мы строим распознающие обозначения этих партикулярий, мы должны быть в состоянии сводить эти обозначения к крупным, наблюдаемым телам, которые мы, подобно Локку, вполне можем рассматривать как мимолетные и составные.

Физические частицы — это один пример партикулярий данного класса. Я упомянул их первыми, потому что они, как и личный опыт, демонстрируют самый непосредственный вид зависимости по распознаванию. Есть много других видов, которые демонстрируют более общую зависимость по распознаванию. Я назвал этот класс плохо определимым, и, действительно, до сих пор он определен не лучше, чем крайне смутно обозначенное понятие наблюдаемости. Мы говорим о какой-то политической ситуации или экономической депрессии. Мы можем даже говорить о *наблюдении* этих явлений. Но очевидно, что было бы тщетно искать базисные партикулярии среди этих предметов. Владение понятиями, под которые такие партикулярии так очевидно подпадают, предполагает владение понятиями, под которые подпадают партикулярии совсем иных, и гораздо более простых, типов. Например, мы не могли бы иметь понятия забастовки или локаута, если бы не располагали понятиями человека, инструмента и фабрики. Из этого

немедленно вытекает общая зависимость по распознаванию более сложных партикулярий от менее сложных. Мы не могли бы вести речь о — распознавать — партикулярии более сложного типа, если бы не распознавали партикулярии менее сложного типа. Это не означает, что нам приходится каждый раз выражать распознающее обозначение партикулярии сложного типа посредством распознающего обозначения партикулярии менее сложного типа. Мы можем напрямую говорить, например, о «нынешней экономической депрессии».

В таком случае, если базисные партикулярии и существуют в указанном мною смысле, то их необходимая наблюдаемость не сводится к тому, чтобы можно было корректно говорить об их наблюдении. Скорее они должны быть конкретными предметами, открытыми совместному восприятию, так, чтобы разные люди буквально могли видеть, слышать, осязать, обонять, пробовать на вкус одни и те же предметы этого типа. Как представляется, они должны быть предметами, которые и говорящий, и слушающий должны быть в состоянии прямо обнаружить в конкретных примерах рассуждений. Однако я истолковываю пределы класса совместно наблюдаемого достаточно свободно. Чем свободнее истолкованы эти пределы, тем меньшей оказывается моя зависимость от аргументации, связанной с пресуппозициями понятий. Зависимость от этой аргументации желательно свести к минимуму. Ее применимость может быть оспорена, а ее объяснительная сила невелика. Позднее мы рассмотрим более развитую и точную форму этой аргументации.

Теперь очевидно, что всякий предмет, который может быть обнаружен непосредственно, может в этих пределах быть распознан без опосредующего обозначения какой-либо иной партикулярии, а следовательно, и без обозначения партикулярии типа или категории, отличных от своих собственных. Однако из этого, конечно, не следует, что данная категория окажется категорией базисных партикулярий, поскольку круг предметов, на которые можно указать в тех или иных ситуациях, сильно ограничен, и может оказаться, что распознаваемость некоторых предметов, находящихся вне этого круга, в каких-то си-

туациях будет зависеть от распознавания предметов, принадлежащих иной категории или типу. Таким образом, факт, что некоторый предмет попадает в класс доступных совместному восприятию, не мешает его членству в классе, зависящем в распознавании от другого класса, также являющегося доступным совместному восприятию.

Но как мы разделим совместно воспринимаемые, или совместно наблюдаемые, партикулярии на типы или категории? Ясно, что проделать это можно несколькими способами, подогнанными под разные философские цели. Мне будет достаточно самого приблизительного деления. Я буду говорить, например, о *событиях* и *процессах, состояниях* и *условиях*, с одной стороны, и о *материальных телах*, или вещах, обладающих материальными телами, — с другой. Я буду употреблять эти термины свободно: например, поле или река будут рассматриваться как материальные тела или вещи, обладающие такими телами. В целом я не стану утверждать, что мои разграничения являются ясными, либо точными и исчерпывающими. Но они достаточны для моих целей. Еще одно отличие, о котором стоит упомянуть сейчас и к которому я вернусь впоследствии, разделяет, например, события и процессы, которые, согласно нашему способу восприятия и именованию их, всегда происходят с материальными телами или вещами, ими обладающими, и события и процессы иного типа. Так, смерть всегда является смертью какого-то существа. Но то, что случилась вспышка или взрыв, не означает, что что-то сверкнуло или взорвалось. «Да будет свет» не означает «Да воссияет что-то».

Мы уже видели, что при некоторых условиях вполне возможно распознать, например, события и процессы независимо от распознавания партикулярий иных типов, потому что совместно воспринимаемые события и процессы могут быть обнаружены непосредственно. Такое выражение, как «эта вспышка», произнесенное немедленно после случившейся вспышки, или выражение «этот ужасный шум», сказанное во время того, как шум продолжается, позволяют слушателю прямо обнаружить упомянутую партикулярию. Они не содержат отсылок к

иным партикуляриям, кроме, возможно, скрытого обозначения говорящего и слушателя, которое уже рассматривалось и которое можно опустить, тем более отсылок к партикуляриям иного типа. Это, конечно, не единственный случай, когда такая партикулярия может быть распознана без обозначения партикулярий иного типа. Предположим, например, что все вспышки и взрывы, имевшие место, могли бы быть расположены в виде единичного временного ряда. Тогда в принципе каждый член этого ряда мог бы быть распознан без обозначения чего-либо вне этого ряда: например, его можно было бы определить как взрыв, предшествовавший n -й вспышке, считая с конца. Случается, что мы действительно можем пользоваться идеей некоторой частичной последовательности или ряда подобного рода. Мы можем пользоваться ею, например, в случае с тем, что я бы назвал *непосредственно обнаруживаемой последовательностью*. Это понятие следует трактовать как относительное в его связи с временем и с парой говорящий-слушающий. Так, непосредственно обнаруживаемой последовательностью взрывов для пары говорящий-слушающий в некоторый момент времени будет ряд взрывов, который длился тогда, или только что закончился, и каждый из членов которого был слышен для каждого члена пары. До тех пор пока допускается, что область обозначения в приведенной выше модели ограничивается пределами данного ряда, каждый член этого ряда может быть распознан без ссылки на какую-либо партикулярию иного типа.

Разумеется, не все вспышки и взрывы, которые могут быть распознаны при помощи обозначения, являются для тех, кто их обозначает, во время самого обозначения членами непосредственно обнаруживаемой последовательности. Нет и какого-либо иного типа по-человечески построенной последовательности взрывов и вспышек с двумя свойствами: (1) по крайней мере, один из членов последовательности может быть распознан непосредственно, то есть без указания на какую-либо другую партикулярию; (2) каждое обозначение любой другой подобной партикулярии может выделить ее единственно благодаря ее положению относительно других членов последовательно-

сти. Возможно, это всего лишь случайное ограничение, собственное человеческому способу существования. Если так, то это ограничение определяет и наш способ построения распознающих обозначений вспышек и взрывов. На практике, когда мы хотим указать на какое-то явление этого рода и не находимся в искусственно созданной благоприятной ситуации, когда это можно сделать, поместив данное явление в ряд ему подобных, мы указываем на него, используя — обычно скрытые в языковом контексте — обозначения партикулярий иного типа: например, места, в котором явление можно было наблюдать или услышать, или материального тела, причинно связанного с этим явлением. Иными словами, на практике в процессе распознавания задействованы и другие измерения, помимо простого, основанного на временном положении в единичном заданном ряду приблизительно однородных партикулярий.

Этот тезис можно еще прояснить, рассмотрев один или два примера более или менее убедительных случаев по-человечески построенных рядов конкретных состояний или процессов, таких, что не существует партикулярий рассматриваемого типа, не являющихся членами этого единичного ряда, и один из членов этого ряда всегда может быть распознан непосредственно. Последовательность дней и ночей, рассматриваемых в общем, как сменяющие друг друга периоды длящегося света или темноты, может быть одним примером, а последовательность лет, рассматриваемых просто как сезонные циклы, — другим. Эти примеры требуют оговорок: например, мы должны игнорировать вносящую путаницу возможность путешествовать вокруг света. С этими ограничениями мы можем сказать, что, поскольку нет дней и ночей, или сезонных циклов, не являющихся членами этого единственного ряда, каждый конкретный член может быть распознан как n -й до или после текущего. Не случайно наша система летоисчисления опирается именно на этот удобный феномен.

Если мы зададимся вопросом об основаниях, на которых покоится разница между этими двумя типами явлений, то ответ отчасти — но только отчасти — будет заключаться в следую-

щем. Члены последовательности дней и ночей достаточно четко различимы в тех областях пространства и времени, которые имеют к нам отношение. (И здесь опять необходимо появляются оговорки общего характера.) Но этого никак нельзя сказать о членах какой-либо гипотетической последовательности взрывов и вспышек, которую мы могли бы вообразить. День, заканчивающийся в Лондоне, заканчивается и в Эдинбурге, но звук лопнувшей в Лондоне шины в Эдинбурге не слышен.

Не считая таких особенных — и сомнительных — случаев, как последовательность дней и ночей, все, сказанное мной о скудном примере со вспышками и взрывами действительно и для других совместно наблюдаемых событий и процессов, состояний и условий. Это мне кажется истинным независимо от того, как свободно мы представим понятие по-человечески построенного распознавательного ряда, членами которого могут быть только партикулярии таких типов, и по крайней мере один из членов которого всегда может быть распознан без указания на какую-либо иную партикулярию. Так, мы могли бы допустить, например, существование подобного ряда, включающего битвы, проведенные двумя генералами, в настоящее время участвующими в некоторой войне, или ряда устных экзаменов для проводящих их экзаменаторов. Тогда каждая конкретная битва или каждый конкретный экзамен в этом ряду может быть распознан посредством своего положения в ряду. Далее, мы должны в принципе допустить возможность составления сложных рядов, рядов однородных событий или процессов, для членов которых распознающее обозначение имело бы вид: «Первый ϕ перед последним ψ перед вторым χ с конца». Но очевидно, что такой метод распознавания событий, процессов и состояний, *избегающий обозначений партикулярий типа, отличного от данного*, будет в целом страдать от значительных практических ограничений, с которыми мы уже сталкивались. Исключая особые случаи, такие, как случай с непосредственно обнаруживаемой последовательностью, нет оснований полагать, что любой из рядов подобного рода, который смог *использовать* с целью распознавания один человек, будет сов-

падать с рядом, использованным для той же цели другим человеком. Бесплезно прибегать к такому теоретическому конструкту, как *полный* ряд событий некоторого конкретного вида, например смертей, ибо очевидно, что никто, кто хотел бы указать на некоторый случай смерти, не может знать ее положения в таком ряду. Опять же, возможно эта особенность случайна, но она существенным образом определяет природу распознающего обозначения.

Может показаться, что, останавливаясь на, возможно, случайных ограничениях человеческих способностей, я обошел вниманием два сильных теоретических аргумента против общей возможности распознавания событий, процессов, состояний и условий с применением описанного метода, избегающего обозначений партикулярной иных типов. Первый аргумент состоит в том, что данный метод распознавания событий и прочего не дает средств для распознавания *одновременных* сходных событий в любом данном ряду, поскольку они всегда распознаются относительно их места во временном порядке. На это возражение ответить легко, поскольку нет логических причин считать временные отношения единственным возможным основанием упорядочения подобных рядов. Например, мы часто говорим, что одно событие стало причиной другого, а очевидно, что из двух одновременных событий одного особенного вида первое будет иметь каузальные antecedentes и консеквенты, отсутствующие у второго. Кроме того, тот факт, что обозначение ограничено, например, событиями и процессами, не исключает возможности использования пространственного различия. Если мы вернемся к благоприятному случаю непосредственно обнаруживаемой последовательности, то увидим, что ее члены вполне возможно различать по их пространственному положению без указания на партикулярной иных типов. Представьте, например, ряд ходов в шахматах, которые на самом деле представляют две различные партии, сыгранные двумя разными парами игроков, делавшими одни и те же ходы в одно и то же время. Несмотря на это, наблюдающие говорящий и слушатель могут различить два ряда ходов как, например,

происходящие на столах справа и слева, и потому могут распознать и указать на последний ход, но тот, что был сделан слева. Таким образом, приведенное возражение не является убедительным. Однако оно имеет ценность, поскольку позволяет еще раз подчеркнуть существенные практические ограничения применения данного метода.

Другой теоретический аргумент, который, как может показаться, я обошел вниманием, заключается в следующем. Для значительной, возможно, преобладающей части событий, процессов, состояний или условий, для которых у нас есть имена, верно, что эти события или процессы необходимо являются действиями или претерпеваниями вещей, которые сами не являются процессами, состояниями или событиями; что эти состояния или условия необходимо являются состояниями или условиями *каких-то* вещей, которые сами не являются состояниями, условиями, процессами или событиями. Можно подумать, что одного этого факта достаточно для утверждения, что распознавание большинства событий, состояний, процессов или условий осуществляется *при помощи* распознавания тех партикулярий иных типов, чьей истории они принадлежат. То есть если некоторое событие является событием такого вида, что всегда происходит с вещами иного, отличного типа, тогда распознавание этого события необходимо включает распознавание вещи, с которой оно случилось. Так, ни одна конкретная смерть не может быть определена с помощью распознающего обозначения, если не осуществляется хотя бы скрытое распознающее обозначение существа, чьей смертью она стала, поскольку всякая смерть необходимо является чьей-то. Для того чтобы непосредственно распознать смерть, необходимо непосредственно обнаружить существо, с которым она произошла. Таким образом, выражение «эта смерть», используемое в качестве подлинного указательного распознающего обозначения, то есть в ситуации наличия этой смерти, имеет смысл «смерть этого существа».

В описанном виде это рассуждение неудовлетворительно, попросту потому, что не является истинным, что мы не можем

построить распознающее обозначение наблюдаемого события вида, который подразумевает существование партикулярии иного типа, так, чтобы не построить скрытое распознающее обозначение некоторой партикулярии этого типа. Мое распознающее обозначение крика не должно никоим образом зависеть в своей распознающей силе от скрытого распознающего обозначения кричащего. В исходном аргументе мы ошибаемся, пытаясь излишне прямолинейно заключить от концептуальной зависимости партикулярии к зависимости в распознавании.

Однако это рассуждение можно заменить другим, имеющим более слабое заключение. Предположим, что все β необходимо являются β , приписываемыми α (например, что рождения всегда являются рождениями живых существ). Тогда, хотя я и смогу в некоторых случаях распознать партикулярию β , не распознавая α , которой она приписывается, но в целом будет невозможным распознать множество β , если невозможно распознать множество α . Ибо мы не могли бы говорить о β , или мыслить их так, как мы это делаем, если бы не говорили об α , о которых, в свою очередь, мы не могли бы говорить, если бы не имели принципиальной возможности распознать некоторое α . То есть, в общем смысле β проявляют свою зависимость по распознаванию от α .

Однако исправленное таким образом рассуждение слишком много доказывает. Если мы скажем, что владение известным нам понятием рождения требует владения известным нам понятием живого существа на том основании, что выражение «Это — рождение» влечет за собой «существует животное, чьим рождением это является», то нам также следует сказать, что владение понятием животного требует владения понятием рождения, ибо выражение «это — животное» влечет за собой выражение «имело место рождение, бывшее рождением этого животного». Таким образом, данное рассуждение устанавливает взаимную зависимость в распознавании между животными и рождениями — и оказывается бесполезным для нас, потому что нас интересуют только несимметричные отношения зависимости.

Несмотря на это, я полагаю, что этот исправленный аргумент может быть переформулирован так, чтобы избежать указанного следствия, поскольку некоторая несимметричность в отношениях понятий рождения и животного все-таки существует. Истинно, что «это — животное» влечет за собой «существует рождение, которое является его рождением». Но это следование допускает следующую переформулировку: «это — животное» подразумевает «это было рождено». И хотя могло бы показаться разумным утверждать, что наше понятие животного было бы иным, если бы мы не могли выразить такое следование во второй форме, также можно и отрицать, что наше понятие животного было бы иным, если бы в нашем распоряжении не было средств для выражения такого следования в первой форме. Другими словами, есть основания утверждать, что для того, чтобы говорить о животных в том смысле, который это слово в действительности имеет для нас, мы должны найти в своем рассуждении и место для понятия *быть рожденным*; но нет оснований выводить из факта нашего употребления понятия «животное» в свойственном нам смысле то заключение, что в нашем рассуждении необходимо *также* найти место для особого набора партикулярий, а именно рождений. Делаем мы это *также* или нет — это *не имеет отношения* к нашему владению понятием животного присущим нам способом. Здесь присутствует настоящая асимметрия, потому что подобный способ переформулировки рассуждения не действует в обратную сторону, от «это — рождение» к «существует животное, чьим рождением это является». Мы можем перефразировать одно следование так, чтобы устранить то, что логики называют квантификацией по рождениям, но мы не можем перефразировать другое, чтобы устранить квантификацию по животным. Иначе говоря, допущение в наше рассуждение набора партикулярий, *рождений*, понимаемых так, как это свойственно нам, действительно требует допущения в наш дискурс другого ряда партикулярий, *животных*; однако допущение в наш дискурс набора партикулярий, *животных*, понимаемых так, как это свойственно нам, не требует допущения в наш дискурс набора партикулярий *рождения*.

В последней формулировке данная аргументация представляется мне правильной. Большой класс состояний и условий, событий и процессов понимаются с необходимостью как состояния и условия чего-то, или как нечто, выполняемое или переносимое чем-то, некоторыми партикуляриями иного типа, прежде всего вещами, которые обладают материальными телами. Данная аргументация устанавливает общую и одностороннюю зависимость в распознавании первого класса партикулярий от второго, исходя из тех понятий, которыми мы на деле располагаем. Причиной, по которой желательно придавать этой аргументации, при всей ее правильности, как можно меньше веса, заключается в том, что она обладает незначительной объяснительной силой. Эта аргументация не объясняет ничего о зависимости по распознаванию, факт которой устанавливает. Остается вопросом, почему партикуляриям, имеющимся в нашей концептуальной схеме, необходимо проявлять отношения, на которых строится аргументация, почему мы должны мыслить рассматриваемые партикулярии именно описанным образом.

Вернемся к тем уже упомянутым общим ограничениям, которые имеют события, процессы, состояния и условия, выступая в роли предметов распознавания, не связанного с обозначением вещей иных типов, чтобы подвести итог уже написанному об этих ограничениях ранее. Минимальные требования для независимой распознаваемости типа партикулярий таковы, что его члены не должны быть ни личными, ни ненаблюдаемыми. Многие виды состояний, процессов, событий и условий удовлетворяют этим требованиям. В подходящих условиях такая партикулярия может быть обнаружена непосредственно и таким образом распознана независимо от обозначения любой другой партикулярии вообще. Даже если ее нельзя обнаружить непосредственно, такая партикулярия *может* быть распознана вне связи с явным или скрытым обозначением любой партикулярии, которая сама не является состоянием, процессом, событием или условием, как это и проявляется в некоторых случаях. Но эти случаи, в которых такое внутритиповое распознава-

ние оказывается возможным, сильно ограничены, поскольку необходимо, чтобы стороны, участвующие в распознающем обозначении, действовали в пределах одной и той же однородной структуры обозначений. А фундаментальным ограничением для состояний, процессов, событий и условий как независимо распознаваемых партикулярий является как раз неспособность предоставить структуры такого рода, которые хоть сколько-нибудь годились бы для наших целей обозначения. Еще менее способны они предоставить для себя *единственную* всеобъемлющую и пригодную для непрерывного использования структуру такого вида. Так что мы очень сильно расширяем пределы наших возможностей для построения распознающих обозначений состояний, процессов и т. п., позволяя им опираться на обозначения мест, лиц и материальных вещей.

Если взять во внимание описанные критерии, то материальные тела предстанут гораздо более подходящими кандидатами на роль базисных партикулярий, чем все прочие, рассмотренные ранее. Они задают как буквально, так и фигурально, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, как в широком, так и в узком смысле нашу физическую географию, очертания рельефа, которые мы наносим на наши карты. Они включают в себя множество сохраняющихся предметов (например, подробности рельефа, здания и т. п.), поддерживающих между собой достаточно стойкие или регулярно изменяющиеся пространственные отношения. Здесь «достаточные», «относительные» отсылают к нашей человеческой ситуации и человеческим потребностям. Когда мы рассматривали состояния, процессы и т. д., отметили, что среди них нет многообразия обладающих временной длительностью вещей, различных и сходным образом соотносящихся в тех областях пространства, которые нас могут интересовать. Однако существует богатое разнообразие вещей, каждая из которых занимает часть пространства, и которые подобным образом соотносятся друг с другом в течение известных нам промежутков времени. Материальные тела в широком смысле слова обеспечивают нам единственную, общую и постоянно могущую быть расши-

ренной структуру значений, для каждой составляющей которой можно построить распознающее обозначение, не связанное с обозначением какой-либо партикулярии любого другого типа. Это и есть структура для определения пространственного положения вообще. Детали устройства этой структуры изменяются, не нарушая, однако, ее единства. Знание деталей этого устройства различно у разных людей, но это не нарушает ее тождественности. Конечно, не все материальные тела или вещи, ими обладающие, рассматриваются даже как преходящие части этой структуры: многие тела слишком подвижны, или слишком эфемерны, или сочетают в себе оба качества. Никто не стал бы использовать их, давая, так сказать, пространственные указания, если только они не оказались бы наблюдаемыми тогда-то и там-то. Но это в случае необходимости не мешает их распознаванию посредством указания их отношения, во-первых, друг к другу, во-вторых, к элементам, входящим в структуру. Если мы примем, что существование в виде материального тела или обладание таковым достаточное для наших целей условие однотипности, то сможем предположить, что все вещи, удовлетворяющие данному условию, являются базисными партикуляриями. Тот факт, что распознавание вообще имеет не только пространственный, но и временной аспект, такому предположению не противоречит, поскольку материальные тела, или их обладатели, вступают друг с другом в отношения, которые имеют и временной аспект. Одна вещь сменяет или порождает другую. Вещи проходят через места в пространстве.

Таким образом, материальные тела в используемом мной широком смысле этого выражения могут быть распознаны без обозначения партикулярий иного типа не только в каких-то особых условиях, потому что фундаментальные условия распознавания, независимого от чужих типов — т. е. образование обширной и достаточно сложной типически однородной структуры значений — удовлетворяются в случае материальных тел. С другой стороны, как мы установили ранее, только в особых случаях распознавание партикулярий иных типов может обой-

тись без опоры на обозначение вещей, которые являются материальными телами, либо обладают таковыми. Поэтому материальные тела составляют базис распознавания партикулярий.

Это заключение можно еще усилить, совершив небольшой поворот в аргументации. Я доказывал, что фундаментальным условием для распознающего обозначения, не опирающегося на иные типы, является обладание общей, обширной и достаточно сложной типически однородной структурой значений. Я утверждал, что это условие выполняется для материальных тел и в целом не выполняется в иных случаях. Но раньше, во второй части этой главы, я утверждал, что условием обладания единственной, непрерывно используемой структуры подобного типа является способность *повторно* распознавать, по крайней мере, некоторые элементы структуры, несмотря на прерывность наблюдения. Иными словами, наблюдатель должен быть способен распознавать некоторые конкретные предметы как *опять те же самые*, что и встреченные в прошлый раз. Очевидно, способность выполнить это подразумевает существование общих критериев, или метода, повторного распознавания для различных видов партикулярий. Все эти соображения, взятые вместе, указывают, что если материальные тела быть базисными с точки зрения обозначающего распознавания, они также должны являться базисными с точки зрения повторного распознавания. То есть критерии повторного распознавания материальных тел не будут основываться на опознании иных партикулярий, кроме тех, что сами являются материальными телами, в то время как критерии повторного распознавания партикулярий прочих категорий должны хотя бы частично опираться на опознание материальных тел. Эти указания находят полное подтверждение. Например, если мы возьмем имя любого известного процесса, такое как «оттепель» или «битва», мы обнаружим, что невозможно привести сколько-нибудь полное описание условий распознавания такого процесса, как *того же самого*, не включающее обозначения того или иного материального тела — либо из числа тех, что создают его окружение, находятся в окрестностях, относятся к месту, в кото-

ром происходит процесс, либо из тех, что связаны с ним каузальными отношениями, либо непосредственно участвуют в нем, либо связаны как-то иначе с тождественностью процесса. Если же, с другой стороны, мы рассмотрим тождественность во времени самих материальных тел, то обнаружим, что фундаментальным является уже отмеченное требование, т. е. непрерывность существования в пространстве, поэтому иногда для установления того, выполняется ли это требование, необходимо обратиться к распознаванию мест, которое, однако, в свою очередь зависит от распознавания тел.

И с точки зрения различения партикулярии, неуказательно обозначенной с отсылкой к партикуляриям того же вида, и с точки зрения распознавания партикулярии, встреченной в одной ситуации, или описанной относительно одной ситуации при помощи указания на партикулярию, встреченную или описанную в иной ситуации, мы обнаруживаем, что материальные тела играют особую и фундаментальную роль при распознавании партикулярий. Этот вывод не покажется удивительным или неожиданным, если мы вспомним, что наша общая структура обозначения партикулярий является единой пространственно-временной системой, имеющей одно временное и три пространственных измерения, и еще раз поразмыслим над тем, что из всех имеющихся главных категорий, только категория материальных тел в состоянии образовывать такую структуру. Только эта категория представляет пребывающие во времени и пространстве тела, находящиеся в отношениях достаточно стабильных, чтобы удовлетворять, — а следовательно, и создавать — требования, необходимые для применения нами данной структуры.

Здесь можно кратко привести два возражения.

Во-первых, можно возразить, что эта аргументация основана на фундаментальном, но на деле сомнительном, противопоставлении материальных тел и процессов. В конце концов, можно сказать, разрушение скалы длится так же долго, как существование самой скалы, и находится в таком же пространственном отношении с разрушением соседней скалы, как и сами эти скалы. Рост и старение человека длятся столько же, сколь-

ко сам человек, и имеют то же пространственное отношение к другим процессам в разные моменты времени, что и человек к другим вещам: они происходят там, где находится он. Чем оправдано фундаментальное различие категорий вещей и процессов? — Так, некоторые философы утверждали, что «Цезарь» — это имя последовательности событий, биографии. Делая подобные утверждения, они, можно сказать, привлекали наше внимание к возможности распознавания нами категории предметов, которую мы на самом деле не распознаем: категории четырехмерных предметов, могущих быть названными «процессо-вещами», каждая следующая во времени часть которых является трехмерной, вместе образуя последовательные стадии истории этой вещи от начала до конца. Но способ, которым мне приходится описывать эти предметы, показывает, что их нельзя отождествить *ни* с процессами, которые происходят с вещами, *ни* с вещами, с которыми они происходят. Ранее я отмечал, что моей задачей является исследование отношений зависимости по распознаванию между имеющимися главными категориями, теми, которыми мы обладаем на деле, категорией же процессо-вещей мы не обладаем и в ней не нуждаемся. На деле мы различаем вещь и ее историю, или стадии ее истории. Мы не можем подобающим образом говорить об одной способами, подходящими для описания другой, и мы не говорим ни об одной из них способом, который подошел бы для категории процессо-вещей. На основании тех различий, которые мы действительно делаем, существует, как мы уже видели, общая зависимость в распознавании процессов, происходящих с вещами, от вещей, участвующих в них, и не наоборот. Это отчасти, хотя и не полностью, объясняется тем, что в различаемой паре именно вещи, а не процессы *занимают место* в пространстве, обладая не только пространственным положением, но и пространственными *измерениями*. Если бы кто-то попытался указать пространственные измерения процесса, скажем, смерти или битвы, ему пришлось бы указать очертания умирающего человека или обозначить *поле*, где развернулась битва.

Можно выдвинуть и менее четкое, но более серьезное возражение. Мы начинали с рассмотрения определенного вида речевой ситуации, такой, в которой распознающие обозначения партикулярии производились и встречали понимание. Нам следовало рассмотреть условия успешного распознавания в такого рода ситуации. Однако далеко не очевидно, как все эти весьма общие и теоретические соображения, выдвинутые в ходе этого рассуждения, отражают наши действительные речевые процедуры, и так же мало очевидно, в каком смысле было установлено, что материальные тела и вещи, ими обладающие, пользуются первенством с точки зрения распознавания.

В каком-то смысле это возражение придется принять. Было бы чрезмерно сложно попытаться показать, как именно эти общие соображения относятся к реальным процедурам нашего обучения и нашей речи. Предприняв такую попытку, мы потерялись бы в частности. Можно привести некоторое оправдание данного отказа. Ясно, что в обыденных разговорах мы специально не обнаруживаем применяемую структуру для обозначений. Мы действительно часто пользуемся указательными обозначениями вещей в нашем непосредственном окружении. Однако, когда разговор выходит за его пределы, мы не соотносим намеренно вещи, о которых идет речь, с вещами, которые видим. Место определенной структуры отношений частично занимает языковой механизм, так часто и по праву привлекавший внимание логиков — имя собственное. Не беря во внимание указательные или псевдоуказательные обороты, имена собственные являются главной опорой для обозначения партикулярий, стержнем описательных оборотов. Среди партикулярий носителями имен собственных *par excellence*¹ являются лица и места. Как мы уже видели, является концептуально истинным, что места определяются соотношением материальных тел; и является концептуально истинным, в важности чего мы полнее убедимся далее, что лица имеют материальные тела.

¹ По преимуществу, главным образом (фр.). — *Прим. ред.*

2

ЗВУКИ

[1] Притязание на особый в сравнении с остальными статус для некоторых классов или категорий сущностей — обычное дело в философии. Это философское явление предпочтения категории. Я сам проявлял предпочтение категории, утверждая, что материальные тела в некотором смысле базисны по отношению к другим категориям партикулярий. Но мне следует подчеркнуть, что существуют способы проявления предпочтений категории, к которым я не прибегаю. Предположим, что объекты α образуют класс сущностей-фаворитов. Тогда в некоторых случаях это предпочтение проявляется в заявлении, что слово «существует» имеет некие первичные смыслы или значение и что только α существуют в этом смысле, а все прочие вещи — в производных смыслах. Иногда при этом говорят, что только α реальны, иногда — что прочие вещи сводимы к α , что разговор о прочих вещах суть сокращенный способ говорить об α . Я хотел бы подчеркнуть, что, утверждая, что материальные тела являются базисными среди партикулярий, по крайней мере, в имеющейся у нас концептуальной схеме, я не имею в виду ничего подобного. Термин «базисный» здесь имеет значение только в отношении распознавания партикулярий. С другой стороны, полагаю, что факты, на которые я попытался указать, могут лежать в основе и объяснять, а возможно, и оправдывать некоторые из более сильных утверждений о предпочтениях категорий, которые я делать не берусь. Мне также кажется уместным пользоваться выражением «онтологически предшествовать», в том смысле, что утверждение, что материальные тела являются в пределах нашей концептуальной схемы базисными партикуляриями, тождественно утверждению, что

материальные тела онтологически предшествуют в данной концептуальной схеме прочим партикуляриям.

Все это, как я утверждал, истинно в отношении нашей концептуальной схемы, какова она есть. Следующий вопрос, который я хотел бы рассмотреть, состоит в том, могло бы, и, если могло, то как, все быть устроено иначе. Могла бы существовать концептуальная схема, подобно нашей предоставляющая систему предметных и распознаваемых партикулярий, но, в отличие от нашей, не имеющая материальные тела в качестве базисных партикулярий. Когда я говорю: «Могла бы существовать такая схема?», я имею в виду: «Можем ли мы связно представить идею такой схемы?»

Я говорил о двух аспектах распознавания. Их можно назвать аспектом различения и аспектом повторного распознавания. Второй аспект в предшествующем рассуждении не был привязан к речевой ситуации с участием говорящего и слушателя. Повторное распознавание может заключаться в простом помысливании ранее встречавшейся или представлявшейся партикулярии как той же самой, что и встречавшаяся или мыслившаяся ранее. Такое помысливание с очевидностью включает различие в мысли или наблюдении одной партикулярии и всех прочих. Поэтому аспект различения в распознавании является фундаментальным. Однако до сих пор в нашем рассмотрении идея отличия одной партикулярии от других возникла главным образом в связи с ситуацией, когда слушатель распознает партикулярию как ту, которую в данный момент обозначает говорящий. Эту связь я сейчас хотел бы ослабить, сохраняя вывод о том, что материальные тела в нашей действительной концептуальной схеме составляют основу мышления о распознавании партикулярий. Такое ослабление связи оправдано, поскольку не предполагает, что подобное мышление различается для случаев, когда мы хотим что-либо сообщить в речи, и для прочих случаев. Допущение, что материальные тела являются базисными партикуляриями в нашей концептуальной схеме, теперь следует понимать так, что распознающая *мысль* о партикуляриях, иных, чем материальные

тела, в целом основывается на *мысли* о материальных телах, но не наоборот; а вопрос, который я только что поставил, т. е. «Можем ли мы представить схему, в которой возможно распознавание партикулярий и в которой материальные тела не являются базисными?» — следовало бы понимать в соответствующим образом измененном, более общем смысле. Данное ослабление связи с действительными речевыми ситуациями дает большую свободу маневра на следующем этапе исследования, при этом заранее не направляя его к заключению, согласно которому связь должна быть снова укреплена.

Свобода маневра здесь заключается в следующем. До тех пор, пока «распознавание» означает «распознавание говорящего-слушающего», всякий вопрос об общих условиях концептуальной схемы, предоставляющей распознаваемые партикулярии, будет вопросом об общих условиях распознавания партикулярий в ситуации говорящий-слушающий. Так что этот вопрос может возникнуть лишь при условии, что существуют говорящие и слушающие, вступающие в коммуникацию. Но мы могли бы, или кажется, что могли бы, поставить такой же вопрос без предварительного допущения говорящих и слушающих, поскольку каждый из нас в состоянии *мысленно* распознавать партикулярии, не говоря о них. Возможно, что наша способность производить мысленное распознавание партикулярий логически зависит от нашей способности говорить о них другим. Но если это и истина, то, по крайней мере, неочевидная. Нам не следует торопиться с суждением на этот счет и прежде обратиться к более общему вопросу об условиях возможности мысленного распознавания партикулярий.

Но насколько общим должен быть этот вопрос? Я намерен поставить в этом отношении одно ограничение. В своей распознающей мысли, а также, конечно, в своей распознающей речи о партикуляриях субъект может очевидным образом провести различие между частными случаями, процессами и условиями, принадлежащими опыту или состояниям сознания субъекта, и партикуляриями, не являющимися фрагментами чьего-либо опыта или состояний сознания, хотя и могут являться их

предметами. Так, если молния ударит в дерево, то это будет одним видом события, а если я увижу попадание молнии в дерево, то это будет другим видом. Пронзание ножом моей плоти будет одним событием, а моя боль — другим. Ограничение, которое я хотел бы наложить на свой вопрос, таково: это будет вопрос об условиях возможности мысленного распознавания партикулярий, отличаемых мыслящим от самого себя и от собственного опыта или состояний сознания и рассматриваемых как действительные или возможные *предметы* этого опыта. Далее я буду использовать фразу «предметные партикулярии» как сокращение полной фразы «партикулярии, различаемые мыслящим и т. п.». Возможно, что данное ограничение моего вопроса совсем таковым не является, потому что распознающую мысль о партикулярии нельзя построить без описанного различения. Однако и этот вопрос я отложу. Мое исследование не требует ответа на него; может быть, на него вообще нельзя ответить.

Я могу, таким образом, обозначить направление исследования при помощи двух вопросов, формой и отчасти содержанием напоминающих кантовские: (1) Каковы наиболее общие доступные выявлению условия знания предметных партикулярий? (2) Требуют ли эти наиболее общие условия того, чтобы материальные тела выступали как базисные партикулярии, или это является лишь особенностью нашей схемы познания предметных партикулярий? Или, если объединить эти два вопроса, является ли статус материальных тел как базисных партикулярий необходимым условием познания предметных партикулярий?

Ранее я предположил, что то, что материальные тела являются базисными партикуляриями в нашей схеме, можно вывести из факта, что наша схема имеет определенный вид, т. е. выглядит как пространственно-временная система с одним временным и тремя пространственными измерениями. Если это так, то найти схему, в которой материальные тела не выступают базисными партикуляриями по крайней мере означает найти схему иного типа. Это соображение открывает сразу не-

сколько перспективных направлений исследования, и среди них одно очень простое, но очень радикальное. Мы можем спросить: «Могла бы существовать схема, вмещающая систему предметных партикулярий, которая была бы полностью внепространственной?» Этот вопрос еще раз напоминает о Канте. Он говорил о двух формах чувственного восприятия или созерцания, Пространстве и Времени. Время выступало формой всех чувственных представлений, Пространство — только некоторых. Он полагал, что то обстоятельство, что мы обладаем только двумя этими — и только этими — формами чувственного созерцания, является самым фундаментальным фактом, но не является вопросом абсолютной необходимости. Он скорее всего счел бы тавтологией утверждение, что мы не можем *вообразить*, что обладаем иными формами, хотя можем в некотором смысле допустить такую возможность. Я полагаю, что он также счел бы, что невозможно *вообразить*, что мы *не* обладаем обеими этими формами. «Никоим образом нельзя себе представить, что пространства нет»¹. Я не уверен, что знаю, что это означает. Но независимо от того, можем ли мы «себе представить, что пространства нет», я не вижу причин, почему бы в воображении нам не попытаться ограничиться тем, что находится вне пространства, и посмотреть, какие концептуальные выводы из этого последуют. Кант считал, что все представления возникают во внутреннем чувстве, формой которого является Время, но только некоторые представления есть представления внешнего чувства, формой которого является Пространство. Я предлагаю исследовать, возможна ли схема, содержащая предметные партикулярии, которая не включала бы внешнее чувство и все его представления. Я предлагаю исследовать мир-без-Пространства. По крайней мере, он будет миром без тел.

¹ Kant I. Critique of Pure Reason, B38 (см.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. С. 78. — Прим. ред.)

[2] Теперь по поводу следующего далее я должен сделать одно замечание, одновременно оправдательное и предостерегающее. Я буду все время ставить вопросы в форме, в которой они вполне могут казаться не допускающими ответа. Например, вопрос о том, могло бы существо с опытом, в некоторых аспектах существенно отличающимся от нашего, иметь такую же или сильно отличную концептуальную схему некоторого рода, или о том, могло бы существо с фундаментальными отличиями в концептуальной схеме воспроизводить в ней опыт, сходный с нашим. Поставленные в такой форме вопросы могут показаться в худшем случае бессмысленными, в лучшем — допускающими только неясные спекулятивные ответы. Однако в целом подобную форму вопроса можно рассматривать просто как удобный, хотя и несколько драматичный, способ постановки более очевидно правомерных вопросов: вопросов не о гипотетических существах, а, например, о пределах, до которых, или о способах, которыми *мы* могли бы интерпретировать в рамках части собственного опыта некоторые из наиболее общих концептуальных элементов, свойственные нашему опыту в целом. Насколько успешно мы можем воссоздать структуру этого целого в рамках его части? Или какие структурные аналогии между частью и целым мы можем выявить? Или, опять же, насколько основательно мы можем разделить связи между некоторыми центральными понятиями, или их связи с некоторыми типами опыта, не разрушая самих этих понятий? Вопросы такого общего порядка, без сомнения, в некотором смысле являются тщетными, однако представляются доступными для обсуждения.

В последующем обсуждении, как мы увидим, произойдет некоторое смещение акцента, поскольку при рассмотрении непространственного мира кое-что, принятое как данное в первой главе, окажется под вопросом: различие носителем концептуальной схемы себя и собственных состояний, с одной стороны, и других партикулярных, которые он воспринимает, — с другой. Вопрос о том, продолжают ли выполняться условия данного различения в воображаемом мире, как мы увидим, от-

части зависит от другого вопроса: удовлетворяются ли в этом мире условия повторной распознаваемости. Но решения этого последнего вопроса недостаточно для решения первого, и дальнейшее рассуждение приведет нас в третьей главе к прямому рассмотрению нашего обыденного мира и того, как в нем выполняется указанное различие.

Итак, нынешняя глава является в некотором смысле мостом между первой и третьей. Возможно, в ней нам удастся пролить свет на некоторые фундаментальные особенности нашего действительного мышления, предприняв попытку воссоздать эти особенности на искусственно обедненном феноменологическом материале и пронаблюдав, как нам необходимо организовать этот обедненный материал, чтобы воспроизвести известную нам структуру.

[3] К чему сводится предложение исследовать непространственный мир? Что значит представлять, что мы освободились от внешнего чувства? Традиционно пять чувств рассматриваются как различные модусы восприятия общедоступных предметов. Из них вкус и обоняние значительно тривиальнее остальных, вдобавок вкусу свойственна логическая сложность, затрудняющая подступы к нему. Как представляется, модель опыта без вкусовых и обонятельных элементов не произведет концептуальной революции. (Человек, страдающий простудой, *видит* мир без больших изменений.) Однако простоты ради, исключим их. У нас остаются зрение, слух и осязание. Что из них придется исключить, чтобы избавиться от внешнего чувства? На первый взгляд может показаться, что исключить придется их все, приведя таким образом исследование к довольно раннему завершению. Мы очевидным образом обнаруживаем пространственные характеристики предметов зрением и осязанием; слух также открывает нам некоторые пространственные характеристики по крайней мере некоторых предметов. Звуки приходят слева и справа, сверху или снизу, приближаются и удаляются. Если звуки — истинные предметы слухового восприятия — сами по себе обладают свойствами размерности и

удаленности, не оказывается ли, что нам не удалось избавиться от пространственных характеристик и понятий, даже если мы примем радикальную гипотезу чистого аудиоопыта? Мне кажется, такой вывод был бы ошибкой, причем довольно очевидной. Фактически именно там, где чувственный опыт является не только слуховым по своему характеру, но также и тактильным и кинестетическим, — или, как в большинстве случаев, тактильным, кинестетическим и визуальным, — мы можем приписывать пространственные предикаты на основании только слуха. Но из этого факта не следует, что в чисто слуховом опыте найдется место для пространственных понятий. Я полагаю, что такого места не найдется. Единственными предметами чувственного опыта окажутся звуки. Конечно, звуки состоят друг с другом во временном отношении и могут иметь различные свойства: громкость, высоту, тембр. Но они не имеют внутренне присущих пространственных свойств. Такие выражения, как «слева от», «выше (пространственно)», «ближе», «дальше», не имеют слухового значения. Позвольте мне в краткой форме противопоставить в этом отношении слух зрению и осязанию. Очевидно, что поле зрения необходимо обладает протяженностью в любой момент времени, а его части должны находиться в пространственных отношениях друг с другом. Случай осязания менее очевиден: например, не так ясно, можно ли говорить о «поле осязания». Но если мы объединим тактильные и кинестетические ощущения, мы получим материал для пространственных понятий. Тем, кто слеп с рождения, известно, что означает «одна вещь над другой», или «дальше, чем». О чисто визуальном или о чисто тактильно-кинестетическом понятии пространства можно сказать, что оно беднее нашего, но все равно является возможным. Чисто слуховое понятие пространства, напротив, является невозможным. Тот факт, что из пестроты нашего опыта мы можем извлекать, как говорится, чисто «на слух» данные о направлении и расстоянии до звуков и вещей, их издающих, ничуть не противоречит этому утверждению. Этот факт в достаточной мере объясняется существованием корреляции, связи между собствен-

ными свойствами звука и другими, неслуховыми свойствами чувственного опыта. Я не пытаюсь сказать, что мы сначала замечаем эту связь, а затем строим индуктивные выводы на основании их наблюдения, или что мы, подумав, смогли бы указать на них как на основания, по которым мы «на слух» определили расстояние или направление. Утверждать нечто подобное означало бы умалять смысл выражения «на слух», а я готов принять всю его полноту. Я просто защищаю менее радикальный в силу своей меньшей конкретности тезис о том, что на деле существование таких корреляций является необходимым условием возможности определения нами расстояний и направлений так, как мы это делаем на слух. Что бы ни было в звуке такого, что позволяет нам говорить вещи вроде «похоже, что звук пришел слева», этого самого по себе (т. е. без визуальных, кинестетических, тактильных явлений) недостаточно для образования пространственных понятий. Я буду считать не требующим дальнейшего обсуждения, что, моделируя чисто слуховой опыт, мы моделируем непространственный мир. Разумеется, я не утверждаю, что только аудиомир будет являться непространственным. Есть другие, более сложные возможности. Я выбрал идею только слышимого мира, потому что она достаточно проста, но при этом обладает достаточным формальным богатством.

Теперь нам необходимо прояснить следующий вопрос: могло бы существо с опытом сугубо слуховым иметь концептуальную схему, допускающую предметные партикулярии? Вопрос этот сложен и распадается на ряд других. Обратимся сначала к определению «предметный» в словосочетании «предметные партикулярии». На первый взгляд с этим определением не связано никаких трудностей, поскольку при нынешнем положении вещей о разных людях можно с уверенностью сказать, что они слышат один и тот же звук — не просто звуки одного типа, разные случаи одного вида звуков, а один конкретный звук. Звуки могут выступать, и большинство из них, те, что мы слышим, на деле выступают в качестве общедоступных предметов. Если, говоря о звуке, мы имеем в виду кон-

кретный звук, тогда мы имеем в виду предметную партикулярию, общедоступный предмет. Поэтому может показаться очевидным, что если мы можем оперировать каким-то понятием партикулярии в слышимом мире, то это будет понятие предметной партикулярии. На самом деле это не так очевидно. Называть звук общедоступным предметом, утверждать, что разные люди могут слышать один и тот же конкретный звук, означало бы, по крайней мере, следующее: что различные нормальные слушатели могут приблизительно в одно время иметь примерно одинаковые слуховые восприятия, или слуховые восприятия систематически соотнесенные явным образом, в одном и том же конкретном окружении; к этому, возможно, следует добавить, что для того, чтобы в каждом конкретном случае выполнить требование, согласно которому они действительно слышат один и тот же звук, необходимо, чтобы для всех рассматриваемых слуховых восприятий имелся один и тот же каузальный источник. Например, мы могли бы представить, что одно и то же музыкальное произведение исполняется одновременно в двух концертных залах, и в определенный момент в нем звучит определенный аккорд. Тогда два разных слушателя в двух залах примерно в одно время будут иметь примерно одинаковые слуховые восприятия. И хотя в одном смысле слышимый ими звук будет одним и тем же — это будет *один аккорд*, — в другом смысле, а именно том, который нас интересует, слышимые ими звуки будут различаться. Они услышат две различные звуковые партикулярии, поскольку условие тождества партикулярий по их окружению и условие тождества партикулярий по источнику звука не выполняются. При этом два слушателя в одном концертном зале будут слышать одни и те же звуковые партикулярии, а также один и тот же аккорд — звуковую универсалию, — поскольку в этом случае условия тождества партикулярий по окружению и источнику выполняются.

Я не стану утверждать, что выше описаны все условия тождества звуковых партикулярий, воспринимаемых двумя слушателями. Случай со звуками, передаваемыми посредством раз-

личных искусственных носителей, например, предлагает интересные возможности для выявления других условий тождества звуковых партикулярий. Я выбрал описанные условия как наиболее очевидные, но не исключающие других.

Последним из указанных условий, тем, что касается причинной связи, в нашем аудиомире можно пренебречь. Остальные образуют острую проблему. Как представляется, чтобы придать значение идее совместности восприятия звуков в мире, воспринимаемом только слухом, мы должны наделить значением в терминах звуков идею других людей и идею их нахождения в том же окружении. *Допускать*, что мы можем придать смысл идее тождества конкретных окружений в терминах только звука означало бы уклонение от ответа. Звуки, в терминах которых нам пришлось бы определять смысл этой идеи, сами должны были быть общедоступными звуками, иначе они не могли бы выступать основой тождества окружений для различных субъектов аудиоопыта. А возможность существования общедоступных звуков в мире только лишь звуков как раз и находится под вопросом. Поэтому проблему трудно считать решенной, и это ставит под угрозу весь наш проект.

Надежда появляется, если мы решим снизить наши требования. Выше я истолковал «предметные» партикулярии как «общедоступные» партикулярии, и это повлекло за собой идею других носителей опыта, находящихся в той же среде. Многое говорит в пользу такого истолкования, если считать верным определенное направление мысли. Краткое изложение этого направления, которое, я надеюсь, не слишком похоже на пародию, может быть таким. Мы не могли бы говорить друг с другом о личном, если бы не могли говорить о совместном. Мы не можем говорить, иначе как друг с другом. Выше какого-то элементарного уровня пределы мышления совпадают с пределами языка; или «то, что мы не можем сказать, мы не можем помыслить». Наконец, ничто не может называться опытом, тем более знанием, без понятий, без мыслей. Применительно к нынешнему вопросу, из этого направления мысли следует заключение, согласно которому сама идея чисто слухового опыта

пуста, если нельзя сообщить смысл в терминах звуков идее общедоступных аудиопредметов, являющихся одновременно предметами общения существ, их слышащих.

Я начну с описания достоинств такого хода мысли. Ранее я ввел термин «предметный», сообщив ему достаточно традиционный и, возможно, недостаточно точный смысл, основанный на различении субъектом, с одной стороны, себя и своих состояний, с другой — всего остального, выступающего предметом опыта. На время я перефразирую вопрос «Могут ли условия познания предметных партикулярий выполняться в исключительно слуховом опыте?» как «Могло бы существо, обладающее исключительно слуховым восприятием, пользоваться различением, с одной стороны, себя и своих состояний и, с другой стороны, всего остального, отличного от этого и выступающего предметом опыта?» Этот вопрос я сделаю более удобочитаемым: «Могут ли условия несолипсистского сознания удовлетворяться чисто слуховым восприятием?» Точнее говоря, под несолипсистским сознанием я буду понимать сознание существа, находящего применение различению между собой и своими состояниями, с одной стороны, и чем-то, что не является им или его состояниями, и относительно чего он обладает опытом — с другой; под солипсистским — сознание, в котором такое различение не имеет места.

Однако это не единственный вопрос, на который мы должны ответить. Есть и другой, тесно с ним связанный: можем ли мы вообще сформулировать понятие распознаваемых партикулярий исключительно в терминах звука? Будет ли в аудиомире существовать различие между качественной и численной тождественностью? На первый взгляд вопросы не представляют сложности. Разве не могла бы слуховая непрерывность или прерывность выступать критерием различения звуков как партикулярий? То есть, предположим, во-первых, что на каком-то временном отрезке опыта звук некоторой громкости, высоты и тембровой окраски послышался, длился без прерывов и затем прекратился. Во-вторых, предположим, что в этом опытном отрезке звук начался, прекратился, затем снова начался и снова

прекратился. В первом случае число звуков как партикулярий будет один, во втором — два. В обоих случаях звук будет качественно одним и тем же, то есть одним звуком как универсалией. Даже когда звук некоторого вида является непрерывным, длится, как, например, когда мы слышим музыку, мы в состоянии различить качественно различные звуки в общем звуковом массиве, а следовательно, пользуясь критерием прерывания, и различные конкретные случаи качественно одного звука. Мы также, конечно, в состоянии различить, возможно, даже с большей легкостью более сложные звуковые партикулярии, составленные из множеств или последовательностей дифференцированных только что описанным способом звуковых партикулярий. Это, как представляется, указывает на то, что распознаваемые в смысле *различимости* звуковые партикулярии являются возможными.

Но возможны ли звуковые партикулярии, распознаваемые в смысле *повторной* распознаваемости? Если на этот вопрос не удастся ответить утвердительно, то понятие партикулярии, с которым нам придется работать, окажется, так сказать, очень тонким. Конечно, звуки можно повторно распознавать, если рассматривать «звуки» в смысле универсалий, или типов. Можно повторно распознать ноту, или последовательность нот, или сонату. Но какой смысл можно придать понятию повторного распознавания *конкретного* звука как вновь того же самого, после временного интервала, в течение которого его не было слышно? Мы не можем обратиться к партикулярной тождественности не-слуховых обстоятельств воспроизведенного звука, оправдывая, например, высказывание «Это продолжение той самой *конкретной* последовательности звуков, которую мы слышали недавно», поскольку в нашей гипотезе звуки не окружены ничем, кроме других звуков. Эту сложность можно подчеркнуть, обратившись к тому, что может показаться возможным исключением из области ее действия. Представим последовательность звуков некоторой сложности — и здесь я говорю о типе или универсалии, которая имеет определенное музыкальное единство и которую я буду называть М. Предста-

вим, что в ней можно различить четыре «части»: А, В, С, D. Представим, что мы услышали случай звучания А, а затем, после некоторой паузы, D. Пауза, однако, занята не В и С, а какими-то другими звуками. Разве мы не можем сказать, что, услышав D, мы услышали часть той же конкретной М, чью часть А мы слышали ранее; то есть, когда звучало D, имел место случай той же конкретной М, так сказать, ее возврата после паузы; и что мы, таким образом, имеем случай не просто повторного распознавания универсалии, но распознавания партикулярии как той же самой? Разумеется, для действительности этого предположения нам необходимо допустить, что у нас есть критерий, позволяющий отличить случай повторного появления той же самой партикулярии М от случая, когда после паузы за А следует D, и они *не* являются частями одной и той же партикулярии М. Это напоминает случай с двумя концертными залами, в которых одновременно звучит одно и то же музыкальное произведение (тип или универсалия). Тогда имелись очевидные критерии различия между следующей частью того же самого конкретного произведения *как партикулярии* и частным случаем следующей части этого произведения *как универсалии*, и основывались они на неслуховых параметрах. Но в чистом аудиомире у нас нет таких критериев; а если *нет* критериев различения, то нет и смысла у самого различения, а также нет значения у идеи повторного распознавания слуховых партикулярий. Может быть, в данном случае все не так плохо, поскольку один критерий все же можно предложить. Можно предложить считать, что если последовательности А и D звучали тихо, а звуки в паузе между ними громко, то для нас очевидно, что А и D являлись частью одной и той же партикулярии; если же эти условия не выполнялись, то для нас очевидно, что они не являлись частями одной и той же партикулярии. Причины, по которым такое решение может быть для нас привлекательным, слишком очевидны: оно позволяет считать неслышанные части М имевшими место, но поглощенными посторонними звуками между А и D. Но стоит нам понять происхождение этого критерия, причины, по которым он использу-

ется в реальной жизни — видимые движения смычка уличного скрипача, чьи звуки тонут в музыке марширующего мимо оркестра, — и он перестает казаться перспективным для нашего чисто слухового мира.

Несмотря на это, наша попытка приводит к некоторым связанным друг с другом результатам.

Первый из них — это связь между идеей повторно распознаваемой партикулярии и идеей продолжающегося существования невоспринимаемой партикулярии. Эта связь передала всю свою привлекательность критерию повторного распознавания звуковых партикулярий, который я только что рассмотрел и признал непригодным. Дело не в том, что промежуточные звуки были громкими, а в том, что они были достаточно громкими для нас, находящихся в знакомом нам мире, чтобы представить, что они *перекрывают* потому неслышимые звуки, связывающие начальную и конечную части повторно распознанной партикулярии. Но эта мысль слишком очевидным образом происходит из знакомого нам мира и не имеет отношения к нашему воображаемому миру или это отношение до сих пор не выявлено. Нам все еще предстоит показать, что идее продолжающегося существования ненаблюдаемой партикулярии можно придать смысл в этом воображаемом мире.

Первый тезис прямо ведет ко второму. Вопрос — могут ли существовать повторно распознаваемые звуковые партикулярии в чисто слышимом мире? — был поставлен, как если бы следовало бы рассмотреть другой вопрос, совершенно не связанный со следующим вопросом: могло бы существо с чисто слуховым опытом найти применение различению себя и собственного опыта, с одной стороны, и всего прочего — с другой? Но теперь видно, что эти вопросы не являются независимыми. Утвердительный ответ на второй влечет за собой утвердительный ответ на первый, поскольку иметь концептуальную схему, в которой делается различие между субъектом и его состояниями, с одной стороны, и слуховыми объектами, которые не являются его состояниями, — с другой, означает иметь концептуальную схему, в которой существование слуховых объек-

тов является *логически* независимым от существования состояний субъекта и самого субъекта. Иначе говоря, это означает иметь концептуальную схему, делающую логически возможным существование объектов, не зависящих от того, наблюдаются ли они или нет, и которые, следовательно, должны продолжать существовать также и во временные промежутки, когда их никто не наблюдает. Итак, представляется, что в аудиомире могут существовать повторно распознаваемые партикулярии, если в нем могут выполняться условия существования несолипсистского сознания. Далее, можно утверждать, что бессмысленно говорить о логической возможности существования повторно распознаваемых партикулярий в мире, воспринимаемом исключительно слухом, если критерии повторного распознавания не могут быть сформированы или сконструированы в терминах только лишь звука. Если все это верно — а мне представляется именно так, — то мы приходим к заключению, что условия возможности несолипсистского сознания могут удовлетворяться в таком мире, только если мы опишем в чисто слуховых терминах критерии повторного распознавания звуковых партикулярий.

Верно ли обратное? Следует ли из существования идеи повторно распознаваемой партикулярии, а вместе с ней и идеи партикулярии, продолжающей существовать вне поля наблюдения, существование различения себя и своих состояний сознания, с одной стороны, и того, что не является мной или моим состоянием сознания — с другой? Я пока воздержусь от ответа на этот вопрос. Позднее предложу метод ответа на этот и подобные ему вопросы о том, является ли нечто достаточным условием существования несолипсистского сознания, или нет. Пока же просто рассмотрим и отвергнем возможность утвердительного ответа на этот вопрос на ложных основаниях. У нас может появиться искушение ответить утвердительно, исходя из смешения двух идей: существа с солипсистским сознанием и философа-солипсиста. Однако существо с солипсистским сознанием, которое я кратко назову истинным солипсистом, не сможет осознать себя таковым, а равно и философским со-

липсистом, а равно и чем-то другим. Оно совершенно определенно не полагало бы, что все конкретное, что существует, является им или его состоянием. Тот, кто полагал бы так, действительно столкнулся бы с трудностями — не обязательно непреодолимыми, — пытаясь увязать эту свою доктрину с идеей множества партикулярий, которые продолжают существовать, будучи ненаблюдаемыми. Но истинный солипсист — это скорее тот, кто просто *не находит употребления* отличению себя от всего остального. Остается разобраться, необходимо ли присутствует в концептуальной схеме, включающей повторно распознаваемые партикулярии, также и это различие.

Пока же обратимся к следующему моменту. Давайте исследуем, как только что установленные требования выполняются в известном нам мире. Иными словами, исследуем, с какими его характеристиками или комплексами характеристик наиболее тесно связана идея повторно распознаваемых партикулярий, продолжающих существовать, не будучи наблюдаемыми. Я думаю, ответ прост и очевиден, несмотря на то, что детально описать данные характеристики было бы чрезвычайно сложно. Грубо говоря, решающе важной идеей для нас является идея пространственной системы предметов, через которую субъект, еще один предмет, движется, но которая простирается за пределы наблюдаемого субъектом в некоторый момент, или, более в общем виде, никогда не раскрывается наблюдению полностью. Эта идея очевидным образом придает необходимое невременное, так сказать, вместилище и для предметов, по сути не являющихся пространственными, таких, как звуки, и для тех, которые являются. Поэтому самый знакомый и понятный смысл того, что существуют звуки, которые я не слышу, таков: есть *места*, в которых эти звуки слышны, но в которых я сам не нахожусь сейчас. Конечно, идее неслышимых звуков можно придать и другие смыслы, но многие из них работают благодаря все тому же соотношению слуховых явлений с прочими явлениями (например, с неслуховыми явлениями, причинно связанными со слуховыми) и вынесению этих связей за пределы слышимости. Поэтому они не добавят здесь ничего существен-

ного. Альтернативной основой может выступать идея отказа органов восприятия; но почему мы считаем, что отказывает восприятие, а не исчезает мир? Этот выбор нельзя использовать для объяснения понятий, которые ему предпосланы.

Давайте вернемся к самому известному смыслу, в котором мы мыслим звуки, существующие в данный момент, но неслышимые нами, и к его отношению к идее места. Мы уже убедились, что идее места, а с нею и идее пространственной системы предметов нельзя придать значение в терминах только звука. Однако, как представляется, мы должны располагать измерением помимо временного, которое вмещало бы неслышимые в данный момент звуки, если мы хотим придать удовлетворительный смысл идее их теперешнего существования вне поля восприятия, а с ней и идее повторного распознавания партикулярий в чисто слуховом мире, а с ней, в свою очередь, возможно, и идее несолипсистского сознания в таком мире. Поэтому наш вопрос принимает следующий вид. Раз мы не можем сформулировать даже самую ограниченную буквальную интерпретацию пространственных понятий в чисто звуковых терминах, нельзя ли нам отыскать некоторую изменчивую характеристику аудиомира, представляющую то, что мы будем называть *аналогией Пространства*? И конечно — что бы это ни означало — аналогию, достаточно близкую для наших целей?

Но как близко это «достаточно близко»? Нам нужна аналогия пространства, допускающая возможность невоспринимаемой, но существующей партикулярии. Говоря приблизительно, мы хотели бы, чтобы она позволяла говорить о чем-то, похожем на отсутствие и присутствие — но не просто об отсутствии и присутствии в самом общем из возможных значений этого слова, а о тех, что позволяли бы нам говорить о чем-то как о более или менее удаленном, или отделенном, от нашей нынешней позиции. Другими словами, нам нужна аналогия расстояния — *ближе к* или *дальше от*, — поскольку при выполнении по крайней мере этого условия мы получим что-то, похожее на идею измерения, отличного от временного, в котором невоспринимаемые партикулярии могут мыслиться как пребы-

вающие одновременно в некотором подобии систематического расположения по отношению друг к другу и к воспринимаемым партикуляриям. Конечно, пространственные явления, аналогию которым мы ищем, безмерно сложнее. Удаленные партикулярии располагаются не в одном измерении, а в трех; партикулярии могут быть невоспринимаемыми не только потому, что они слишком далеко, но и потому, что их скрывают другие, или потому что наше внимание не распространяется в их направлении. Но мы вряд ли можем надеяться воспроизвести все это сплетение отношений в терминах звука. Выбирая самую простую характеристику, для которой мы легче всего могли бы найти аналогию, нам, пожалуй, следует остановиться на расстоянии. Для приближения, удаления и исчезновения нам, возможно, и удастся подыскать аналогию.

Принято различать три параметра звука: тембр, высоту и громкость. Тембр мы можем оставить без внимания, потому что тембральные различия, как представляются, не дают основания для систематического упорядочения. Высота кажется гораздо более перспективной. В самом деле, для нас обычное дело рассуждать о разнице в высоте по аналогии с пространством — мы говорим о высоких и низких нотах, — более того, мы часто представляем эту разницу пространственными интервалами. Если аналогия работает в одном направлении, будет ли она работать в другом? Предположим, что наш воображаемый чисто слуховой опыт имеет следующие свойства. Звук определенного специфического тембра непрерывно слышен с постоянной громкостью, но с изменяющейся высотой. Только этот звук отличается непрерывностью. Мы можем назвать его главным звуком. Его можно сравнить с постоянным свистом меняющейся высоты, который примешивается к программам в некоторых неисправных радиоприемниках. В дополнение к главному звуку нам слышны другие звуки или их последовательности разной степени сложности. Можно предположить, что некоторые такие последовательности обладают целостностью, присущей музыкальным произведениям. Они повторяются и узнаются. Они суть высокосложные универсалии,

имеющие конкретные частные случаи. Можно представить, что перемещения вверх и вниз по диапазону высот главного звука иногда случается быстро, а иногда главный звук остается неизменным в течение длительного времени. Наконец, можно представить, что изменения высоты главного звука соотнесены с изменениями в других слышимых звуках, подобно тому, как положение ручки настройки радиоприемника соотнесено со звуками, которые мы из него слышим. Итак, предположим, что слышна одна из описанных мной связных последовательностей звуков, точнее, ее частный случай. Постепенное изменение высоты главного звука сопровождается постепенным уменьшением, или сначала увеличением, а потом уменьшением, громкости последовательности, до тех пор, пока она совсем не перестает быть слышной. Если постепенное изменение высоты главного звука продолжается в том же направлении, другая связная последовательность звуков начинает быть слышна с растущей громкостью. Если изменение высоты принимает обратное направление, то весь процесс также происходит в обратном направлении. Этот процесс можно уподобить постепенному изменению настройки радиоприемника с частоты одной станции на частоту другой — и обратно. Только вместо постепенного вращения ручки настройки мы имеем постепенное изменение высоты главного звука. Если, напротив, высота главного звука изменяется резко, то это изменение сопровождается какофоническим смешением звуков, подобно тому, как это происходит при максимально быстром вращении ручки настройки приемника. А если высота главного звука остается неизменной, то одна отчетливая связная последовательность звуков звучит до своего окончания, и начинается другая.

В таких условиях, как представляется, наша аналогия будет близка к тому, чтобы создать картину звукового мира, допускающего существование повторно распознаваемых партикулярий. Высота главного звука в некоторый момент времени аналогична расположению в звуковом мире в этот момент. Тогда этот мир будет восприниматься как вмещающий множество партикулярий, в данный момент не слышных, но звучащих в

других положениях, отличных от занимаемого ими в этот момент. В такой картине содержится четкий критерий различения случаев слышания последующих частей *конкретной* последовательности звуков, предшествовавшие части которой были слышаны ранее, и более общих случаев слышания последующих частей той же самой последовательности *как универсалии*. Представим, что некоторая последовательность звуков, которую назовем М (М здесь — имя универсалии), слышна на фоне главного звука некоторой высоты В. Теперь представим, что главный звук изменился достаточно резко до высоты В' и вернулся к В. Последовательность М снова слышна, но уже несколькими тактами дальше. Тогда слышимая звуковая партикулярия повторно распознается как тот же самый случай М. Если же главный звук изменил высоту не с В до В' и обратно, а с В до В'', тогда, даже если М будет слышна там снова, и в ней будут пропущены те же такты, она не будет той же самой конкретной М, а другим ее случаем. И опять радиоприемник подсказывает нам аналогию: мы можем перенастроить волну и вернуться, пока там будет звучать какое-то произведение, или можем сменить волну и попасть на другую станцию, в то же самое время передающую то же произведение в исполнении другого оркестра.

Конечно, несмотря на то, что аналогия, иллюстрирующая концептуальную схему, которая позволяет повторно распознавать партикулярии, выглядит привлекательно, она не обладает окончательной убедительностью. Мы можем принять и другую схему описания, допускающую повторное опознание универсалий, но не партикулярий. Мы не можем, оставаясь последовательными, принять схему, допускающую повторное опознание звуковых партикулярий, а затем сказать, что вопрос тождества партикулярий всегда будет оставаться открытым, что относительно него не будет *определенности*. Эта позиция была бы философским скептицизмом применительно к тождеству звуковых партикулярий и в итоге относительно независимой реальности звукового мира. О такого рода непоследовательности я высказывался ранее — одновременное принятие и отказ

от некоторой концептуальной схемы реальности. Такую позицию можно истолковать и по-другому — как путанную защиту иной схемы, в данном случае такой, которая либо не допускала бы повторного распознавания партикулярных, либо выдвигала более строгие или более сложные критерии повторного распознавания, чем описанные мной.

Давайте остановимся ненадолго и сравним положение в звуковом и в обыденном мирах. Описывая возможную схему, допускающую повторное распознавание звуковых партикулярных в звуковом мире, я, разумеется, описывал схему повторного распознавания без отсылки к партикулярным иного типа, поскольку иные типы здесь не рассматриваются. И в звуковом, и в обыденном мире возможность повторного распознавания партикулярных зависит от идеи измерений, в которых могут найти приют невоспринимаемые партикулярные, которые они, в нашем представлении, занимают. Однако для нашего обыденного мира слова «найти приют» — это лишь метафора, а слово «занимать» метафорой вовсе не является, поскольку в нашем обыденном мире «измерения» — это как раз трехмерное пространство. Общий характер этих измерений в *любой* концептуальной схеме определяет типы партикулярных, которые можно повторно опознать независимо от партикулярных иных типов. Так, в нашей действительной схеме такие партикулярные должны, по сути, являться пространственными предметами, занимать пространство; звуковые же партикулярные, не имеющие такого свойства, не могут быть независимо повторно опознаны. Но в воображаемой схеме, которая занимает нас сейчас, указанные измерения создаются вариациями в чисто слуховых явлениях. Измерением, так сказать, выступает высотный диапазон главного звука. Поэтому повторно распознаваемые партикулярные в данной схеме сами могут быть чисто слухового порядка.

Вернемся к слуховой аналогии расстояния, с помощью которой мы пытались представить возможность концептуальной схемы, позволяющей повторно распознавать партикулярные. Я сказал, что аналогия выглядит достаточно убедительной, но не

имеет доказательной силы. Предполагаю, что тот, кто не склонен считать ее достаточно убедительной, мог бы рассуждать примерно так: были указаны три свойства звука, способные изменяться, громкость, высота и тембр, и была проделана попытка провести аналогию между высотой и пространственным расстоянием. Важным элементом теоретической конструкции при этом стал главный звук; результаты, какими бы они ни были, были получены с его помощью. Если мы теперь сравним звук с цветом, свойством по сути пространственным, мы увидим, насколько слабой является указанная аналогия. Цвет, как и звук, являет три изменяющихся свойства — яркость, насыщенность и оттенок, — из которых первые два, подобно высоте и громкости, позволяют ранжирование по степеням, в то время как последний, как и тембр, этого не позволяет. В случае с визуальной сценой мы имеем дело с окрашенными областями, проявляющими различия по всем трем основаниям, и до сих пор аналогия со звуком сохраняется. Но в этом случае мы также необходимо имеем дело с проявлением и другого принципа упорядочения частей. Предположим, мы разделили изображение на единообразные элементы, такие, что ни в одном из них ни в один момент не происходит изменений, и каждый из которых обладает вполне определенной яркостью, насыщенностью и оттенком. Тогда эти одновременно представленные элементы, помимо отношений по указанным трем основаниям, будут представленными как соотнесенные и по другому основанию, тому, которое заставляет нас говорить, что один из них находится *выше*, или *ниже*, или *справа*, или *слева* от другого, или если с этими понятиями на уровне восприятий возникают трудности, то, во всяком случае, что первый находится дальше от второго, чем третий, и так далее. Суть в том, что отношения элементов в пространстве представлены одновременно, все разом, и мы не нуждаемся в изменяющемся основании, подобном главному звуку, чтобы составить идею этого пространства. Отношения же между элементами в слуховой аналогии пространственного измерения нельзя представить одновременно, все разом. Они фундаментально зависят от измене-

ния. Говоря приблизительно, два видимых элемента можно наблюдать одновременно, находящимися на некотором расстоянии друг от друга, а два аудиоэлемента не могут быть слышны одновременно, как если бы они находились на некоторой аудиодистанции друг от друга. Или, говоря иначе, моментные положения расцвеченных областей поля визуального наблюдения являют пространственные отношения между ними в данный момент, а моментные положения составляющих звукового поля не предлагают никаких слуховых аналогий этим отношениям. Во всяком случае, не в моментальном наблюдении, а только на более протяженных отрезках времени, как нарастание и убывание громкости по мере изменения высоты главного звука. Конечно, идея одновременного существования предметов воспринимаемых и невоспринимаемых связана с этой идеей одновременного представления отдельных и независимых элементов, каждый из которых демонстрирует систему отношений, дополняющих их собственные свойства. Конечно, предыдущая идея есть продолжение последней, простое вынесение ее за пределы наблюдаемого. Так может рассуждать критик. (Рассуждая так, я полагаю, он вступил бы в полемику сам с собой, особенно в последнем предложении, забыв о важности понятия движения наблюдателя и поля наблюдения относительно друг друга, а следовательно, и понятия изменения для его собственной доктрины о расширении области действия идеи системы отношений. Он, однако, может попытаться возразить, что приведенные им условия расширения области действия идеи являются необходимыми, но не достаточными.) В некотором отношении нам действительно нечего противопоставить такой критике. Хотя мы и могли бы еще усложнить различными способами нашу слуховую модель мира, мы не можем, сохраняя эту модель чисто слуховой, ввести свойства, требуемые критиком для построения подлинной, по его мнению, аналогии. В самом деле, ничто, кроме как система пространственных отношений, возможно, даже только в том виде, в каком мы ее воспринимаем, не способно удовлетворить его требования. Если так, то критик не просто ставит под сомнения

наш метод построения аналогии, а отвергает идею самой такой аналогии. Это было бы резонно, если бы основанием здесь выступало полное отсутствие сколько-нибудь серьезных формальных параллелей между воспринимаемым в пространстве и воспринимаемым на слух. Однако это основание было бы попросту ложно. Нам достаточно вспомнить не только пространственные аналогии в наших обыденных высказываниях о звуках, но и постоянную и вполне рациональную склонность критиков музыки и скульптуры обсуждать формальные свойства произведений, прибегая к одному и тому же набору терминов.

Таким образом, неизбежная неполнота аналогии не может быть решающим возражением против нее. Остается сомнение в том, что *означает* утверждение, согласно которому мы имеем возможную повторную интерпретацию идеи невоспринимаемой и потому могущей быть повторно распознанной партикулярии. Каков способ проверки того, является ли такая повторная интерпретация возможной или нет? Я не думаю, что есть способы проверки, помимо обращения к тому, как мы считаем возможным говорить. Можно, конечно, в какой-то степени повлиять на наши выводы, указав на случаи или отношения, в которых аналогия работает или не работает, а также предложить, как ее улучшить, — но не более.

Однако вопрос о том, можно ли найти в чисто слуховом мире место для понятия повторно распознаваемой партикулярии, не был единственным поставленным. Был также вопрос, возможно ли существование в таком мире несолипсистского сознания. Утвердительный ответ на первый вопрос казался по крайней мере необходимым условием утвердительного ответа на второй. Был ли он также и достаточным условием, я в тот момент решить не пытался. Может показаться, что такой ответ действительно был бы достаточным условием: понятие повторно распознаваемой партикулярии подразумевает ее невоспринимаемое существование, следовательно, различие наблюдаемого и ненаблюдаемого, или некоторое аналогичное ему. Но как возможно это различие без наблюдателя? Как может субъект аудиоопыта пользоваться такими различиями

без идеи *себя* как наблюдателя? Более того, готовясь к конструированию нашей слуховой аналогии пространства, мы рассуждали о наблюдателях в обыденных ситуациях, представляющих *себя* находящимися в различных местах в разное время. Не должно ли и существо-субъект чисто слухового опыта сходным образом представлять *себя* находящимся «в» разных местах слухового пространства? Это рассуждение весьма привлекательно¹. Но поскольку единственная цель подобной спекуляции состоит в максимальной опоре на нормальные ассоциации, присущие нашим понятиям, было бы в духе нашей общей программы, если возможно, воздержаться от этого привлекательного рассуждения. Я думаю, это возможно. Суть вопроса в том, можно ли в нашем случае провести параллель различению «наблюдаемого-ненаблюдаемого», не опираясь на идею, обычно выражаемую нами с помощью местоимения первого лица единственного числа и связанных с ним. Почему бы и нет? Давайте рассмотрим возможную технику ответа на подобные вопросы. Давайте представим себя, таких, какие мы есть, со всем имеющимся в нашем распоряжении обыденным концептуальным и языковым аппаратом, пишущими отчеты о некоторой части нашего опыта. Определением этой части будет описание, данное нами чисто слуховому миру. Способ написания наших отчетов подчиняется важному правилу: мы не должны использовать в отчетах понятий, функции которых определяются на основании того факта, что эта часть нашего опыта на деле интегрирована в весь наш опыт, является частью большего целого. Все используемые нами понятия или выражения должны обрести оправдание *внутри* рассматриваемой части опыта. Все они должны быть понятиями или выраже-

¹ Здесь вспоминается кантовская доктрина аналитического единства апперцепции, единство «я мыслю», сопровождающего все «мои» восприятия. Но Кант был весьма осторожен и лишил это «я» обозначающей, распознающей силы. Он мог бы вполне вообще обойтись без него или заменить его безличным «мыслится». См. главу 3, с. 115—116.

ниями, имеющими необходимое или подходящее, на наш взгляд, применение, оправдание которого совершается только на основании этой части нашего опыта. Например, используя сформулированное выше описание чисто слухового мира, то если, составляя свой отчет о нем, мы напишем «я слышал М после N и L» (для настоящего примера не важно, являются ли эти M и N универсалиями), то мы нарушим это важное правило. Нам нельзя использовать глагол «слышать». Он является излишним, потому что описание нашей предметной области указывает, что в ней нет чувственных объектов, кроме звуков. Кроме того, в рамках этого описания в его нынешнем виде личное местоимение также излишне. В отчете должно стоять просто «наблюдалось N во время L, затем M». То есть для описания такой вселенной в ее нынешнем виде мы, как представляется, не нуждаемся, если следуем правилу, в обращении к различению себя и не-себя.

Может показаться, что нам следует создать потребность в таком различении, изменив описание следующим образом. До сих пор мы предполагали, что движение главного звука вверх и вниз просто случается. Мы не вводили различения между «передвигать» и «быть передвигаемым». Давайте представим, что такое различие введено. То есть существо-носитель слухового опыта иногда просто испытывает изменение положения — оно просто случается, — а иногда само является его инициатором. (Если кто-то спросит, как это следует понимать в терминах перемещения по аудиошкале, я укажу на разницу в его собственных ожиданиях того, что он собирается сделать и того, что с ним случится — разницу в видах его *знания* этих двух вещей.) Может показаться, что введение в нашу вселенную этого различения — различения, грубо говоря, между изменениями, которые вызваны, и теми, которые просто случились, — может потребовать идею того, что вызывает произвольные изменения, а следовательно, и идею различения себя и всего прочего. Конечно, кто-то может сказать по-локковски, что представление о себе как о субъекте действия составляет значительную часть представления о себе вообще. И я полагаю,

что действительно составляет, и даже, возможно, необходимую часть. Однако предложенной модификации данной воображаемой вселенной может оказаться недостаточно для установления необходимости рассматриваемого различия. Предположим, что наши «отчеты» должны учитывать будущее наряду с прошлым и настоящим. Тогда нам, в нашей игре в написание отчетов в нашей измененной вселенной, понадобится способ различного обозначения того, что в рамках нашего обычного концептуального аппарата мы назвали бы объявлением о намерениях, с одной стороны, предсказаниями — с другой. Но такое различие вполне можно осуществить и не прибегая к употреблению первого лица. Нам потребуется что-то наподобие грамматического различия залогов (например, передвижение случится; передвижение будет произведено). Однако пока у нас не возникает необходимости вводить грамматическое различие лиц. Нам следует различать то, что случается благодаря действию некоторого субъекта, и то, что не является таковым. Но нам нет необходимости различать самих субъектов. То же самое относится и к самим отчетам, то есть к тому, что касается прошлого и настоящего. Безличная форма научных публикаций, в которых тем не менее различается *сделанное* и что должно случиться, вполне подходит для отчетов. Точнее, в языке отчетов нам не понадобится различие между личной и безличной формой.

Если, как мы убедились, эта модификация чисто слышимого мира в соответствии с нашим способом проверки не является достаточной для возникновения условий несолипсистского сознания, то какие еще дальнейшие или альтернативные модификации требуется выполнить? И будет ли какая-либо из них достаточной? Эти вопросы перекликаются со многими другими в философии, так или иначе связанными с проблемой солипсизма. Задумаемся на секунду о нашем обычном представлении о себе, о тех способах, которыми мы высказываемся о себе. Мы не только приписываем себе чувственные восприятия вещей, отличных от нас, а также действий и намерений. Мы приписываем себе физические свойства, присущие также дру-

гим базисным партикуляриям нашей концептуальной схемы; то есть мы обладаем материальными телами. Мы приписываем себе мысли и чувства, боль и удовольствие, которые мы также приписываем другим; и мы полагаем о себе, что вступаем во взаимодействия с другими, влияя на них и испытывая их влияние. Неясно, какие из этих характеристик являются необходимыми для несолипсистской схемы, и что, соответственно, нам необходимо воспроизвести в нашей намеренно ограниченной модели слышимого мира. Можно ли воспроизвести их все, не выходя при этом за пределы чисто слухового опыта? Маловероятно, хотя какие-то возможности можно поискать. Например, мы можем предположить, что наш житель слышимого мира будет в состоянии не только инициировать движение по диапазону главного звука, но и производить звуки особого рода, отличные от производимых не им — так сказать, наделить его голосом. Проблема наделения его устойчивым аудителом возможно разрешима при помощи главного звука. Он слышим всегда, и мы можем предположить, что для каждого жителя аудиомира он имеет свой тембр, однако никто не слышит чужой главный звук, кроме как в моменты, когда он находится в точности или приблизительно на той же высоте, что и собственный. Два слушателя в такой момент находятся в одном аудиоместе. Однако нам по-прежнему чего-то недостает, и это станет очевидным, если мы переформулируем это описание только для одного слушателя. То, что мы ввели, дополнив модель другими «голосами», это различные наборы аудиопредметов, о которых можно утверждать а) что они в общем подобны звукам, производимым одним таким существом, б) что они непохожи на другие звуки, не производимые им, в) что каждый такой набор отличается от других особым образом, г) что каждый особый набор устойчиво связан со звуком, который в общем подобен его собственному главному звуку, и никогда не слышится ему на высоте, сколько-нибудь существенно отличающейся от высоты его собственного главного звука в этот момент. Самым перспективным ходом было бы далее предложить, что а) звуки, произведенные нашим существом, могут

косвенно влиять на им подобные, но имеющие другой источник, б) звуки подобного рода могут стимулировать изменение (сообщать для него «основания» или «мотивы») нашим существом своего положения или способа издавания им звуков. Как кажется, подобное предложение открывает возможности для своего рода общения. Мы можем даже предложить далее, что способность приходить в движение не является для нашего существа врожденной и развилась во время периода подчиненности другому главному звуку. Очевидно, что это предложение позволяет установить наиболее полную возможную аналогию с действительным человеческим положением. Однако такие фантазии являются не только утомительными, но и представляют трудности в дальнейшей разработке, поскольку слишком уж неясно, какие общие свойства нам следует воспроизвести, и почему. Возможно, нам следует на этом оставить слышимый мир и обратиться к проблеме солипсизма в нашем обыденном мире. Это будет задачей следующей главы.

Прежде чем покинуть мир звуков, мне следует рассмотреть возможную критику всей процедуры настоящей главы. Я поднял вопрос о том, можем ли мы с ясностью представить концептуальную схему, допускающую предметные партикулярии, но в которой материальные тела не являлись бы основой для распознавания партикулярий, и выбрал модель слышимого мира как такого, в котором тела вообще отсутствуют. Я утверждал, что некоторые из условий подобной схемы могут быть выполнены в этой модели, но пришел к выводу, что для выполнения их всех нам приходится воспроизводить ограниченными сенсорными средствами все более и более общие характеристики нашей действительной человеческой ситуации. На промежуточных этапах построения модели чисто слухового опыта я говорил о ней, что она удовлетворяет требованиям к концептуальной схеме, включающей те или иные свойства нашей собственной и исключаяющей некоторые другие. Но по какому праву я допускаю возможность таких видов опыта и таких схем? И особенно, по какому праву я допускаю возможность существования такой вещи, как солипсистское сознание?

Эту критику, как я надеюсь, мне удалось предугадать. Я просто не принимал тех допущений, которые подвергаются таким образом сомнению. Мой подлинный интерес обращен к нашей собственной концептуальной схеме, и представленные выше модели не служат цели спекуляции о том, что могло бы быть. Цель их в другом. Эти модели позволяют опробовать и расширить наше собственное рефлексивное представление об особенностях нашей собственной концептуальной структуры. Для этой цели мы можем *вообразать* те или иные условия, можем обсуждать, какие концептуальные возможности и требования они для нас создают, мы можем утверждать, что те или иные их свойства не позволяют им выступать в качестве возможной основы нашей действительной концептуальной структуры. При всем этом мы не делаем более сильных утверждений о реальности этих возможностей, чем тот, кто в более строгих рассуждениях предполагает нечто самопротиворечивое и на этом строит корректный вывод. В конце концов, мы можем обезопасить каждый этап построения нашей теории фразами вроде «Если бы подобное существо или подобный вид опыта были возможны, то...»

3 ЛИЦА

[1] Каждый из нас различает, с одной стороны, себя и свои состояния и, с другой стороны, все, что таковыми не является. Каковы условия проведения этого различения и как они выполняются? Каким образом мы его осуществляем, и почему мы делаем это именно так? Может показаться, что неверно называть эту группу вопросов проблемой солипсизма. Однако я без всяких угрызений готов присвоить это наименование, поскольку то, что им обычно называют, как мы увидим, вовсе не составляет подлинной проблемы.

Понятие распознавания партикулярий вновь оказывается ключевым при рассмотрении и этого вопроса, главным образом в своем смысле отделения одной партикулярии от остальных мысленно либо в наблюдении, но также и в исходном смысле говорящего-слушателя.

Позвольте мне восстановить некоторые из шагов, приведших нас к проблеме солипсизма. Я утверждал, что материальные тела в широком смысле выступают базисными партикуляриями в нашей концептуальной схеме. То есть, что материальные тела могут быть распознаны и повторно распознаны без отсылки к партикуляриям иных типов или категорий, чем их собственные, в то время как распознавание и повторное распознавание партикулярий других типов основывается на распознавании материальных тел. Затем я поднял вопрос, можем ли мы вообразить идею концептуальной схемы, включающей систему предметных партикулярий, но в которой материальные тела не являются базисными. Это привело к созданию модели непространственного мира, в которой все чувственные предме-

ты были слышимыми, но в которой, как представлялось, можно было найти место идее повторно распознаваемой партикулярии, используя некоторые слуховые аналогии идеи пространственного расстояния. Однако нам потребовалась схема, в которой делалось бы различие между обладателем этой схемы и тем, что им не является. И хотя казалось, что условия этого различения в слышимом мире выполнимы, у нас не было ясности, как их можно выполнить. Введение идеи действия субъекта — различения между намеренно вызванными изменениями и тем, что просто случилось, — оказалось недостаточным для установления этого важного различения, а заключительная попытка воссоздать в слышимом мире условия для несолипсистского сознания обернулось попыткой неразборчивого копирования свойств обыденного человеческого опыта весьма ограниченными средствами принятого нами способа организации чувственности. Поэтому в ходе нашей попытки прояснения вопроса, в чем же состоят эти общие условия, оказалось допустимым рассмотреть, каким образом они фактически выполняются в нашем обычном человеческом опыте.

Несмотря на то что здесь я поднимаю этот вопрос в отношении нашего обыденного человеческого опыта, сохранение перед нашим мысленным взором картины чисто слышимого мира, гораздо более ограниченного, чем наш, имеет известные преимущества. Это поможет нам более четко сформулировать интересующий нас вопрос, это позволит удержать ощущение странности и необычности того, что мы делаем, ощущение, которое необходимо сохранить вплоть до его преодоления, не позволив ему просто затереться и раствориться. Помощь эта заключается в следующем. Мы построили модель чисто слухового опыта и развили ее до положения, когда существо-носитель опыта — если таковое вообще возможно — оказывается в состоянии распознавать звуковые универсалии, повторно распознавать звуковые партикулярии и в целом создавать для себя представление об этом слышимом мире. Однако мы до сих пор не нашли в его концептуальной организации места для идеи себя как субъекта этого опыта, для различения особо-

го объекта этого мира — себя — и всех остальных объектов. Разве не было бы совсем странным предположение, согласно которому оно способно различить себя как один объект среди остальных в этом слышимом мире, то есть как звук или последовательность звуков? Ибо как может такая вещь — звук — быть *обладателем* всех этих восприятий? Но, чтобы обладать представлением о себе, не должно ли оно также иметь представление о субъекте всех этих восприятий, того, что ими обладает? Поэтому здесь начинает казаться невозможным, чтобы такое существо обладало представлением о себе — по крайней мере, правильным представлением. По-видимому, чтобы вообще обладать таким представлением, это существо должно обладать представлением о какой-то конкретной вещи, относительно которой оно обладает опытом, и которая противопоставляется или противопоставляется другим вещам, также имеющим место в опыте, но отличным от него самого. Но если это всего лишь объект в опыте, о котором имеется такое представление, как он может быть представлением о том, что *обладает* всем этим опытом? И здесь мы, по-видимому, столкнулись с проблемой общего порядка, столь же относящейся к нашему обычному миру, сколь и к аудиомиру. Думается, для обычного мира она должна иметь решение.

Давайте теперь подумаем о некоторых из способов, которыми мы обычно говорим о себе, о некоторых из тех вещей, которые мы действительно обычно приписываем самим себе. Таких имеется множество видов. Мы приписываем себе *действия* и *намерения* (я делаю, сделал, сделаю то-то); *ощущения* (мне тепло, больно); *мысли* и *чувства* (я думаю, удивляюсь, хочу это, сержусь, разочарован, доволен); восприятия и *воспоминания* (я вижу то-то, слышу другое, помню третье). Мы приписываем себе положение в двух смыслах: *расположение* (я на диване) и *позу* (я лежу). И конечно, мы приписываем себе не только временные свойства, состояния, ситуации вроде этих, но и относительно стойкие свойства, включающие физические, такие как рост, цвет, очертания и вес. То есть среди вещей, которые мы себе приписываем, есть и вещи, приписываемые

также материальным телам, которым, однако, мы никак не можем, находясь в здравом уме, присвоить некоторые другие характеристики, которые мы приписываем себе. Не требует объяснений тот факт, что мы наделяем некоторой высотой, весом, расцветкой, физическим положением не только себя, но и *другие вещи*, потому что то, что мы называем нашим телом, является по крайней мере некоторым телом, материальной вещью. Его можно выделять среди остальных, распознавать исходя из обычных физических критериев, описывать в обычных физических терминах. Но если мы освежим наше непреходящее чувство необычного, то нам может и даже должно показаться необходимым объяснить тот факт, что чьи-то состояния сознания, чьи-то мысли и ощущения приписываются *той же самой вещи*, которой приписываются эти физические характеристики, это физическое положение. Таким образом, перед нами стоит не только такой вопрос: *почему чьи-то состояния сознания вообще приписываются чему-то?* — но и вопрос: *почему они приписываются той же вещи, которой приписываются определенные телесные свойства, определенное физическое положение и т. п.?* Не следует ожидать, что ответы на эти вопросы окажутся независимыми друг от друга.

[2] Можно ожидать, что ответ на оба эти вопроса связан с уникальной ролью, которую тело каждого лица играет в его опыте, особенно в чувственном опыте. Все философы, занимавшиеся этим вопросом, указывали на эту роль. Декарт хорошо знал о ее уникальности: «...недостаточно, чтобы она [душа] помещалась в человеческом теле, как кормчий на своем корабле...¹». В чем состоит эта уникальность? Конечно, она включает многие вещи. Достаточно представить некоторые стороны зависимости свойств *чувственного опыта* субъекта от фактов о его собственном теле. Возьмем визуальный опыт. Здесь зависимость оказывается более сложной и многосторонней, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, есть

¹ Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 284 — Прим. ред.

группа эмпирических фактов, самый очевидный из которых это то, что если веки этого тела будут сомкнуты, то данное лицо ничего не увидит. К этой же группе относятся все факты, хорошо известные хирургам-офтальмологам. Во-вторых, есть факт, что всё, попадающее в некоторый момент в поле зрения, отчасти зависит от *ориентации* его глаз, то есть от направления, в котором повернута его голова, и *ориентации* его глазных яблок в глазницах. В-третьих, есть факт, в соответствии с которым *то, откуда он смотрит*, — или его возможное поле зрения, открытое для него в некоторый момент, — зависит от местонахождения его тела, или, конкретнее, головы. Я разделил эти факты на три группы, желая подчеркнуть, что вся эта многообразная зависимость визуального опыта от фактов, относящихся к телу или телам, не несет необходимости того, чтобы тело во всех случаях было одним и тем же. То, что оно одно и то же, является случайным фактом, потому что мы можем представить следующий случай. Имеется субъект визуального опыта S, и имеются три различных связанных с ним тела A, B и C. (1) То, открыты ли веки у B или C, каузально не связано с тем, видит ли S; он видит, только если открыты глаза A. И если с глазами A производится какая-то операция, ее результаты влияют на зрение S, но это не относится к глазам B и C. (2) Местонахождение A и B при этом не имеет отношения к тому месту, из которого смотрит S, то есть никак не влияет на его поле зрения. Это целиком определяется положением C. Пока C находится в шкафу и дверца закрыта, S видит только то, что внутри шкафа. (Если у кого-то возникли трудности с представлением о том, «откуда некто смотрит», можно представить себе то, как мы, глядя на фотографию, определяем место, где находилась камера. Точно так же взгляд S на мир задается положением C.) Однако (3) направление, в котором повернуты голова и глазные яблоки A и C, не влияет на видимое субъектом S. Из всего многообразия видов, открывающихся из местоположения C, тот, который воспринимает S, определяется направлением, в котором повернуты голова и глазные яблоки тела C, где бы оно ни находилось. Итак, я описал ситуацию, в

которой визуальный опыт С тремя различными способами зависит от состояния или положения трех различных тел А, В и С. Характер этой зависимости в каждом случае будет влиять на тот способ, при помощи которого каждое из этих тел само может стать объектом зрительного восприятия S. Так, S может никогда и не увидеть А или В, и даже если увидит А или В, то никогда не сможет увидеть А с закрытыми веками, а также никогда не увидит и лицо В, хотя может и уловить «краем глаза» (как мы говорим) его профиль, но вполне возможно будет хорошо знаком с видом затылка В. Когда S будет «смотреть в» зеркало, то есть прямо глядеть на его поверхность, он увидит голову С; но это может быть *любой* вид его головы, то есть он не обязательно увидит лицо. Конечно, наша ситуация на деле не такая. Для каждого субъекта зрительного восприятия S в действительности имеется одно тело, от состояния и положения которого зрительный опыт зависит всеми этими тремя способами, и эта тройственная зависимость сама влияет на то, каким тело субъекта предстает в его зрительном опыте. Мы отметили случайность и сложность этой зависимости. Если мы обратимся к слуху и обонянию, также воспринимающим «на расстоянии», зависимость окажется менее сложной в том смысле, что направление сказывается в ней сравнительно слабо. Однако здесь все равно имеется двойная зависимость характера опыта от местоположения и состояния соответствующих органов единственного тела. Их также можно мысленно развести. Например, мы могли бы дать независимое определение точки, «из которой» слышен звук, следующим образом: звук α , произведенный заданным источником β , «слышен из» точки Р субъектом S, если, при условии отсутствия изменений, помимо перемещения β , S слышит α в точке Р громче всего, когда β находится там же, и слышит α с постепенно уменьшающейся громкостью, когда β удаляется от Р в любом направлении. Мы вновь можем представить, что «точка, из которой» слушатель воспринимает звук, зависит от местонахождения одного тела, а то, слышит ли он что-либо, зависит от состояния уха, барабанных перепонок и т. п. частей другого тела.

Не менее очевидно и особое отношение одного тела в отношении всех опытных восприятий некоторого субъекта, относящихся к чувству осязания. Субъект в состоянии воспринимать множество тел, вступающих в контакты с другими; но только об одном теле можно истинно утверждать, что когда оно «вступает в контакт», для субъекта нормально испытывать восприятия, на которые он указывает, говоря о *чувстве* прикосновения того или иного материального тела. Субъект *чувствует* кинжал или перо, только когда этот кинжал входит в *это* тело или перо слегка касается *него*.

Эти рассуждения показывают некоторые способы проявления уникальности роли тела в чувственном опыте субъекта. Описанные факты можно подытожить следующим образом: для каждого лица имеется одно тело, занимающее определенное *каузальное* положение в чувственном опыте этого лица, положение, которое во многих отношениях уникально связано с различными формами его чувственных восприятий; кроме того, как дальнейшее следствие, что это тело выступает также уникальным *предметом* чувственного опыта для данного лица. Мы также отметили, что такая сложная уникальность одного тела является случайностью, или, точнее, включает несколько случайностей, поскольку можно представить много странных комбинаций зависимости и независимости тех или иных аспектов нашего опыта от фактов, связанных с разными телами.

Мы напомнили себе об особой роли тела лица, которую оно играет в его опыте, в надежде, что это поможет найти ответ на два вопроса: (1) Почему чьи-то состояния сознания вообще приписываются чему-либо? (2) Почему они приписываются той же вещи, что и пространственные свойства, физические положения и т. п.? Сейчас я вынужден прямо заявить, что факты, которые удалось собрать выше, сами по себе не дают, как мне кажется, ответов на эти вопросы. Конечно, кое-что эти факты объясняют, например, то, почему субъект опыта имеет особое отношение к некоторому единственному телу, почему для него оно является уникальным и более важным, чем остальные. Они объясняют, если позволите, почему я так привя-

зан к тому, что называю своим телом; возможно, даже объясняют, почему я, называя какое-то тело *своим*, должен иметь в виду *это* тело. Но они не объясняют, почему мне необходимо понятие *себя*, почему я должен приписывать мысли и восприятия *чему-то*. Более того, даже располагая каким-то другим удовлетворительным объяснением необходимости приписывать *чему-то* состояния сознания, мысли, чувства и восприятия и находя, что описанные факты в достаточной мере объясняют необходимость приписывать «обладание» конкретным телом *одной и той же* вещи (то есть необходимость того, что о конкретном теле говорится, что оно состоит в особых отношениях — называемых «быть обладаемым» — с этой вещью), мы не сможем основать на этих фактах объяснение того, почему нам следует приписывать (а мы это действительно делаем) пространственные свойства не только телу, особым образом связанному с вещью, которой мы приписываем мысли, чувства и т. п., но и самой этой вещи. Ибо мы говорим «я лыс» точно так же, как говорим «я замерз», «я лежу на коврике перед камином» точно так же, как «я вижу паука на потолке». Короче, рассмотренные факты объясняют, почему субъекту опыта необходимо выбрать некоторое тело из множества тел, дать ему какое-нибудь звучное имя и приписывать ему все свои признаки, но они не объясняют, почему опыт вообще нужно приписывать какому-то субъекту, и не объясняют, почему, если последнее все же необходимо, и опыт, и физические характеристики, которые можно справедливо приписать выбранному телу, должны быть приписаны одной и той же вещи. Итак, рассмотренные факты не объясняют наше употребление слова «я» или любого другого в той же роли. Они не объясняют имеющееся у нас понятие лица.

[3] Возможной реакцией здесь может быть утверждение, что наше понятие неверно или бессвязно, или, если мы возьмем за правило не называть имеющиеся понятия бессвязными, что его употребление, когда мы приписываем, или кажется, что приписываем, такие различные предикаты одной и той же ве-

щи, сбивает с толку, что оно скрывает подлинную природу используемых понятий, или что-то в этом роде. Такая реакция содержится в двух очень важных взглядах на данный вопрос. Один из них картезианский, взгляд Декарта и других, мыслящих в том же направлении. Приписать кому-то второй взгляд сложнее, но есть свидетельства, что в определенные периоды его разделяли Витгенштейн и, возможно, Шлик. Согласно обоим этим взглядам, рассматриваемый нами вопрос — тот, что касается причин, по которым мы приписываем наши состояния сознания той же вещи, что и определенные телесные свойства — вообще не возникает, поскольку то, что оба вида предикатов правильно приписываются одной и той же вещи, одному и тому же носителю или субъекту, является иллюзией языка. Согласно второму взгляду, наш другой вопрос — тот, что касался приписывания состояний сознания вообще чему-либо — также не возникает, поскольку вообще приписывание чьих-то состояний сознания, существование собственного субъекта этих предполагаемых приписываний, принадлежность состояний сознания чему-либо, то, что они вообще являются состояниями чего-то, также иллюзия языка.

Поддержка Декартом первого из этих взглядов хорошо известна¹. Говоря о лице, мы ссылаемся на одну из двух различных субстанций или сразу на обе, на две субстанции различного рода, каждая из которых обладает собственным набором свойств и состояний, ни одно из которых не может быть свойством или состоянием другого. Состояния сознания принадлежат одной из этих субстанций, но не другой. Здесь я на время оставляю картезианство — мы вернемся к нему далее, — отметив только, что оно, избегая первого нашего вопроса, не избегает, напротив, напрашивается на второй: почему состояния сознания *приписываются* вообще *какому-либо* субъекту?

Второй из этих взглядов я назову «лишенной владения», или «бессубъектной», доктриной личности. Вне зависимости

¹ Во всяком случае, достаточно часто ему приписывается, чтобы оправдать то, что мы называем их картезианскими.

от того, высказывал ли кто-то этот взгляд ранее, его стоит сформулировать¹, потому что ошибки, к которым он ведет, весьма поучительны. Сторонник «бессубъектной» теории мог бы начать свое рассуждение с фактов, иллюстрирующих уникальное каузальное положение некоторого тела в опыте лица. Он утверждал бы, что особая роль этого тела указывает на необходимость появления идеи, согласно которой опыт можно приписать некоторой конкретной индивидуальной вещи, вы-

¹ Мур в своих статьях в журнале “Mind”, выходящих под названием «Лекции Витгенштейна в 1930—33 гг.» (Mind, vol. LXIV, p. 13—14), свидетельствует о том, что Витгенштейн одно время придерживался следующих взглядов. Он утверждал, что употребление «я» в случаях «у меня зубная боль» и «я вижу красное пятно» совершенно отличается от употребления в случаях «у меня кариес» и «у меня есть спички». Он полагал, что «я» имеет два способа употребления, в одном из которых его можно заменить на «это тело». В таком виде это звучит вполне по-картезиански. Но он также утверждал, что в одном из употреблений (в случае «у меня зубная боль», в противоположность высказыванию «у меня кариес») «я» не обозначает обладателя, и никакое Эго не участвует в мышлении или в ощущении боли, а также одобрял афоризм Лихтенберга, что вместо «я мыслю» Декарту следовало бы сказать «имеется мысль» (т. е. «Es denkt»).

Приписывание подобного взгляда Шлику основывается на его статье «Значение и верификация» (*Readings in Philosophical Analysis*, ed. Feigl & Sellars). Как и Витгенштейн, Шлик цитирует Лихтенберга, и продолжает: «Итак, мы видим, что если мы не решимся называть свое тело обладателем или носителем данных [непосредственных данных опыта] — что само по себе является достаточно обманчивым выражением, — мы вынуждены признать, что данные не имеют обладателя или носителя». Полное значение всей статьи Шлика для меня, однако, является неясным, и вполне возможно, что цитата в виде единственного предложения оставляет ложное впечатление. Я скажу только, что опирался на статью Шлика, формулируя свою «бессубъектную» гипотезу, но не стану утверждать, что представляю в ней его взгляды.

Антикартезианский афоризм Лихтенберга, как станет видно далее, я принимаю, при условии его правильного употребления. Большинство же критиков Декарта повторяли его, как мне кажется, не понимая (я говорю не о Витгенштейне и не о Шлике).

ступающей обладателем этого опыта. Эта идея, хотя и неточно выраженная в терминах обладания, казалась бы вполне обоснованной, пока мы рассматриваем эту индивидуальную вещь, обладателя опыта как само тело. Пока мы мыслим так, приписывание некоторого состояния сознания этому телу, этой индивидуальной вещи было бы как минимум возможно ложным, потому что рассматриваемый опыт может причинно зависеть от состояний другого тела, может оказаться, пользуясь этим не совсем удачным термином, принадлежащим другой индивидуальной вещи. Но сейчас мы начинаем запутываться: сползая от приемлемого смысла того, что опыт принадлежит кому-то, к неприемлемому и пустому, в котором конкретная вещь рассматривается не как тело, а как нечто иное, например Эго, чьей единственной функцией является быть обладателем опыта. Давайте назовем первый способ обладания, действительно основанный на причинной зависимости, «обладанием₁», а второй — «обладанием₂» и назовем индивида первого вида «В», второго — «Е». Тогда разница в том, что *всем моим опытом обладает₁* В является случайным фактом, а *всем моим опытом обладает₂* Е является необходимой истиной. Но вера в Е и в «обладание₂» — это иллюзия. Вообще обладать можно только теми вещами, обладание которыми можно логически последовательно перенести на что-то другое. Поэтому опытом никто не обладает, кроме как в сомнительном смысле причинной зависимости от состояний конкретного тела; это, по крайней мере, будет настоящим отношением, которое могло бы иметь место и с другим телом. Поскольку единственной функцией Е было обладание опытом в логически непередаваемом смысле «обладания» и поскольку опытом никто не владеет в этом смысле, Е следует вообще удалить. Его появление было недоразумением.

Становится ясным, что такая трактовка проблемы, хотя и содержащая некоторые факты, не является последовательной. Непоследовательность ее состоит в том, что ее сторонник в своем рассуждении вынужден пользоваться смыслом понятия обладания, который он сам признает несуществующим. Пытаясь сформулировать случайный факт, дающий повод для появ-

ления иллюзии «эго», он должен представить его в виде, например, «Всем *моим* опытом обладает₁ (т. е. предопределяет его своим состоянием) тело В». Всякая попытка устранить «*моими*» или другое сходное притяжательное выражение приведет к факту, который уже не будет случайным. Например, утверждение, что *весь* опыт причинно зависим от состояний одного тела В, просто является ложным. Сторонник теории имеет в виду, что весь опыт, *принадлежащий некоторому лицу*, случайным образом находится в такой зависимости. И он не сможет последовательно утверждать, что «весь опыт лица Р» *означает то же самое*, что «весь опыт, случайным образом зависимый от некоторого тела В», потому что его высказывание было бы не случайным, как требует его теория, а аналитическим. Он должен говорить о некотором классе восприятий, об элементах которого может утверждать случайно истинный факт, что они зависят от тела В. Определяющим свойством этого класса, однако, является то, что его члены являются «*моими* восприятиями» или «восприятиями *какого-то* лица», а идея обладания, выраженная при помощи «моими» и родительного падежа, как раз и ставится нашим теоретиком под вопрос.

Такая внутренняя непоследовательность — серьезная проблема при попытке отрицать то, что *prima facie*¹ кажется имеющим место: то, что некто на деле приписывает свои состояния сознания чему-то, а именно себе, и что это приписывание как раз и вызывает неудовлетворенность теоретика, т. е. таково, что в его рамках, по-видимому, бессмысленно предполагать, что, скажем, та же самая боль, испытываемая им самим, могла бы оказаться болью другого. Не нужно далеко ходить, чтобы обнаружить место этого логически непереносимого вида обладания в нашей общей схеме мышления. Если мы еще раз задумаемся над требованиями распознающего обозначения *конкретных* состояний сознания или личного опыта, то увидим, что такие партикулярии не допускают иного распознаю-

¹ На первый взгляд (лат.). — *Прим. ред.*

щего обозначения кроме обозначения состояний сознания *некоторого* распознанного лица. Можно сказать, что состояния или восприятия *заимствуют* свою распознаваемость как партикулярный от распознаваемости лица, чьими состояниями или восприятиями они являются. Из этого немедленно следует, что если их вообще можно распознать как конкретные состояния или восприятия, то только как обладаемые или приписываемые в точности тем способом, который высмеивает доктрина «бессубъектности», то есть так, что логически невозможно, чтобы конкретное состояние или восприятие, на деле обладаемое кем-то, должно было бы быть приписано кому-то другому. Требования, предъявляемые к распознаваемости, исключают логическую переносимость обладания. Поэтому наш теоретик мог обосновывать свою позицию только отрицая, что мы можем указывать на конкретные состояния или восприятия вообще, но *эта* позиция является нелепой.

Даже сейчас заметно сходство между «бессубъектной» теорией и картезианской позицией. Последняя открыто утверждает дуализм двух субъектов, или двух видов субъекта. Первую также, как ни странно, можно назвать дуализмом: дуализмом одного субъекта — тела — и одного не-субъекта. Мы можем высказать догадку, что второй дуализм, парадоксально именуемый таким образом, вырастает из первого, именуемого непарадоксально. То есть, если мы попытаемся мыслить то, чему приписываются состояния сознания как нечто в корне отличное от того, чему приписываются телесные свойства, тогда становится сомнительной необходимость приписывать состояния сознания чему-то вообще. Думая об этой возможности, мы можем представить и другую: что и Декарт, и «бессубъектный» теоретик глубоко ошибаются в том, что есть два способа употребления «я», одним из которых оно обозначает нечто, отличное от обозначаемого другим.

[4] Стронник «бессубъектной» теории не в состоянии справиться со всеми этими фактами, хотя с некоторыми он все же справляется. Он верно понимает, что уникальная роль един-

ственного тела в опыте лица не является достаточным объяснением того факта, что опыт этого лица, его состояния сознания приписываются чему-то, что *обладает* ими не допускающим перенесения способом, который был только что описан. Этот факт может быть частью объяснения, но не полным объяснением. Как мы видели, сторонник указанной теории делает утверждение, согласно которому этот факт, возможно, является достаточным объяснением чего-то другого, а именно ошибочной *мысли*, что состояния сознания надлежит приписать чему-то этим специфическим способом. Но здесь, как мы убедились, имеет место непоследовательность, встречается отрицание того, что чьи-то состояния сознания принадлежат кому-либо вообще. Нам удастся избежать непоследовательности этого отрицания, поскольку мы согласны с тем, что особая роль конкретного тела в чем-то опыте не объясняет в достаточной мере, почему этот опыт следует приписать кому-либо. Сама по себе эта особая роль не достаточна, чтобы полагать, что *наше* представление о субъекте опыта должно использоваться в его собственном осознании себя самого как такого субъекта.

Когда я утверждаю, что «бессубъектная» теория терпит неудачу, упуская из виду некоторые факты, я имею в виду очень простую, но в данном случае имеющую центральное значение мысль: необходимым условием приписывания себе состояний сознания определенным образом является приписывание состояний сознания, восприятий другим субъектам, или, по крайней мере, готовность это делать¹. Это следует понимать

¹ Я могу представить следующее возражение на это пока еще не поясненное утверждение. Конечно, идея уникального примененного предиката, такого, который принадлежит только одному субъекту, не является абсурдной. А если это так, то самое большее, что можно утверждать, — это то, что необходимое условие приписывания предикатов некоторого класса одному индивиду, т.е. самому себе, таково, что мы должны быть готовы в некоторых случаях приписывать их и другим индивидам, а значит, у нас должно быть представление об этих некоторых случаях приписывания; однако это не обязательно означает, что нам следует фактически делать это в каждом случае.

буквально. Например, это означает, что приписывающие фразы используются в одном смысле и когда субъектом являюсь я и когда кто-то другой. Разумеется, такая идея совсем не покажется проблематичной нефилософу: например, мысль о том, что «больно» означает одно и то же, когда говорят «мне больно» и «ему больно». Словари не предлагают двух наборов значений для каждого выражения, описывающего состояние сознания: значения первого лица и значения второго и третьего лица. Но философ здесь находит проблему. Как может смысл быть одним и тем же, если эти случаи имеют разные методы верификации — или, точнее, *имелся* метод верификации для одного случая (с другим) и, строго говоря, отсутствовал для другого случая (первого лица)? Или — еще тоньше — как можно правильно говорить о *приписывании* в случае с самим собой? Потому что проблема приписывания возникает только если можно распознать нечто, чему мы приписываем; и если в случае с другим вопрос распознавания имеет место, то как он может возникнуть в случае с самим собой? Но эта череда вопросов обретет ответ, как только мы вспомним, что *говорим* преимущественно с другими и говорим с целью получения ин-

Кратчайший способ разобраться с этим возражением — принять его, или, по крайней мере, воздержаться от спора, потому что в строгом смысле для нашего рассуждения достаточно менее сильного утверждения, хотя с большим удобством его можно было бы развернуть при помощи утверждения большей силы. Следует также отметить, что мы не говорим о единственном предикате или ограниченной группе предикатов, но обо всем необозримом классе предикатов, применимость которых (или применимость отрицаний которых) опеределяет крупнейший логический тип или категорию индивидов. Настаивать сейчас на различении большей и меньшей силы утверждения означало бы переносить различение с уровня, на котором она очевидно верна, на уровень, на котором она может оказаться неработающей или бессмысленной.

Главное объяснение имеет чисто логическую природу: идея предиката соотносительна с идеей *области* различных индивидов, о которых предикат может осмысленно, хотя и не обязательно истинно, утверждаться.

формации о других. В одном смысле, действительно, нет необходимости *пояснять*, кто испытывает боль, если ее испытываю я сам. В другом смысле, однако, мне может понадобиться *пояснить*, кто это, чтобы сообщить об этом другим.

То что я только что изложил, объясняет, как о ком-то можно правильно утверждать, что он приписывает состояния сознания себе, при условии, что он их приписывает и другим. Но как их можно приписывать другим? Одно наверняка: *если* вещи, которым я приписываю состояния сознания, мыслятся как множество картезианских эго, которым в рамках логически правильной грамматики можно приписать только личный опыт, *тогда* на этот вопрос невозможно ответить и проблема будет неразрешимой. Если в распознавании вещей, которым приписываются состояния сознания, нам придется опираться на личный опыт, тогда и по той же причине, по которой с нашей собственной точки зрения не возникает вопрос об установлении того, что некоторый опыт является нашим, не будет возникать и вопрос об установлении того, что личный опыт принадлежит другому. Весь личный опыт, все состояния сознания будут моими, т. е. ничьими. Выражаясь более кратко, мы можем приписывать состояния сознания себе только если можем приписывать их другим. Мы можем приписывать их другим только если можем распознавать других субъектов опыта. А мы не можем распознавать других, если мы распознаем их *только* как субъектов опыта, обладателей состояний сознания.

Можно возразить, что такой способ обращения с картезианством слишком лаконичен. Все же не возникает затруднений с различением одного тела от другого, с распознаванием тел. Не дает ли это нам косвенного способа распознавать субъектов опыта, сохраняя картезианскую модель? Нельзя ли нам определить такого субъекта, как «субъект, находящийся в тех же отношениях с тем телом, что и я с этим», или, другими словами, «тот самый субъект опыта, который состоит в тех же уникальных причинных отношениях с телом N, что и *мой* опыт с телом M»? Но такое предположение бесполезно. Оно требует, чтобы я установил, что *мой* опыт состоит в особом отношении

к телу М, в то время как само право говорить о *моем* опыте находится под вопросом. То есть оно требует, чтобы я установил, что мой опыт состоит в особом отношении к телу М; но это требует, чтобы я установил это, чтобы быть в состоянии распознавать других субъектов опыта, т. е. как условие идеи себя как субъекта опыта, т. е. как условие представления о каком-либо опыте как о *моем*. Пока мы будем продолжать говорить в терминах опыта, с одной стороны, и тел — с другой, самое большее, что можно будет показать — это что опыт, *весь* опыт, находится в особом отношении к телу М, что тело М потому является особенным среди других тел. (И даже это «самое большее» может оказаться слишком большим из-за присутствия в нем слова «опыт».) Предложенное объяснение состоит в следующем: «Другой субъект опыта различается и распознается как тот самый субъект такого опыта, который находится в таком же уникальном каузальном отношении к телу N, как и *мой* опыт к телу М». Возражение же таково: «Но откуда в объяснении появилось слово “мой”?». Хотя это объяснение, вроде бы, и нельзя сформулировать без этого слова. Есть и следующий шаг в этом возражении¹. Он выглядит так: «По какому праву мы пользуемся в нашем объяснении словами «*тот самый субъект*» в смысле его уникальности? Почему не допускаем некоторого количества субъектов опыта — возможно, качественно неразличимых, — причем каждый субъект и каждый «комплект» опыта находятся в одном и том же уникальном отношении к телу N (*или* телу М)? Уникальность тела не гарантирует уникальность картезианской души».

Чтобы шаг за шагом начать освобождаться от этих возражений, нам следует признать первичность, простоту понятия лица. Я вкладываю в понятие лица следующее: это — тип сущности, такой, что *и* предикаты, приписывающие состояния сознания, *и* предикаты, приписывающие телесные свойства, физическое состояние и т. п., равно применимы к единичному индивиду этого единственного типа. То, что я понимаю под пер-

¹ К которому мы обратимся в следующей главе, с. 146—148.

вичностью этого понятия, можно выразить несколькими способами. Один из них предлагает вернуться к двум ранее возникшим вопросам: (1) почему состояния сознания вообще приписываются чему-либо? и (2) почему они приписываются той же самой вещи, что и телесные свойства? Я отмечал, что не следует ожидать, что ответы на эти вопросы окажутся независимыми друг от друга. Теперь я укажу на то, что они связаны так: необходимое условие приписывания состояний сознания вообще чему-либо состоит в том, чтобы они приписывались *тем же самым вещам*, что и телесные свойства, физическое состояние и т. п. То есть состояния сознания вообще нельзя было бы ничему приписать, *если бы* они не приписывались лицам в указанном мной смысле слова. Мы склонны думать о лице как о состоящем из субъектов двух видов: субъекта опыта (чистое сознание, эго), с одной стороны, и субъекта телесных свойств — с другой. Такой способ представления приводит к появлению множества вопросов. В частности, если мы спросим себя, как мы приходим к образованию такого понятия соединения двух субъектов, картина — если мы честны и аккуратны — скорее всего изменится и превратится в картину с одним субъектом и одним не-субъектом. Потому что невозможно представить, откуда у нас взялась идея разных, различимых, распознаваемых субъектов опыта — разных сознаний — *если представлять эту идею логически простейшей*, логическим компонентом идеи лица как состоящего из двух субъектов. Потому что в этом случае даже не возникал бы вопрос о приписывании опыта как такового какому-либо субъекту, помимо себя, и, следовательно, не возникал бы и вопрос о приписывании его себе, да и вообще какому-либо субъекту. Итак, понятие чистого индивидуального сознания — чистого эго — не может существовать, во всяком случае в качестве простейшего, с помощью которого можно было бы объяснить, подвергнуть анализу понятие лица. Если это понятие и возможно, то только как вторичное, производное, само подлежащее объяснению и анализу в терминах понятия лица. Это и было той сущностью, соответствовавшей этому иллюзорному первичному понятию

чистого сознания, субстанцией эго, которую Юм искал, или иронией представлялся ищущим, когда вглядывался в себя и жаловался, что не может обнаружить себя без восприятия и не видит ничего, кроме этого восприятия. С большей серьезностью — на этот раз вообще без иронии, но с замешательством — Юм искал в этой сущности основания единства, с недоумением признавая неудачу своих попыток; искал тщетно, потому что нет принципа единства там, где нет принципа дифференциации. Именно этой сущности Кант, более пронизательный, чем Юм, присвоил чисто формальное («аналитическое») единство: единство «я мыслю», сопровождающее все наши восприятия, и потому могущее не сопровождать ни одно из них. Наконец, как представляется, именно о ней Витгенштейн говорил, во-первых, что нет такой вещи как субъект, и, во-вторых, что это не часть мира, а его предел.

Итак, слово «я» никогда не указывает на чистый субъект. Но это не означает, как это полагает «бессубъектная» теория, что в некоторых случаях «я» вообще ничего не обозначает. Обозначает, потому что «я» лицо среди других лиц, и предикаты, которые *per impossible*¹ принадлежали бы чистому субъекту, если бы его можно было бы обозначить, на деле принадлежат лицу, которое действительно обозначается при помощи «я».

Понятие лица логически предшествует понятию индивидуального сознания. Понятие лица нельзя подвергнуть анализу как одушевленное тело или как воплощенную душу. Это не означает, что понятие чистого индивидуального сознания не может иметь логически вторичного существования, если кому-то оно понадобится. Мы говорим об умершем лице — о теле, и в таком же производном смысле мы можем, по крайней мере, представить себе лишенное тела лицо. Лицо не является эго, помещенным в тело, но эго может быть лишенным тела лицом, сохраняющим логические преимущества индивидуальности благодаря тому, что прежде оно было лицом.

¹ Через невозможное (лат.). — *Прим. ред.*

[5] Важно осознать все последствия признания логической первичности понятия лица. Позвольте мне восстановить главные тезисы проведенного рассуждения. Нельзя было бы приписать наши собственные состояния сознания, или опыт, чему-либо, если бы мы не были бы готовы и способны приписать состояния сознания или восприятия другим индивидуальным сущностям того же логического типа, что и вещь, которой мы приписываем свои собственные состояния сознания. Условие признания себя в качестве субъекта таких предикатов — это признание других субъектами тех же предикатов. В свою очередь, условие возможности подобного состоит в способности отбирать, распознавать субъекты этих предикатов, то есть различать индивиды указанного типа. В свою очередь, условием возможности этого является принадлежность таких индивидов, включая нас самих, к особому уникальному типу: такому, что каждому индивиду данного типа можно приписать *и* состояния сознания, *и* телесные свойства. Но данная характеристика типа пока еще слишком неопределенна, чтобы увидеть все ее следствия. Для этого мне придется приблизительно выделить два вида предикатов, применимых к индивидам данного типа. Первый вид образуют предикаты, применимые также и к материальным телам, которым мы никогда не стали бы приписывать предикаты состояний сознания. Я назову этот первый тип М-предикатами, и он будет включать вещи вроде «весит шестьдесят килограмм», «находится в гостинной» и т. д. Второй тип включает все остальные предикаты, которые мы применяем к лицам. Их я назову Л-предикатами. Конечно, имеется широкое многообразие Л-предикатов. Они включают вещи вроде «улыбается», «идет на прогулку», а также вещи вроде «испытывает боль», «глубоко задумался», «верит в Бога» и т. д.

Выше я утверждал, что понятие лица следует понимать как понятие такого типа сущности, к индивидуальным сущностям которого равно применимы *и* предикаты, приписывающие состояния сознания, *и* предикаты, приписывающие телесные характеристики, физические ситуации и т. п. Все, что я говорил о смысле утверждения первичности этого понятия — это что его

нельзя подвергнуть анализу определенным способом или определенными способами. Например, мы не можем представлять его как вторичный тип сущности по отношению к двум первичным типам, конкретному сознанию и конкретному человеческому телу. Я также указывал, что картезианская ошибка суть частный случай более общей ошибки, в разной форме присутствующей в различного рода «бессубъектных» теориях и состоящей в наименовании, или мнимом наименовании, лиц как *не* означающих в точности одну и ту же вещь или сущность для всех предикатов приписываемый поименованной сущности. То есть, чтобы избежать такой ошибки, нам *нельзя* думать, что «я» или «Смит» страдают от неопределенности типа. В самом деле, если нам и следует искать неопределенность типа, то скорее надлежит обратиться к предикатам вида «находится в гостинной», «ударился о камень» и т. п., и признать, что они означают одно, когда применяются к материальным предметам, и другое, когда применяются к лицам.

Вот все, что я до сих пор говорил или имел в виду, о смысле фразы, утверждающей первичность понятия лица. Далее следует выяснить, каковы следствия этого утверждения применительно к логическим свойствам предикатов, с помощью которых мы приписываем состояния сознания. Для этой цели нам достаточно рассмотреть Л-предикаты вообще, потому что хотя и не обо всех Л-предикатах можно сказать, что они являются «предикатами, приписывающими состояния сознания» (например, «идет на прогулку» не приписывает), все они подразумевают наличие сознания у того, кому приписываются.

Итак, какие последствия наша теория имеет для Л-предикатов? Я полагаю, следующие. Очевидно, нет смысла говорить о распознаваемых индивидах особого типа, а именно такого, что все они обладают и М-предикатами, и Л-предикатами, если нет в принципе способа сказать относительно всякого индивида этого типа и всякого Л-предиката, обладает ли данный индивид данным предикатом. Кроме того, по крайней мере, для некоторых Л-предикатов такой способ говорения образует логически адекватные виды критериев для приписывания

Л-предикатов. Предположим, что эти способы говорения ни в одном случае не образуют логически адекватных критериев. Тогда нам придется всегда представлять отношение между данными способами говорения и тем, что приписывает данный Л-предикат, или частью того, что он приписывает, следующим образом: способ всегда будет основан на *знаках* присутствия в данном индивиде той иной вещи, а именно состояния сознания. Но в этом случае все, что мы могли бы знать, это — то, что данный способ речи был бы знаком наличия иной вещи, приписанной Л-предикатом на основании наблюдения соответствий между этими двумя вещами. Но это наблюдение возможно для нас только в одном случае — нашем собственном. И мы возвращаемся к позиции защитника картезианства, который полагал, что наш суд был слишком скор. Ибо что же означает «наш собственный случай»? Идея приписывания состояний сознания самому себе, приписывания их вообще бессмысленна, если тот, кто приписывает, не знает заранее, как приписывать, по крайней мере, некоторые состояния сознания другим. Поэтому он не может построить рассуждение на «своем собственном случае» и прийти к описанию способа. Если он не знает заранее, как это делается, он не имеет понятия *своего собственного случая*, вообще *случая*, то есть какого-либо субъекта опыта. Вместо этого он лишь располагает свидетельствами, что боль и т. п. случаются, если на определенное тело воздействовать определенным образом, и не случаются, если воздействовать на другие. Если бы он попытался установить обратное, его спекуляция была бы немедленно опровергнута.

Заключение, вытекающее отсюда, конечно, не ново. Я утверждал, что мы приписываем Л-предикаты другим на основании наблюдения за их поведением и что критерии поведения, лежащие в основе этого, не являются всего лишь знаками присутствия того, что обозначается Л-предикатом, но логически адекватными критериями приписывания Л-предикатов. Относительно этого заключения тем не менее я утверждаю, что оно следует из рассмотрения необходимых условий приписывания состояний сознания чему-либо. Дело не в том, что мы вынуж-

дены принять это заключение, чтобы избежать скептицизма, а в том, что нам надо принять его, чтобы объяснить существование концептуальной схемы, в рамках которой скептическая проблема сформулирована. Но когда это заключение принято, скептическая проблема больше не может возникнуть. И так со многими скептическими проблемами: их постановка подразумевает мнимое принятие концептуальной схемы и в то же самое время молчаливое отречение от одного из условий ее существования. Именно поэтому они неразрешимы в тех терминах, в которых сформулированы.

Но это только часть того, что касается Л-предикатов. Конечно, о некоторых важных классах Л-предикатов можно сказать, что когда мы приписываем их *себе*, то делаем это не на основании наблюдения тех же поведенческих критериев, на основании которых мы приписываем их другим. В общем, это не относится к Л-предикатам, содержащим оценку характера или способностей: приписывание их себе осуществляется на том же основании, что и другим. Даже среди тех Л-предикатов, которые в общем не приписываются себе на тех же основаниях, что и другим, можно обнаружить такие, которые также могут корректироваться приписывающим их себе на этих основаниях. Но остается достаточно много случаев, когда мы обладаем полностью адекватным основанием для приписывания Л-предиката себе, но, приписывая его другим, пользуемся совершенно иными основаниями. Например, сообщая о наличном состоянии психики, говорят «я чувствую усталость, депрессию и боль». Как можно совместить этот факт с доктриной о том, что критерии, на основании которых некто приписывает Л-предикаты другим, совпадают с логически адекватными критериями для такого приписывания?

Очевидная сложность осуществления подобного совмещения может заставить нас предпринять поиски в нескольких направлениях. Например, мы можем поддаться соблазну отрицания того, что приписывания Л-предикатов себе на деле не являются приписываниями, *включить* приписывания состояний сознания от первого лица в те другие формы поведения, кото-

рые образуют критерии приписывания Л-предикатов другим. Таким образом, похоже, удастся избежать указанного затруднения; в некоторых случаях такая стратегия окажется вполне подходящей. Однако она затемняет факты и является излишней. Она — лишь усложненная форма признания неудачи в распознавании особой природы Л-предикатов, точнее, важнейшего класса Л-предикатов. Потому что, подобно отсутствию единого первичного процесса научения (или обучения самого себя) внутренним личным значениям предикатов этого класса, и к тому же отсутствию другого процесса обучения применению таких предикатов к другим на основании замеченного на собственном примере соответствия с определенными формами поведения, равным образом в общем случае отсутствует и единый первичный процесс научения применению таких предикатов на основании поведенческих критериев, а также отсутствует и другой процесс освоения вторичной техники проявления новой формы поведения, а именно Л-изъявлений от первого лица. Обе эти картины суть результат отказа признавать уникальную логическую природу рассматриваемых предикатов. Обозначим как «Рх» общую форму пропозициональной функции такого предиката. Тогда согласно первой картине выражением, которое в первую очередь замещает «х», будет «я», местоимение первого лица единственного числа, а употребления этой формы с другими заменами будут вторичными, производными и шаткими. Во второй картине, напротив, главной заменой «х» будет «он», «это лицо» и т. п., а его употребление с «я» будет вторичным, особым случаем псевдоприписывания. Но данным предикатам фундаментально свойственно, что они употребляются в приписывающих выражениях и первого, и третьего лица, что они могут быть приписаны первому лицу иначе, чем на основании наблюдения поведения их субъекта, а третьим лицам — на основании поведенческих критериев. Научиться их употреблению означает научиться обоим его аспектам. Чтобы *обладать* таким понятием, нам нужно быть одновременно способными приписать эти предикаты и себе, и другим, и рассматривать любого другого как приписывающего

эти предикаты себе. Чтобы *осмыслить* этот вид понятия, мы должны признать, что существует такой вид предиката, который недвусмысленно и адекватно может быть приписан *и* на основании наблюдения субъекта данного предиката, *и* не на этом основании, то есть независимо от наблюдения данного субъекта; при этом второй случай — это случай, когда приписывающий одновременно является и субъектом. Если бы не было понятий, соответствующих моим описаниям, у нас не было бы философской проблемы души; но также не было бы и понятия лица.

Проиллюстрируем тезис — с некоторым неизбежным упрощением — примером с одним из понятий этого класса, депрессией. Мы говорим о депрессивном поведении и также говорим о депрессивных ощущениях (чувстве депрессии). Мы можем утверждать, что чувства можно ощущать, но нельзя наблюдать, а поведение можно наблюдать, но не чувствовать, и, следовательно, между ними есть зазор, достаточный, чтобы вбить логический клин. Но понятие депрессии охватывает и то пространство, куда мы хотели бы его вбить. Мы можем сказать: для того чтобы было возможно понятие депрессии, переносимой *X*, это понятие должно охватывать и то, что чувствуется, но не наблюдается самим *X*, и то, что наблюдается, но не чувствуется любыми другими, отличными от *X* (для всех значений *X*). Но, возможно, лучше сказать: депрессия *X* *есть* нечто, одна и та же вещь, которая чувствуется, но не наблюдается *X*, и наблюдается, но не чувствуется другими, исключая *X*. (Конечно, то, что наблюдается, может быть симитировано или скрыто.) Отказаться принять это означало бы отказаться принять *структуру* языка, которым мы говорим о депрессии. В каком-то смысле это возможно. Мы можем перестать говорить или разработать иную структуру, в терминах которой станем строить монологи. А вот одновременно признавать и не признавать структуру невозможно, невозможно выразить отказ ее признавать на языке самой структуры.

Именно в свете этого нам следует рассматривать некоторые из хорошо известных проблем, касающихся психики. Многие

из них возникают как раз из неспособности принять или оценить полностью свойства, присущие, по моему мнению, по крайней мере, некоторым Л-предикатам. В них упускается из виду, что эти предикаты не могут обладать одним аспектом своего применения — приписывания самому себе или другому, — не обладая вторым. Только один аспект признается самодостаточным, каковым он не может быть, и тогда второй начинает казаться проблематичным. Поэтому мы колеблемся между философским скептицизмом и философским бихевиоризмом. Когда мы принимаем аспект приписываемости самому себе за первичное свойство некоторых Л-предикатов, вроде «депрессивный», тогда кажется, что открывается логический разрыв между критериями, на основании которых мы утверждаем, что кто-то другой находится в депрессии, и самим действительным состоянием депрессии. При этом мы забываем, что если позволить логическому зазору открыться, то он поглотит не только его депрессию, но также и нашу. Потому что если логический зазор имеется, тогда депрессивное поведение, в каком бы объеме оно не проявлялось, есть лишь знак депрессии. Но оно может стать таковым только в случае наблюдаемых отношений между ним и депрессией. Но чьей депрессией? Только моей, так мы склонны ответить. Но если *только* моей, то вовсе *не* моей. Обычно скептическая позиция в лучшем случае представляет такое преодоление логического разрыва как сомнительный вывод. Но дело в том, что посылка данного вывода не существует даже синтаксически, если имеется такой разрыв.

Если, с другой стороны, мы примем приписываемость другим за первичное или самодостаточное, мы можем счесть, что всё значение этих предикатов как предикатов сводится к критериям, на основании которых мы приписываем их другим. Не это ли следует из отрицания логического разрыва? Нет. Считать так означало бы забыть совсем о свойстве приписываемости самому себе, о том, что мы имеем дело с классом предикатов, для значения которых фундаментально то, что они одновременно и приписываются самому себе от первого лица, и приписываются этому же индивиду от третьего лица, причем

приписывание себе осуществляется, в отличие от приписывания от третьего лица, не на основе наблюдения, а на совсем другом основании. И дело не в том, что эти предикаты имеют два вида значения. Скорее для их единого значения существенно важно, что оба способа их приписывать работают в полной мере.

Если я играю в карты, отличительная маркировка некоторой карты составляет логически адекватный критерий для того, чтобы назвать ее, скажем, дамой пик; однако, называя ее так в контексте игры, я приписываю ей свойства сверх тех, что образованы непосредственно маркировкой. Предикат обретает свое значение из всей структуры игры. Так и с языком, которым мы приписываем Л-предикаты. Утверждать, что критерии, на основании которых мы приписываем Л-предикаты другим, логически адекватны для такого приписывания, не означает утверждать, что всё значение этих предикатов сводится к этому критерию. Это означало бы забыть, что Л-предикаты вписаны в структуру языка.

[6] Теперь наши осложнения могут принять другую форму, форму вопроса: «Но как можно приписывать себе не на основании наблюдения в точности то же самое, что другие приписывают нам на логически адекватном основании наблюдения?» Этот вопрос можно включить в более емкий: «Как возможны Л-предикаты?» Им мы заменяем два встречавшихся ранее вопроса: «Почему состояния сознания вообще приписываются чему-либо?» и «Почему они приписываются тем же самым вещам, что и пространственные свойства?» Потому что ответ на эти два исходных вопроса находится как раз в принятии первичности понятия лица, а следовательно, и особых свойств Л-предикатов. Итак, оставшиеся сложности могут быть оформлены в таком виде. Признав первичность понятия лица и с нею особые свойства Л-предикатов, мы все равно можем поставить вопрос о том, что именно в естественных фактах объясняет наше обладание этим понятием, и ожидать на этот вопрос нетривиального ответа, идущего дальше, чем *только*: «Да, в мире

существуют люди». Я не претендую, что способен полностью удовлетворить эти требования. Но я могу указать на две очень различные вещи, которые можно рассматривать как начала или части ответа.

Во-первых, начать можно с помещения некоторого класса Л-предикатов в центр картины. Это предикаты, которые, грубо говоря, связаны с действиями, подразумевающими намерение или состояние ума, или, по крайней мере, какое-то сознание вообще и указывающие на характерный образец или набор образцов движений тела, не указывая при этом точным образом на какое-либо определенное ощущение или восприятие. Я имею в виду такие действия, как «идет на прогулку», «скручивает веревку», «играет в мяч», «пишет письмо». Такие предикаты имеют любопытное свойство многих Л-предикатов: они в общем не приписываются субъектом самому себе на основании наблюдений, но другим приписываются именно так. Однако здесь мы более всего готовы допустить, что приписываемое ими в этих двух разных случаях будет одним и тем же. Это связано с очевидным преобладанием в ходе такого приписывания совершенно определенных образцов телесного движения и столь же очевидным отсутствием какого-либо отдельного восприятия. Они позволяют нам освободиться от идеи, что единственное, что мы можем знать без наблюдения или логического вывода, или того и другого вместе — это личные восприятия; мы можем знать, не прибегая ни к одному из этих средств, о настоящих и будущих движениях тела. В то же время знание о телесных движениях может быть получено и с помощью наблюдения или логического вывода. Среди вещей, нами наблюдаемых и отличных от вещей, знание которых приходит без наблюдения, оказываются движения тел, похожие на те, которые мы знаем без наблюдения. Для нас важно понимать эти движения, потому что они влияют и предопределяют наши собственные. И мы их понимаем, интерпретируем как элементы в точно таких же схемах действий, как и познаваемые нами без наблюдения. Но это означает, что мы видим такие движения как *действия*, интерпретируем их в терминах намерений,

воспринимаем как движения индивидов типа, к которому относится и тот, чьи настоящие и будущие движения известны нам без наблюдения. Это означает, что мы видим других как приписывающих самим себе не на основании наблюдения предикаты, которые мы приписываем им на основании наблюдения.

Эти замечания не ставят своей целью показать, каким образом можно решить проблему «других сознаний» или философски «обосновать» наши убеждения о других. Я уже утверждал, что такое «обоснование» или «решение» невозможно, что требование его невозможно выразить последовательно. Не относятся они и к априорной генетической психологии. Их цель — просто помочь нам осознать на данном этапе развития философских знаний об этом предмете, что мы обладаем той концептуальной схемой, которой обладаем. Я полагаю, что мы сможем легче понять, как мы представляем друг друга, самих себя как лица, если сначала подумаем о том факте, что мы действуем — в том числе в отношении друг друга, — и действуем в соответствии с общей человеческой природой. «Представляем друг друга как лица» означает множество вещей, но все они связаны. Класс Л-предикатов, помещенный мной в центр картины, не находится там в изоляции, оторванный от остальных классов. Напротив, он тесно и неразрывно с ними связан, вплетен в них. Тема сознания не распадается на несвязанные друг с другом предметы.

Я только что говорил об общей человеческой природе. Однако имеется смысл, в котором условием существования нашей концептуальной схемы является то, что эта природа не должна быть общей — то есть не должна иметь характер общности. Философам приходилось обсуждать вопрос о том, существует ли возможно ли некое «групповое сознание». Для некоторых идея имела особую привлекательность, другим она казалась в корне абсурдной, бессмысленной и одновременно, что любопытно, вредной. Легко понять последнее: им виделось нечто ужасное в возможном отказе людей от имеющегося способа отношения к другим индивидам, в принятии вместо него способа отношения, аналогичного тому, что обычно адресован

группам; а также в отказе от выбора для себя индивидуального пути и вместо этого участия в совместной, корпоративной деятельности. Но их опасения показывают, что они очень хорошо понимали идею, которую полагали абсурдной. Тот факт, что для нас естественно наделять личной индивидуальностью членов некоторого класса подвижных природных предметов, не означает, что подобная концептуальная схема является неизбежной для любого класса существ, хоть в чем-то напоминающих нас. При помощи техники, которую я уже применял в конце предыдущей главы для выяснения того, возможно ли понятие себя в ограниченном слышимом мире, можно установить, возможна ли идея социального мира, в котором понятие индивидуального лица будет заменено понятием группы. Для начала давайте задумаемся о некоторых действительных аспектах человеческого существования. Представим две группы людей, занятых какой-то соревновательной групповой деятельностью, например битвой, к которой они чрезвычайно хорошо подготовлены. Мы можем даже предположить, что в их случае команды излишни, хотя информация и передается. Легко предположить, что, будучи занятыми этой деятельностью, члены групп вообще не совершают обозначений индивидуальных лиц, не пользуются их именами собственными или личными местоимениями. Однако они обозначают группы и применяют к ним предикаты, аналогичные тем, с помощью которых мы обычно приписываем целесообразные действия отдельным лицам. Они могут *действительно* употреблять в таких условиях местоимения «мы» и «они»; но это не подлинное множественное число, это множественное число без единственного; подобное возникает в предложениях вида: «Мы заняли крепость», «Мы проиграли игру». Они также могут обозначать элементы данной группы, ее члены, но только в терминах, чей смысл сводится к роли, функции, выполняемой элементами в корпоративной деятельности. Так, мы иногда называем «нападающим» или «вратарем» того, кто вообще-то является лицом.

Когда мы задумываемся о таких случаях, мы видим, что сами в своей социальной жизни — к счастью, только в не-

большой ее части — оперируем набором идей, из которого идея независимого лица исключена, заменена на идею группы. Но разве нельзя представить сообщества или группы, в которых подобная часть составляет главное содержание жизни его членов, а возможно, и все содержание? С группами людей иногда случается, что их члены, как мы говорим, действуют и мыслят «как один». Я предполагаю, что для существования понятия индивидуального лица необходимо, чтобы такое случилось только иногда.

Здесь было бы бесполезно утверждать что-то вроде: «Однако, даже если бы это состояние имело место всегда, каждый член группы все равно *обладал* бы индивидуальным сознанием, представлял бы собой индивидуальный субъект опыта». Бесполезно, потому что еще раз разговор об индивидуальном сознании, об индивидуальном субъекте как таковом не имеет смысла; не существует способа распознавать такие чистые сущности. Да, конечно, представляя себе фантастическую картину полного поглощения группой, я отталкивался от нашего понятия индивидуального лица. Именно этот факт и делает естественной такую бесполезную реакцию. Но предположим, что кто-то всерьез выдвигает такую «гипотезу»: каждый орган человеческого тела имеет собственное индивидуальное сознание, является отдельным центром опыта. «Гипотеза» будет бесполезной в том же смысле, что и приведенное замечание, только с большей очевидностью. Теперь давайте представим, что имеется класс подвижных природных предметов, разделенный на группы, каждая из которых демонстрирует одну и ту же характерную модель действия. Внутри каждой группы имеются некоторые различия в проявлениях, связанные с различиями функций, в частности, в каждой группе есть один член с особым функциональным поведением. Разве нельзя представить различные своды наблюдений, которые заставляют нас видеть в этом особом члене в одном случае главного представителя, «глашатая» группы, в другом — как его орган выражения, «рот», а всю группу представлять как единое *разрозненное* тело? Важно то, что, приняв второй взгляд, мы вы-

нуждены оставить первый; мы более не находимся под влиянием человеческой аналогии в ее первой форме, но только во второй; мы более не склонны говорить: возможно, члены группы обладают сознанием. Здесь полезно вспомнить удивительную двусмысленность выражения «тело и его члены».

[7] Ранее, рассматривая понятие чистого индивидуального сознания, я утверждал, что, хотя его и нельзя использовать для объяснения понятия лица (так что не существует проблемы соотношения психики и тела в традиционном понимании), оно все-таки может обладать логически производным существованием. Так, исходя из нашей концептуальной схемы, каждый может вполне ясно представить свое существование после телесной смерти. Для этого не потребуются большого усилия воображения. Достаточно представить, что мы мыслим и обладаем памятью, как сейчас обладаем нынешними визуальными и слуховыми восприятиями, даже, возможно, — хотя здесь возникают некоторые затруднения — воспринимаем прикосновения и вкус, одновременно с этим а) не воспринимаем тела, соотносящегося с нашим опытом так, как с ним соотносится наше нынешнее тело, б) не обладая возможностью производить изменения в физическом состоянии мира, подобно тому, как сейчас мы это делаем при помощи рук, плеч, ног и голосовых связок. Условие а) надлежит дополнить тем, что никто не демонстрирует в своих реакциях, что воспринимает некоторое тело там, откуда мы воспринимаем мир, и где было бы наше тело в «воплощенном» состоянии. Мы можем представить, что условие а) выполняется в обеих своих частях, при этом условие б) не выполняется. Это была бы достаточно вульгарная фантазия, вроде спиритуалистских духов со знакомыми голосами. Но давайте представим, что мы принимаем бестелесность как сочетание а) и б). Возникают два следствия, одно из которых часто отмечается, второе часто остается без внимания. Первое — то, что строго бестелесный индивид будет строго единичным, и для него должно быть пустым — хотя и не бессмысленным — всякое утверждение, касающееся существования других членов

его класса. Другое, реже отмечаемое следствие состоит в том, что он, чтобы сохранять идею себя как индивида, должен будет всегда мыслить себя *бестелесным, бывшим* лицом. То есть ему все равно придется как-то сохранить идею себя как члена класса или типа сущностей, с которыми он, однако, более не может вступать в какие-либо из тех отношений, которые в прошлом являлись условием возможности его идеи самого себя. Поскольку в этом случае у него не будет никакой личной жизни, он будет жить по большей части в воспоминаниях о той жизни, которую прожил; или, когда прошлая жизнь перестанет вызывать его интерес, он сможет принять слабый и опосредованный способ личного существования, наблюдая за человеческими жизнями, подобно зрителю спектакля, который время от времени говорит себе: «Вот так бы мне следовало поступить», — или — «На его месте я бы...» Пропорционально уходу воспоминаний и истощению косвенного существования будет исчезать и его идея самого себя как индивида. Пределом этого процесса станет положение, когда *с точки зрения его выживания как индивида* будет безразличным, продолжится его опыт или прекратится. Внетелесное существование на таких условиях вряд ли покажется привлекательным. Несомненно, именно поэтому православные мудро настаивали на воскрешении тела.

Теперь я хотел бы кратко рассмотреть метафизическую систему, которая интересным образом помогает соединить проблему индивидуального сознания с общим вопросом распознавания. Я имею в виду, с некоторыми оговорками, систему монад Лейбница. Оговорка такова: говоря о системе Лейбница, я не буду сильно заботиться, целиком ли соответствуют обсуждаемые мной взгляды взглядам данного исторического лица. Я буду называть «Лейбницем» возможного философа, по крайней мере, очень близкого по взглядам к Лейбницу, а то, насколько расходятся их философские доктрины в тех или иных деталях, не будет иметь для нас существенного значения.

Для начала я укажу два важных аспекта, в которых система Лейбница противостоит, по крайней мере, с виду, защищаемым мною тезисам. В начале я обсуждал общую теоретическую проблему закрепления уникальности обозначения партикулярии. Общее теоретическое решение проблемы заключается в том, что для совершающего обозначение его собственное окружение, среда содержит общие основания, «точки отсчета», обеспечивающие уникальность обозначения любого другого предмета, находящегося в той же пространственно-временной структуре, что и субъект. Принятие такого решения означало принятие общего теоретического положения, согласно которому распознавание партикулярий основывается на применении выражений, обладающих указательным, эгоцентрическим или выделяющим значением. Важность теоретически центрального положения «точки отсчета» в окружении говорящего состоит в том, что неясности обозначения этой «точки» исключаются благодаря возможности использования указательных выраже-

ний в сочетании с подходящими, хотя и не обязательно детальными, описательными выражениями. Надо признать, что теоретическая проблема, решением которой стала данная концепция, выглядит весьма искусственной. Тем не менее ее решение, как оказалось, содержит ключ к структуре нашего действительного мышления. Оказалось, что распознавание партикулярий основано на выражениях, прямо или косвенно наделенных указательным значением, потому что такое распознавание основано на употреблении единой структуры знаний о партикуляриях, в которой и мы сами занимаем определенное место. Однако для целей настоящей главы связь между теоретическим решением и нашей действительной практикой имеет второстепенное значение; все, что важно для нас сейчас, — это то, что общая структура нашего мышления делает возможной проблему и определяет ее решение.

Применение этого теоретического заключения о распознавании партикулярий не ограничивается нашей действительной концептуальной схемой, в которой материальные тела составляют основу. Оно также работает в пределах слышимого мира, в котором основой выступают звуковые партикулярии. В этом непространственном мире роль указательных местоимений ограничена¹. Несмотря на то что нам пришлось ввести слуховую аналогию пространства, чтобы создать возможность для повторного распознавания партикулярий, в этой аналогии можно обойтись без указательных местоимений, отсылающих к точке в этом квазипространстве, по крайней мере оставаясь в рамках нашей модели с единственным главным звуком. В этих рамках, как представляется, точки в квазипространстве могут определяться описательно при помощи высоты главного звука, в то

¹ Это и последующие замечания следует понимать в свете моего общего объяснения того, как надлежит понимать спекуляции, вроде возможности внепространственного мира. Представляя такие конструкции, как часть нашего обыденного опыта, мы можем поставить вопрос: какие понятия и выражения из обычно употребляемых нами выглядят необходимыми в пределах данной части? См. главу 2, с. 92 и далее.

время как сам главный звук может быть определен как *звук, которым сопровождается всякий другой звук*. В любом случае, независимо от того, могут ли точки в квазипространстве определяться при помощи описаний, указательные выражения все равно будут нужны для распознавания партикулярий: нам понадобятся временные указательные местоимения или по крайней мере одно такое выражение — «сейчас». Два качественно неразличимых звука, сопровождаемых главным звуком одной высоты, могут быть различены только при помощи ссылки на их положения во временном порядке относительно настоящего момента.

Это заставляет предположить, что теоретическая незаменимость указательного элемента в распознающем мышлении о партикуляриях является не просто особенностью той или иной концептуальной схемы, в которой возможны партикулярии, а необходимой характеристикой любой концептуальной схемы, любой онтологии, в которой имеют место партикулярии. Это предположение я готов принять без дополнительных раздумий. Во-первых, оно необходимо выполняется в любой системе, содержащей партикулярии, в которой партикулярии являются пространственными или временными или пространственно-временными сущностями. Это, как я считаю, доказано двумя примерами концептуальных схем — нашей собственной и слухового мира. Приведенные в примерах аргументы будут также хорошо работать в любых других чувственных условиях — если таковые возможны, — в которых можно сконструировать чисто временную или пространственно-временную онтологию партикулярий. Общая форма доказательства тождественна во всех случаях. Что касается чисто пространственной системы — которую можно представить как единомоментное состояние всего пространственно-временного мира, — то факт, что указательные выражения должны, чтобы решать проблему распознавания в таком мире, — иметь как пространственное, так и временное значение, будет решающим и для этого случая. Во-вторых, мне представляется необходимо истинным, — если немного забежать вперед, — что ни одна система, не допус-

кающая пространственных или временных сущностей, не будет допускать и партикулярий, по крайней мере в нашем понимании. То же самое имеет в виду Кант, утверждая, что пространство и время суть лишь формы восприятия. Если мы объединим оба этих тезиса, то получим следствие, что в общем распознающие обозначения партикулярий основаны на употреблении выражений, которые прямо или косвенно наделены указательным значением; или, формулируя то же самое в терминах мышления, а не языка, распознающая мысль о партикулярии необходимо включает указательный элемент.

Система Лейбница, как представляется, исключает этот тезис, потому что для ее базисных индивидов, то есть монад, утверждается некоторая форма принципа Тождества Неразличимых. Согласно этой доктрине, в ее единственной форме, стоящей обсуждения, необходимо истинно, что для каждого индивида существует некоторое описание, выполненное в чисто универсальных, общих терминах, такое, что ему соответствует только этот индивид. Приверженность данной форме этой доктрины не влекла бы сама по себе и непосредственно ее противоречие тезису, что распознавание партикулярий основывается на указательных выражениях. Дело в том, что возможно, хотя это и было бы странно, сочетать описанную форму доктрины с утверждением невозможности построения описания-в-чисто-общих-терминах, такого, что ему соответствовал бы лишь один индивид. То есть можно утверждать невозможность *определения* какого-либо типа чисто общего описания, гарантирующего единственность всякой партикулярии, к которой оно применяется, при этом полагая, что необходимо должно *существовать* единственным образом применимое общее описание для каждого предмета. В этом случае пришлось бы признать, как мне кажется, что решение теоретической проблемы распознавания партикулярий требует допущения указательных элементов в описания партикулярий в качестве *pis-aller*¹, что только при этом условии можно привести тип описания, гарантирующий

¹ Крайнее средство (фр.). — Прим. пер.

единственность; а это, конечно, уже не будет описанием в общих понятиях. Лейбниц, однако, не был сторонником этой неудобной промежуточной позиции. Он придерживался гораздо более удовлетворительной позиции, согласно которой *возможно* указать тип чисто общего описания, такого, что ему будет соответствовать не более одной монады, или базисного индивида. Он полагал, что мог указать тип подобного описания, но не мог бы привести ни одного собственно описания, поскольку это под силу только Богу. Описание такого типа он иногда называл «полным понятием» индивида. Для такого описания было характерно, что оно, являясь описанием индивида, было одновременно описанием вселенной. Описанием, или представлением, вселенной с определенной точки зрения. То, что оно было универсально исчерпывающим описанием, обеспечивало единственность его применения.

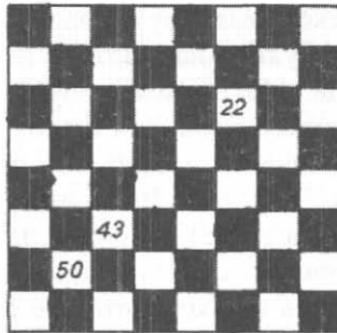
Вскоре я вернусь к рассмотрению достоинств этой позиции. Но сначала следует указать на другую сторону системы Лейбница, также поворачивающую ее против защищаемых мною тезисов. Я утверждал, в общих чертах, что невозможно сформулировать принцип индивидуализации в сознании самом по себе и что, следовательно, ничто не может выступать субъектом предикатов, подразумевающих сознание, не обладая, помимо прочих, пространственными свойствами, то есть не являясь лицом, или, по крайней мере, бывшим лицом. Однако базисные индивиды в системе Лейбница нематериальны, не имеют пространственных частей, представляют собой сознания, субъекты восприятия и апперцепции. Это утверждение, чтобы принадлежать действительному Лейбницу, нуждается во многих оговорках и пояснениях. Некоторые его ограничения необходимы даже для того, чтобы приписать его моему возможному Лейбницу. Нам лучше говорить не то, что монады *суть* психики, а что психики более всех других употребляемых нами категорий подходят на роль модели для монад. Например, для исторического Лейбница только монады определенного подкласса обладают сознанием, и только часть состояний сознательных монад являются сознательными состояниями; в

конце концов, также выясняется, что монады, не будучи пространственными сущностями, не являются также и временными. Все эти оговорки, кроме последней, я по большей части оставлю без внимания. Для моего Лейбница моделью монады является некая психика. Поэтому важный аспект, в котором другой мой тезис противостоит его системе, — это положение базисных индивидов, которое занимают в ней эти подобные психике сущности, для которых принцип индивидуализации может быть представлен без ссылки на лица или тела при помощи только лишь их состояний, то есть при помощи состояний сознания, или их аналога для монад.

Давайте посмотрим, как выглядит попытка обеспечения индивидуализации, как единственность монады предположительно обеспечивается определенным видом описания. Рассматриваемая нами доктрина утверждает, что каждая монада представляет всю вселенную со своей точки зрения. Эта доктрина должна разворачиваться последовательно, шаг за шагом. Согласно этой доктрине то, что является уникальным для каждой монады, — это ее точка зрения. Давайте начнем, понимая идею точки зрения буквально, то есть рассматривая идею точки зрения, из которой можно изучать пространственно протяженную сцену. Допустим, мы утверждаем, что такая точка зрения может быть индивидуализирована, единственным образом определена описанием в универсальных терминах свойств и отношений элементов поля зрения, открывающегося из данной точки. Некто мог бы возразить, что если бы рассматриваемая сцена или область была достаточно обширной, а данное поле зрения, открывающееся с различных точек зрения, было бы относительно небольшим, то такое описание поля зрения с данной точки зрения ни в коем случае не могло бы однозначно определить ее, поскольку на некотором удалении могла бы существовать другая точка зрения, из которой открывалось бы в точности то же самое поле зрения. По-видимому, это возражение можно было бы опровергнуть, введя требование, чтобы поле зрения, открывающееся с любой точки зрения, было не меньше всей обозреваемой сцены или области, чтобы каждое

поле зрения охватывало всю сцену. В этом случае, как представляется, не будет двух различных точек зрения, имеющих качественно неразличимые поля. Конечно, именно так и следует понимать то, что монада воспринимает из своего положения всю вселенную.

Однако дальнейшее размышление показывает, что такой способ индивидуализации точек зрения оказывается в корне безуспешным. Надо только представить, что вселенная повторяется или определенным образом симметрична, чтобы вновь стали бы возможными численно различные точки зрения, из которых открывались бы качественно неразличимые виды, охватывающие тем не менее всю вселенную. Философы воображали различные сложные возможности подобного рода. Нам же достаточно очень простой иллюстрации. Представим шахматную доску. Это вселенная, ограниченная краями и состоящая из определенного порядка черных и белых клеток. (См. рисунок ниже.)

Наша задача — представить индивидуализирующее, единственное описание каждого квадрата, выполняемое с помощью вида на остальную часть доски, открывающегося из этого квадрата. Очевидно, что эта задача неразрешима, если вид из каждого квадрата ограничен только квадратами, находящимися в непосредственном его окружении. С таким ограничением было бы невозможно отличить, например, квадрат 50 от квадрата 43. Но почти также очевидно, что проблему нельзя решить

даже допустив, что вид из каждого квадрата включает в себя всю доску. Например, невозможно отличить квадрат 43 от квадрата 22. Вид на всю доску из этих квадратов одинаков: каждый отделяет от ближнего угла два белых квадрата, от противоположного — пять белых квадратов, и так далее.

Итак, если мы примем лейбницевскую «точку обзора всей вселенной» буквально, проблема индивидуализации без указательных местоимений окажется неразрешимой. Принять ее буквально означает изобразить единственный мир пространственно протяженных предметов, а затем представить состояние каждой монады как отражение всего этого мира в зеркале ее сознания. Это означает представить каждую монаду занимающей некоторое положение в этом единственном пространственном мире, определяемое тем, «откуда виден мир» этой монадой. Глядя на эту картину, мы видим, что монады по только что рассмотренным причинам нельзя индивидуализировать, опираясь на открывающийся из них вид на мир, потому что мы можем представить, что этот мир таков, что виды на него, открывающиеся из некоторых двух положений, неразличимы. Но, разумеется, такая буквальная картина не является картиной реальности Лейбница. Мы можем получить последнюю или нечто достаточно близкое к ней для наших целей, только удалив из первой единственный общий мир протяженных в пространстве предметов. В системе Лейбница реальны только монады, то есть (потенциальные) сознания, или квазисознания, и их состояния. Нет общего единственного мира, который они могли бы отражать, есть только некоторое соответствие между их состояниями сознаний, и пространственные характеристики относятся только к содержанию этих состояний. Имеются частные пространства, но нет общего пространства. Поскольку монады в этом случае не соотносятся пространственно, поскольку нет общего пространственного мира, которому они бы принадлежали, нет и рассмотренных нами ранее возможностей существования двух положений в таком мире, из которых две различные монады могли бы иметь неразличимые виды. Проблема общего *симметричного* пространственного мира устра-

нена, потому что устранен сам общий пространственный мир. Пространство внутренне присуще монаде. *Виды*, открывающиеся из монад, все же остаются и соответствуют друг другу способами, определяющимися законами перспективы, но нет ничего такого, видами на что они бы являлись.

Итак, одно возражение к доктрине, согласно которой индивидуализация может обеспечиваться способом, совместимым с законом Тождества Неразличимых, в случае с системой Лейбница оказалось несостоятельным. Остается другое возражение. Его также можно попытаться опровергнуть в терминах системы, но дорогой ценой: признав, что индивиды системы вообще являются не партикуляриями, а универсалиями, типами или понятиями. Возможно, эту цену метафизик, склонный к математике, вполне готов заплатить.

В этом месте доктрина, согласно которой монады аналогичны индивидуальным сознаниям, становится особенно важной. Мы уже обсуждали идею индивидуального сознания и выявили причины считать, что это понятие следует представлять вторичным по отношению к понятию лица. Приняв понятие лица как первичное, мы можем с легкостью истолковать идею различения субъектов состояний сознания и обратиться к сложному вопросу о принципах индивидуализации лица, субъекта этих состояний. В данный момент рассуждение выглядело бы так: поскольку лицо обладает пространственными свойствами (как тело), теоретическая проблема индивидуализации имеет решение, независимо от того, насколько *схожими* будут последовательности состояний сознания двух лиц. Это решение, как и для случая неодушевленных тел, целиком основано на употреблении указательных выражений.

Но вернемся к ситуации Лейбница. Только что рассмотренное возражение, согласно которому возможны неразличимые взгляды с разных *точек* зрения, не возникало в его системе, потому что монады не вступали в пространственные отношения и не имели пространственных положений. Для системы, в которой имеются различные *точки* зрения, аналитически истинно, что имеются различные *виды* из них. Но допустим, кто-

то поставит вопрос: почему не может быть неопределенно большого числа индивидуальных сознаний или квазисознаний «в» *одной и той же* точке зрения, или, скорее, с *одной и той же* точкой зрения?¹ Если принимать аналогию между монадами и психиками или сознаниями всерьез, то от этого вопроса удержаться невозможно. Ибо ничто в нашей нынешней концептуальной схеме не исключает как логически невозможного того, что разные субъекты состояний сознания, разные лица окажутся в качественно неразличимых состояниях сознания. Этот вопрос ставит Лейбница перед выбором из нескольких вариантов. Выбор одного из них означал бы отказ от Тождества Неразличимых как логического принципа, отказ от идеи существования теоретически определимого класса описаний-в-общих-понятиях, таких, что было бы логически невозможно, чтобы этому описанию соответствовала более чем одна монада. При таком выборе возможно сохранить аналогию между монадами и отдельными сознаниями.

Индивидами системы являются партикулярии. Но это партикулярии, к которым только с Божьей помощью можно построить распознающее обозначение, даже теоретически. Ибо даже если *действительно* имеется только одно уникальное описание для каждого индивида, другими словами, если не существует двух отдельных сознаний с одной и той же точкой зрения, *то*, что это истинно, является вопросом не логической необходимости, а воли Бога, которого не беспокоит повторное создание неотличимых дубликатов. А поскольку указательные выражения неприменимы к реальному миру внепространственных и вневременных монад, даже теоретическая возможность распознающих обозначений основывается на таком теологическом заверении. При условии, что таковое выдано, мы можем полагать, что полный набор предикатов, действительно

¹ Сравните с вопросом: сколько ангелов может уместиться на острие иглы? Если ангелы бестелесны, а «умещаться» наделено подходящим для ангела смыслом, предела, конечно, нет. Но там может находиться не более одного обладающего хорошей координацией *лица*.

однозначно определяющий «точку зрения», также однозначно будет применим к отдельному сознанию, содержащему данную точку зрения, если оно вообще имеется. Такой выбор, как представляется, сохраняет онтологию монад как онтологию партикулярий, но разрушает логическую цельность системы, потому что возможность индивидуализации оказывается основанной на *теологическом* принципе. Более того, такую онтологию можно называть онтологией партикулярий только из вежливости, потому что идея партикулярии, аналогичной индивидуальному сознанию, но при этом фактически вневременной, едва ли может быть нами понята. Наконец — хотя подобного рода критику можно считать не имеющей отношения к метафизическим системам — такая концептуальная схема невозможна как главная, первичная концептуальная схема любых небожественных монад. Ибо, чтобы она мыслилась как возможная концептуальная схема, потребовалось бы, по крайней мере, чтобы мыслящий наделял смыслом идею различения индивидуальных субъектов состояний сознания. Мы уже рассмотрели условия возможности такой идеи, и они совершенно очевидно исключают возможность нахождения лейбницевского понятия монады в роли *первичного* понятия подобного субъекта. Грубо говоря, первичной должна быть концептуальная схема, помещающая людей в мир. Концептуальная схема, помещающая вместо этого мир в каждое лицо, должна, по крайней мере, быть вторичной. Исходя из всех этих замечаний, я не стану считать, что эта альтернатива является исключением из моего принципа, что онтология, не включающая пространственные либо временные сущности, не включает и партикулярии. Онтология, которая могла бы приниматься всерьез только Богом, не может считаться возможной онтологией.

Другая альтернатива, открытая для Лейбница, во многих отношениях более привлекательна. Она состоит в отказе от утверждения для базисных индивидов системы статуса партикулярий, отдельных сознаний или чего-то подобного, но признающая за ними вместо этого статус типов или понятий. Согласно этой альтернативе, мы не будем мыслить каждую монаду

ду как нечто, Божьей милостью наделенное «полным понятием», которым не обладает никакая другая монада, то есть нечто, что подпадает под исчерпывающее и единственным образом применимое понятие. *Вместо этого мы будем представлять базисные индивиды системы как сами эти полные понятия.* Это имеет многочисленные и прямые преимущества с точки зрения других требований системы. Тождество Неразличимых сохраняется во всей полноте своего логического смысла. Если одна универсалия численно отличается от другой, то в принципе возможно *указать* разницу в общих, то есть универсальных, понятиях. Две универсалии могут иметь одни и те же *частичные* наименования: красный и синий оба суть «цвета». Но они не могут иметь общими *полные* наименования, потому что разница между универсалиями и *есть* разница смыслов универсальных терминов. Такая интерпретация не только разом закрепляет индивидуализацию монад. Требование, чтобы монады были внепространственными и вневременными сущностями, также сразу становится естественным, потому что понятия и являются такими сущностями; также становится очевидно истинной доктрина о том, что предикат внутренне присущ субъекту каждого единичного суждения. Самый простой способ показать, как обеспечиваются эти результаты, состоит в следующем. Общей формой наименования монад будет «Понятие *x*, который...». Об этой форме обозначения можно утверждать несколько вещей. Во-первых, и прежде всего монадами являются не *x*-ы, не вещи, описание которых предваряется относительным местоимением. Монады — понятия об этих вещах. Как следствие, придаточные предложения могут содержать сколь угодно много пространственных и временных предикатов, однако попытка определить пространственные или временные отношения монад будет бессмысленной. Понятия могут вступать в *логические* отношения, и только. Нет ничего грубее допущения физических отношений между монадами. Во-вторых, не всякое наименование указанной формы является возможным наименованием монады. Например, оборот «понятие человека, убившего человека» хотя и именуется понятие или

универсалию, не именуется возможной монадой, потому что не является «полным» понятием. Если кто-то убил кого-то, этого еще недостаточно. Требуется указать больше, например, во что оба были одеты в этот момент, что у них были за отцы и т. д. Мы получаем обозначение «полного» понятия, только когда придаточное предложение с относительным местоимением в начале вводит полное описание, так сказать, истории и географии возможного мира. Здесь «мир» означает пространственно-временной мир, а «возможный» означает «могущий быть исчерпывающе описанный без внутреннего противоречия»¹. Очевидно, что при таких требованиях полные понятия будут приходиться множествами, такими, что два понятия будут принадлежать одному множеству, если и только если описания в придаточном предложении каждого из них станут содержать те же самые, хотя и по-иному расположенные элементы. Разница между двумя понятиями будет сводиться к способу, которым относительное местоимение *вставлено* в это общее описание возможного мира. Так, если мы выберем из множества понятий, относящихся к действительной истории действительного возможного мира, понятие Цезаря и понятие Брута, то описания, открывающиеся относительным местоимением в каждом из случаев, по большей части одинаковые, будут отличаться следующим: обозначение понятия Цезаря будет содержать фразу «...и который был заколот человеком, который...» (за вторым «который» последует описание Брута), а обозначение понятия Брута будет содержать фразу «...и который заколот человека, который...» (за вторым «который» последует описание Цезаря). В настоящей интерпретации именно это составляет значение доктрины о том, что каждая монада отражает всю вселенную со своей точки зрения. «Точка зрения» в терминах наименований понятий приблизительно соответствует «исходному относительному местоимению». Все это также наделяет

¹ Идея «исчерпывающего описания» вообще является бессмысленной, хотя ей можно сообщить значение в некоторых конкретных рассуждениях. Но я воздержусь от этого возражения.

значением доктрину о предустановленной гармонии. Монады состоят в гармонии, потому что принадлежат одному набору понятий. Наконец, мы можем увидеть, почему предикат каждого истинного субъектно-предикатного суждения включен в субъект. Дело в том, что субъектом каждого такого суждения является монада, то есть полное понятие, и выражение только лишь подтверждает членство предиката в классе понятий, к которому он принадлежит аналитически. Так, «Брут заколол человека» входит в состав «Понятие человека, который F, G ... и заколол человека, который ..., есть понятие человека, который заколол человека».

Завершим наш приблизительный набросок этой интерпретации системы Лейбница. Полные понятия можно расположить согласно логическому свойству, которое можно назвать «богатством». Упорядочение полных понятий в этом отношении означает то же самое, что упорядочение *множеств* полных понятий, потому что всякое полное понятие обладает той же степенью богатства, что и любое другое, принадлежащее этому множеству. Наиболее богатым будет множество понятий, в котором возможный мир, описанный со всех возможных точек зрения, входящих в каждое понятие множества, сочетает максимальное многообразие явлений с максимальной простотой естественных законов. Множество монад тождественно этому множеству понятий. Таково значение доктрины о том, что действительный мир наилучший из возможных.

Наиболее сомнительна и неопределенна вещь у Лейбница — это вопрос о том, является ли чисто аналитическим то, что множество действительных индивидов тождественно наиболее богатому множеству понятий. Если это истинно аналитически, то вся система приближается к идеалу логической чистоты до степени, пожалуй, беспрецедентной в других метафизических системах, поскольку тогда она имеет дело только с отношениями понятий, нигде не касаясь случайного. В этом случае, если «С» именуется полное понятие, утверждать «С есть действительный индивид», означало бы утверждать нечто, что в случае истинности будет чисто понятийной истиной, потому

что будет означать просто «С — элемент наиболее богатого множества понятий», и мы можем допустить структурные критерии разнообразия и простоты, которые сделают это суждение делом вычисления. Однако такой выбор, сохраняя чистоту системы, может удалить ее от действительности сверх меры, допускаемой самым чистым метафизиком. Он заставит даже самого благосклонного теоретика сомневаться, действительно ли *этот* мир является наилучшим из возможных, даже относительно предложенных критериев. Другой вариант — допустить, что «С является действительным индивидом», означает не то же, что «С является элементом наиболее богатого множества понятий», а «С на деле воплощено». Но, выбрав этот вариант, мы оставляем слишком многое в ведении теологии, перекладываем на добрую волю Бога, чтобы получить приемлемый, с точки зрения Лейбница, результат. Многие ключевые положения становятся при этом случайными, в лучшем случае — теологическими. Предположим, что «S» обозначает самое богатое множество понятий. Тогда все следующие высказывания должны быть истинными для такой вселенной, чтобы она соответствовала требованиям Лейбница, а ни одно из них не гарантируется логически. Вот эти высказывания:

1. Ни одно полное понятие, не являющееся членом S, не воплощается.
2. Не существует полного понятия, являющегося членом S и не воплощенного.
3. Каждое воплощенное полное понятие воплощено единственным способом.

По-моему, меньший набор требований не будет удовлетворительным. Здесь значение выражения «воплощаться» не может быть его стандартным философским значением, то есть приблизительно «иметь место в некоторой области или промежутке времени в нашей общей пространственно-временной структуре», потому что оно предполагает наличие концептуальной схемы, элементарная состоятельность которой отрицается всей системой. Пространственные и временные свойства и

отношения, вещи, их выказывающие и в них вступающие, суть «хорошо обоснованные явления», не свойства реальности. Вместо этого, чтобы сообщить смысл выражению «воплощаться», нам следует вернуться к аналогии индивидуальных сознаний и видов, открывающихся восприятию, и представить воплощение полного понятия, по крайней мере, как нечто подобное созданию связных рядов восприятий и других состояний сознания — личного, индивидуального взгляда на возможный мир. Создание одного такого ряда, отвечающего одному полному понятию, — то есть создание одного личного взгляда на возможный мир — логически не влечет создания всех прочих, отвечающих всем другим полным понятиям данного множества, а также не исключает и повторения этого создания и создания других рядов, отвечающих понятиям, принадлежащим другим множествам. Поэтому, когда мы оставляем область понятий и обращаемся к их воплощению, принципы Предустановленной Гармонии и Тождества Неразличимых должны быть воссозданы в ином смысле как нелогические принципы. Утверждение, что некоторое полное понятие C воплощено, чтобы быть удовлетворительным, должно сводиться к следующему: « C является элементом множества полных понятий K , такого, что все элементы K , и только они, воплощены, причем каждый единственным образом, и K является наиболее богатым множеством понятий». Когда Лейбниц утверждает единичное суждение о мире, он принимает все это, а также аналитическое суждение, которое, как уже установлено, содержится в любом субъектно-предикатном суждении.

Итак, вывод состоит в том, что даже принятие монад в качестве понятий (или типов, или универсалий), а не партикулярий само по себе не сообщит системе логической безупречности перед лицом вопроса: «Почему не может существовать неопределенного числа отдельных сознаний, обладающих тем же видом, тем же набором состояний?» Чтобы встретить эту трудность, решение о том, что монады являются понятиями, необходимо дополнить, интерпретировав все ключевые положения системы как направленные исключительно на отношения по-

нятий и множеств понятий. Это сделает интерпретацию сугубо платонической и сильно удаленной от эмпирической реальности; однако она сохранит свою привлекательную чистоту. Если же, с другой стороны, принимая решение о том, что монады у нас будут являться универсалиями или понятиями, мы захотим сделать систему в каком-то отношении способной описывать то, что есть на самом деле, тогда все эти сверхлогические примеси, нестройности, которые потребовались бы, признай мы монады партикуляриями, все равно потребуются, точнее, мы вплотную подойдем к ним. Я нахожу весьма вероятным, что эта смешанная система, приближающаяся вплотную к принятию этих примесей, ближе всего соответствует системе исторического Лейбница. Самое большое ее достоинство, с точки зрения принадлежности подлинному Лейбницу, состоит в том, что она объясняет внепространственность и вневременность монад, в то же время принимая многое из того, что содержится в текстах Лейбница, но было бы излишним в чисто платонистской интерпретации.

Вот все, что я хотел сказать непосредственно о Лейбнице. Сначала я попытался истолковать его систему как попытку построить онтологию партикулярий, в которой единственность обозначения теоретически обеспечивается без использования указательных местоимений, и показать, в чем эта попытка терпит неудачу, несмотря на всю свою изощренную изобретательность. Теперь хотел бы ненадолго обратиться к тому, что я представил как главную трудность для Лейбница, и более обстоятельно связать ее со сказанным ранее об индивидуальном сознании. Указательные местоимения по своей сути есть средства для построения обозначений в мире, имеющем пространственно-временной характер. Причиной, по которой нам на мгновение показалось, что Лейбниц готов с ними расстаться, сохранив, однако, онтологию партикулярий, было то, что мир этих предельных сущностей не был пространственно-временным, но эти предельные партикулярии могли мыслиться как партикулярии по крайней мере «по обыкновению», пока мы намеренно думали о них как об индивидуальных сознани-

ях. Однако даже если бы нам и удался этот трюк — а его действительно трудно считать возможным — затруднение Лейбница не только не исчезло бы, но даже обострилось, потому что логика, в отличие от теологии, не запрещает возможности неопределенного множества неразличимых отдельных монад одного типа, а поскольку указательные выражения не могут применяться к этим внепространственным и вневременным сущностям, обыденные средства решения этой проблемы оказываются недоступными, даже если Лейбниц и был бы готов ими воспользоваться. Может показаться, что, даже вернувшись в обычный мир пространственно-временных партикулярий и имея в распоряжении указательные выражения, мы все равно сталкиваемся с трудностью, сходной с критической трудностью Лейбница. Для него трудность, я повторю, состояла в возможности существования множества неразличимых монад-партикулярий некоторого типа. Не является ли трудностью и для нас возможность существования любого числа в точности подобных отдельных сознаний, одинаковым образом связанных с единственным конкретным телом?

Эта трудность в самом деле возникла бы и была бы неразрешимой, если бы мы попытались представить понятие отдельного сознания как понятие первичной, или базисной, партикулярии. Поэтому только что поднятый мною вопрос служит дополнительным подтверждением тезиса, ранее доказывавшегося на других основаниях: тезиса, что у нас нет такого понятия, точнее, оно не является для нас первичным, не является понятием первичной партикулярии. Вместо этого у нас есть понятие лица. Лица, имеющие телесные свойства, занимающие в нашем восприятии пространство и время, могут различаться и распознаваться подобно тому, как могут различаться и распознаваться другие предметы, наделенные материальным положением в пространственно-временной структуре. Конечно, их также можно распознать повторно; и теперь, когда все выдвинутые мною тезисы получили подтверждение, остается философский вопрос о критериях повторного распознавания лиц: каковы они, каков относительный вес каждого, как мы можем

приспособить или дополнительно уточнить свое понятие в экстраординарных случаях. Никакая попытка решения этих вопросов не будет успешной, если не будут четко осознаны и приняты тезисы предыдущей главы. После этого оставшаяся часть проблемы личной тождественности хотя и может стать предметом обсуждения, но не будет иметь большого значения и не представит особых трудностей. Сейчас я ее не буду касаться. Скажу лишь одно. Критериев установления тождественности лица несколько. Говоря, что тело лица составляет предмет приложения этих критериев, я не утверждаю, что они являются теми же, что и для повторного распознавания материальных тел. Я не отрицаю, что мы могли бы при неких необычных обстоятельствах утверждать, что два лица попеременно владеют одним телом или что лица меняют тела, и т. п. Но ни одно из этих допущений не противоречит тезису, согласно которому первичным понятием является понятие типа сущности, лица, такого, что лицо необходимо обладает, помимо прочих, пространственными свойствами. Наверное, мне следует повторить, что, распознав отдельное *лицо*, ничто не может удержать нас и ничто фактически не удерживает от того, чтобы совершить распознающее обозначение партикулярии иного типа, а именно сознания данного лица. Понятие отдельного сознания как не-базисного, не-первичного типа партикулярий может существовать именно так. И только так.

В таком случае *нет* места для проблемы, которая, как представляется, волновала Юма: проблемы принципа единства, тождественности отдельного сознания, отдельного субъекта «восприятий» (опыта) как первичной партикулярии. Нет такой проблемы и такого принципа. Если бы такой принцип был, нам всем приходилось бы прибегать к нему, чтобы определить, принадлежит ли нам или кому-то еще каждый конкретный данный в настоящий момент фрагмент опыта; предполагать же такое бессмысленно¹. Там, где Юм ошибался, или кажется, что

¹ Это не значит, конечно, что можно отрицать, что некоторое лицо не может сомневаться в какой-либо форме относительно своей тождест-

ошибался, Кант и Витгенштейн выдвинули лучшие соображения. Возможно, и тот и другой выразили их не слишком удачно. Кантовская доктрина о том, что «аналитическое единство сознания» и не требует, и не допускает никакого принципа единства, не так ясна, как хотелось бы. А замечания, приписываемые Витгенштейну, о том, что содержание сознания лишено принадлежности, что «я», употребляемое N при описании собственных чувств и проч., означает не то же самое, что N в употреблении кого-то другого, без необходимости пренебрегают концептуальной схемой, которой мы обладаем на деле. Отрицание того, что M, говоря «N испытывает боль», и N, говоря, «мне больно», говорят об одной и той же сущности одно и то же, что N может *подтвердить*, что испытывает боль, приводит к совершенно ненужным парадоксам. В согласии с нашей действительной манерой речи вместо того, чтобы отрицать, что приписываемые самому себе состояния сознания вообще приписываются чему-либо, следовало бы сказать так: для каждого пользователя языка существует только одно лицо, приписывая которому состояния сознания, ему не надо прибегать к критериям наблюдения поведения этого лица, хотя это и допустимо; таким лицом является он сам. Такое выражение, по крайней мере, соответствует структуре применяемой нами концептуальной схемы, не мешая при этом дальнейшему ее исследованию. Общее направление подобного исследования я как раз и попытался здесь указать.

венности, в том, что некоторая последовательность действий была выполнена им самим или что такая-то история случилась с ним, не может сомневаться в том, *какой* была его история. Тогда ему придется использовать для разрешения этих сомнений о самом себе принципиально те же методы, что и другие используют для разрешения сомнений о нем; а эти методы состоят в простом применении обыденных критериев *личной* тождественности. Разница заключается только в следующем: другим пришлось бы *предоставлять* информацию, которой для себя оно располагает непосредственно — например, информацией о собственных воспоминаниях.

Часть вторая

ЛОГИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ

СУБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ (1): ДВА КРИТЕРИЯ

[1] Рассуждения, представленные в первой части, имели дело с распознающим обозначением партикулярий. Однако при помощи распознающего обозначения могут быть введены в рассмотрение не только партикулярии. Вообще говоря, любой объект можно ввести в рассмотрение при помощи единичного однозначно распознающего субстантивного выражения. И все же, когда мы говорим о вещах, которые можно обозначить, то есть о вещах вообще, партикулярии, согласно распространенному мнению, занимают среди них особое положение. Именно теорию особого положения партикулярий среди обозначаемых предметов мы и будем исследовать.

Поскольку при помощи распознающего обозначения можно ввести все что угодно, свойство «быть возможным предметом распознающего обозначения» не выделяет среди других какой-нибудь класс или тип объектов или сущностей. Нет сомнения, существуют некоторые вещи, которые действительно обозначены, и некоторые вещи, не являющиеся таковыми. Но свойство «быть предметом действительного, а не только возможного обозначения» не выделяет сколько-нибудь философски интересный класс сущностей. Тем не менее свойство «быть предметом обозначения» действительно проводит философски интересное различие. Оно не отличает один тип предметов от другого, однако оно действительно отличает один способ вхождения в рассуждение от другого. Оно отличает вхождение в качестве субъекта от вхождения в качестве предиката. Традиционная система взглядов, которую нам приходится исследовать

довать, сводится к теории, согласно которой партикулярии могут входить в рассуждения только как субъекты и никогда как предикаты, тогда как универсалии или вообще не-партикулярии могут появляться или как субъекты, или как предикаты. Эту теорию можно полнее описать следующим образом: партикулярии, например Джон, и универсалии, например, замужество и то, что можно назвать универсалии-с-партикуляриями, например быть замужем за Джоном, все они могут стать предметами обозначения в ходе употребления обозначающих выражений. Однако только универсалии и универсалии-с-партикуляриями могут предикцироваться при помощи предикатных выражений, а сами партикулярии не могут делать это. Я не считаю, конечно, что все приверженцы этой системы взглядов одобрили бы мой способ его выражения. Пока мы просто отметим традицию, согласно которой существует асимметрия между партикуляриями и универсалиями по отношению к различению субъекта и предиката. Можно также заметить, что наиболее эмоциональное отрицание этой асимметрии идет со стороны философа, который вообще отрицает реальность различения субъекта и предиката. Этим философом является Рамсей. Обсуждая теории Джонсона и Рассела, он заявляет, что они оба «принимают важное допущение, которое, по моему мнению, более чем сомнительно. Они допускают фундаментальное противопоставление субъекта и предиката, согласно которому если суждение состоит из двух соединенных связкой терминов, то два этих термина должны функционировать различным способом: один как субъект, другой — как предикат»¹. Далее он говорит: «Между субъектом суждения и его предикатом нет существенного различия»².

¹ *Ramsey F.P. Universals // Ramsey F.P. Foundations of Mathematics. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1931. P. 116—117. (Ср. русский перевод в: Рамсей Ф. П. Философские работы / Пер. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. С. 84. Мы сочли необходимым дать русский перевод в собственной редакции. — Прим. ред.)*

² *Ibid. (Ср. там же. — И опять же перевод в собственной редакции. — Прим. ред.)*

Правильно или нет, но традиционный взгляд определенно отводит партикуляриям особое место среди логических субъектов, то есть среди предметов обозначения, то есть среди вещей вообще. Я намерен обнаружить разумное основание традиционного взгляда, если оно у него вообще имеется. Однако прежде чем непосредственно подойти к этому вопросу, нам потребуется подробно обсудить различие субъекта и предиката. Этой задачей мы и будем заниматься на протяжении всей последующей части данной главы. Нам придется рассмотреть взгляды философов, которые под тем или иным названием принимают это различие, не забывая при этом скептицизма Рамсея, отвергающего такое различие. Я также должен еще раз подчеркнуть, что обсуждение, предпринятое в настоящей главе, направлено на постановку этой проблемы, а не ее решение. Последнюю задачу мы отложим до следующей главы. В конечном счете я надеюсь прийти к пониманию общего различия между обозначением и предикацией и его связи с различием между партикулярией и универсалией. Все это еще не объясняется в настоящей главе, в ней только готовятся основания для объяснения.

1. «Грамматический» критерий

[2] Начнем с обсуждения предполагаемого различия между двумя видами элементов, которые могут сочетаться для того, чтобы породить единичное суждение основного вида. Я выбираю слово «элемент» в силу его нейтральности. Дело в том, что существуют различные способы, при помощи которых можно представить себе это различие или различные аспекты, в рамках которых его можно преподнести. Его можно представить, во-первых, как различие между вещами, имеющими место в процессе создания высказывания, различия между двумя дополняющими друг друга *видами деятельности* или *функциями*, вовлеченными в сложную деятельность высказывания суждения рассматриваемого вида. Я перечислю ниже некоторые из оборотов, использованных философами, чтобы выразить это функциональное различие.

A ₁	I	B ₁
обозначение чего-либо	и	описание его
именование чего-либо	—	характеризация его
указание на что-либо	—	приписывание чего-либо ему
называние чего-либо	—	предицирование ему чего-либо
упоминание чего-либо	—	сказывание чего-либо о нем

Список может быть расширен. Если мы возьмем какое-либо выражение из списка А и какое-либо выражение из списка В и соединим их, то получим выражение, например: «обозначение чего-либо и предицирование ему чего-либо», «упоминание чего-либо и характеристика его», которое могло бы служить в качестве описания сложной деятельности создания определенного рода высказывания, описания, которое проводит различие между двумя моментами, или элементами, или функциями в этого рода деятельности.

Поскольку функции, различие между которыми проведено в списке I, могут быть приписаны *языковым* частям предложения, произнесенного в акте порождения высказывания, мы, очевидно, сталкиваемся с возможностью второго списка. Во втором списке различаемые элементы являются языковыми частями высказывания. Чтобы представить этот аспект различения, философы употребляли следующие выражения:

A ₂ *	II	B ₂
единичный термин		предикативное выражение
обозначающее выражение		предикатное выражение
субъект		предикат
субъектное выражение		приписывающее выражение
собственное имя (Фреге)		

* Здесь имеются оттенки в различениях. Некоторое выражение можно классифицировать как «обозначающее выражение», «единичный термин», «собственное имя» или даже «субъектное выражение» независимо от его вхождения в какое-либо конкретное высказывание. Однако мы, пожалуй, не можем назвать какое-то выражение субъектом *tout court*¹, но скорее субъектом (или одним из субъектов) *данного* конкретного высказывания.

¹ *франц.* — просто-напросто; просто; всего-навсего. — *Прим. ред.*

Функциональное различие и различие языковых частей не исчерпывают возможностей различения. Если мы посмотрим колонку А в списке I сверху вниз, мы увидим, что в нем каждое выражение, относящееся к деятельности, представляет деятельность как имеющую предмет: именование *чего-либо*, обозначение *чего-либо* и т. п. Если же просмотрим сверху вниз выражения в колонке В, рассматривая каждое из них по очереди в конъюнкции с некоторым выражением из колонки А, то обнаружим, во-первых, что каждое относящееся к деятельности выражение в колонке В представляет деятельность как направленную на тот же самый предмет (обозначенный как «он/она/оно»), что и относящееся к деятельности слово в колонке А; однако мы также обнаружим, что третье и четвертое выражение в колонке В представляют В-деятельность как имеющую другой предмет — «предсказание *чего-либо*» первому предмету, «приписывание *чего-либо*» ему. (Пятым выражением пока можно пренебречь.) Эти выражения, таким образом, наводят на другой смысл, который можно придать понятию двух элементов, которые сочетаются для того, чтобы создать суждение. Они наводят на мысль о том, что мы собираем или связываем некоторым способом два различных неязыковых предмета или *объекта* в ходе порождения чего-то единого, суждения. Этими двумя предметами являются тот, который мы приписываем, и тот, которому мы приписываем его, тот, который мы предсказываем, и тот, которому мы предсказываем его; и говорить, что мы «собираем их» при создании суждения, есть не что иное, как говорить только то, что мы предсказываем или приписываем один из них другому. О неязыковых предметах, которые собираются таким образом, иногда говорят как о «составляющих» суждения. Буквальные смыслы данного слова в этом контексте логически просто гротескны. Однако нам нет необходимости беспокоиться по поводу этих смыслов. Дело в том, что даже если философ, по видимости, опирается на них, он

не может сказать ничего такого, что нельзя переформулировать, не ссылаясь на них. Нет сомнений, что это новое различие относится к числу признанных и употребляемых философами; к нему как раз и относятся слова Рамсея, когда он говорит об отсутствии оснований предполагать, что если суждение состоит из двух связанных объектов, то эти два объекта должны функционировать двумя различными способами — один как субъект, другой как предикат. Слова Рамсея направлены не в пустоту. Таким образом, можно составить третий список — список, в котором различие проводится не между речевыми функциями или между языковыми частями, а между «составляющими» или объектами суждения:

III	
A ₃	B ₃
субъект	предикат
объект в роли субъекта	объект в роли предиката
обозначаемый объект	приписываемый объект

Теперь, когда мы провели это третье различие, следует рассмотреть вопрос о том, нельзя ли провести и четвертое. Различения из списка III относительны, так сказать, к данному суждению. В соответствии со списком III мы отличаем тот объект, который фактически является субъектом данного суждения от того объекта, который фактически предикруется этому субъекту, и мы делаем это, не обращая внимания на возможность, что один из них вдруг появится в другом суждении в другой роли. Традиционная теория, которую мы в конечном счете и исследуем, действительно устанавливает, что некоторые объекты могут встречаться только как субъекты; но она также допускает и то, что некоторые объекты могут встречаться и как субъекты, и как предикаты. Различения из списков I и II, таким образом, не связаны только с данным суждением, хотя они и относятся к идее суждения вообще. Ни один элемент,

попадающий на ту или иную сторону этих различий, не может случайно попасть на другую сторону. Я могу в различных суждениях обозначать одну и ту же вещь одним и тем же способом или выполнять одно и то же действие обозначения; однако ни в одном суждении это действие обозначения вещи не может быть действием предцирования этой вещи. Нельзя ли представить возможность такого различия, которое сохраняет жесткость разделений, проведенных в списках I и II, но в то же время, подобно разделению списка III, опирается не на различие речевых функций или языковых частей, а на различие неязыковых предметов некоторым соответствующим им образом? По крайней мере, среди элементов списка III встречаются объекты, могущие выступать в любой из двух ролей. Элементы нашего нового списка должны объединить объект и роль в одно. Новые элементы будут способны встречаться в разных суждениях, но не в различных ролях в разных суждениях. В то время как разделение элементов, проведенное в списке III, само предполагает различие между объектами и ролями, которые они исполняют, новое разделение не будет основываться на каком-либо предварительном различии такого типа, но будет полностью отделять объекты и их роли друг от друга. Весьма полезно попытаться понять такое различие, если мы сможем сделать это. Дело в том, что оно или нечто на него очень похожее использовалось неким философом, взгляды которого на этот предмет нельзя игнорировать. Этот философ — Фреге. Заимствуя у него терминологию, мы запишем различие между

IV	
A4	B4
предмет	понятие

Различение в списке IV является неязыковым аналогом различий в списке II. Как ни одно обозначающее выражение не может быть использовано само по себе как предикат, и, та-

ким образом, ни один объект не может быть предцирован; так и ни одно предикативное выражение не может быть использовано само по себе как обозначающее выражение, и, таким образом, ни одно понятие не может быть предметом. Такая форма различения интуитивно ясна в наименьшей степени. Мы еще обсудим его в дальнейшем.

[3] До сих пор я занимался только установлением некоторых связанных между собой различий, или аспектов одного различия, которые исторически проводились или признавались философами. Я не пытался оценивать или полностью прояснять их. Я вряд ли сделал нечто большее, чем только назвал их или записал их имена.

Теперь мне следует попытаться прояснить их. Существует положение, по которому пришли бы к соглашению все авторы, которые признают различия из списка II и которое можно взять в качестве нашего исходного пункта. Это положение состоит в том, что пункты А и В в этих списках при определенных условиях исключают друг друга. Ни одно А-выражение не может быть В-выражением, и наоборот. Однако А-выражение может быть частью В-выражения. Так Фреге пишет: «... собственное имя никогда не может быть выражением, обозначающим предикат, хотя оно может быть его частью»¹. Гич высказывает не столь общее утверждение, которое тем не менее принадлежит к тому же направлению. Он пишет: «Имя предмета можно ... использовать как логический субъект высказывания об предмете. <...> Оно не может без радикальной смены смысла быть логическим предикатом»². Здесь Гич использует обороты «логический субъект» и «логический предикат» так

¹ *Frege G. On Concept and Object // Philosophical Writings of Gottlob Frege. ed. Geach and Black. P. 50* (Русский перевод: *Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. тр. / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова; Под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 259).*

² *Geach P. Subject and Predicate // Mind. 1950. Vol. 59. P. 463.*

же, как Фреге использует «собственное имя», «предикатное выражение», а именно для того, чтобы говорить о рубриках из списка II, то есть о языковых частях высказывания. Чтобы избежать путаницы из-за различия терминологии, я иногда буду использовать кодовые имена, произведенные от моих списков, и говорить о A_2 , B_2 и т. д.

Прочитированное высказывание Гича не обладает той степенью общности, которая присуща прочитированному высказыванию Фреге. Высказывание Гича интересно нам благодаря тому, что, по мнению Гича, оно является следствием некоторых определений «субъекта» (A_2) и «предиката» (B_2). Таким образом, можно оценить адекватность этих определений в свете их предполагаемых следствий. А оценка их адекватности очень важна хотя бы потому, что *prima facie*¹ они весьма привлекательны. Эти определения таковы²:

B_2 есть выражение, порождающее высказывание *о* чем-то, если мы приписываем его другому выражению, которое *означает* то, *о* чем мы совершаем высказывание.

A_2 (высказывания) есть выражение, для которого существует B_2 такое, что оба вместе формируют утверждение *о* том, что *означает* A_2 .

Нам следует спросить, имеют ли эти определения следствия, согласно которым A_2 никогда не может быть B_2 , или по крайней мере (если ограничиться менее общим тезисом Гича) имеют ли они такое следствие, согласно которому имя предмета можно использовать в качестве A_2 , но нельзя применять в качестве B_2 без радикального изменения его смысла. Существенные выражения в этих определениях я выделил курсивом. Одно из них — это слово «о». Рассмотрим выражения:

¹ На первый взгляд (лат.). — *Прим. ред.*

² *Op. cit.* P. 461—462. См. также примечание на с. 156 этой книги; слово для A_2 , употребляемое Гичем, — «субъект».

Рэлей курит
Сократ [есть]¹ мудрый.

В первом из этих утверждений нам хотелось бы классифицировать выражение «Рэлей» как A_2 , а выражение «курит» как B_2 . Конечно, о том, кто употребляет предложение, в котором он говорит о Рэлее, мы часто говорим, что он совершает *высказывание о Рэлее*, что о Рэлее высказывается то, что он курит. По крайней мере в этом отношении имя «Рэлей», по-видимому, квалифицируется при помощи данных определений как A_2 , а слово «курит» как B_2 . Однако также ясно, что могут существовать обстоятельства, при которых о том, кто употребляет это предложение, было бы правильно утверждать, что он говорит о курении и что он среди прочих вещей высказывает о нем, что *Рэлей курит* или что он является курильщиком. По крайней мере, в этом отношении и постольку, поскольку затрагивается слово «о», представляется, что имя «Рэлей» квалифицируется, согласно данным определениям, как B_2 . Кук Уилсон многое сделал для такого заключения и связал пару выражений «субъект» и «предикат» соответствующим образом². Я не думаю, что это положение имеет большое значение для логической теории, но оно, по крайней мере, наводит на мысль о том, что определения Гича в той мере, в какой они покоятся на различающих возможностях слова «о», построены на песке. Можно было бы возразить, что Гич намеревается абстрагироваться от обстоятельств, которые заставляют нас иногда говорить о ком-то, кто совершает такое высказывание, что он нечто говорит о Рэлее, а иногда говорить, что он нечто говорит о курении и что

¹ Мы предпочли сохранить присущее английскому языку явное упоминание связки высказывания, которая часто опускается в русском. Это связано с сохранением формы прилагательного в примерах Стросона. Однако для сохранения структуры русской фразы связка берется в квадратные скобки. — *Прим. ред.*

² *Wilson C. Statement and Inference. Oxford: Clarendon Press, 1926. Особенно p. 114 и далее.*

нам следует различать то, о чем высказывание, и о чем некто, кто совершает высказывание, совершает его; первое является постоянным в случае таких высказываний, как приведенное, даже если последнее варьируется. Но если нам следует абстрагироваться от таких обстоятельств, что нам подскажет, о чем это высказывание? Я не хочу сказать, что на этот вопрос *вообще нельзя* ответить; хочу сказать только, что этот вопрос *должен* быть поставлен; только что требуемый способ использования «о» является тем, что еще должно быть объяснено, и не может быть использован для объяснения понятий из A_2 и B_2 .

Другое важнейшее выражение, в определении Гича, — это оборот «означает». Действительно ли этот оборот в том виде, как он встречается в определении, предохраняет нас от формулировки, согласно которой «Рэлей» есть B_2 ? Безусловно, он делал бы это, если бы нам нельзя было говорить, что выражение «курит» *означает* курение или привычку к курению. Однако в общем случае я не знаю правила или привычного способа выражения, признающего такую манеру речи бессмысленной или некорректной, и тем более в общем случае я не знаю такого правила или привычного способа выражения, который признавал бы бессмысленным или некорректным говорить, что высказывание, совершаемое при помощи слов «Рэлей курит», было бы высказыванием о курении¹. Действительно, существует определенная связь между словом «о» и фразой «означать»: в высказывании, сделанном *о* вещи, можно ожидать найти выражение, которое *означает* эту вещь. Однако даже если мы настаиваем на этой связи, то недостаточность «о» для целей этих определений сопровождается недостаточностью «означает». А если на основании этой недостаточности «о» мы разрываем такую связь, то нам остается только тот смысл «означает», который в другом отношении бесполезен для целей опре-

¹ Гичу действительно потребовалось заявить, что «курит» означает нечто. Дело в том, что он был вынужден принять взгляд, согласно которому предиктируемые выражения означают свойства (ор. cit, p. 473).

деления, а именно в том отношении, что он сам должен быть разъяснен и не может использоваться для объяснения понятий из A_2 и B_2 .

В нашем втором примере выражению, которое мы, как и Гич, хотели бы классифицировать как B_2 , присуща сложность, которой не обладает выражение первого примера. Оно состоит из глагола и прилагательного («[есть] мудрый») вместо одного глагола («курит»). Для нашего рассуждения это не так уж и важно. Не существует абсолютного запрета на тот способ речи, согласно которому высказывание, сделанное при помощи слов «Сократ [есть] мудрый», есть высказывание о мудрости или о бытии мудрым [about being wise], а также в этом или в ином случае нет никакого абсолютного запрета на способ речи, согласно которому слова «[есть] мудрый» означают бытие мудрым или мудрость. Рассматриваемые определения фактически требуют от нас разделить данное предложение на две части, которые вместе составляют его целое; они *позволяют* нам провести разделение тем способом, каким мы хотим провести его, то есть разделить «Сократ» и «[есть] мудрый». Однако они не вынуждают нас только поэтому классифицировать эти части тем способом, каким мы хотели бы быть вынужденными классифицировать их.

Слова «означать» и «о», в таком случае, не обладают той объяснительной силой, которая требуется от них в определениях Гича. Чтобы эти определения достигли желаемых результатов, нам следует интерпретировать слова «означать» и «о» в свете нашего знания о том, что именно определяется. Этот факт лишает определение силы. Если, принимая во внимание этот обескураживающий факт, мы пренебрегаем выражениями «означать» и «о», то эти определения говорят нам не больше, чем следующее: B_2 есть выражение, которое, будучи приписано другому выражению, порождает высказывание, и A_2 есть выражение, которому приписывается B_2 , чтобы сформировать высказывание. Однако это ничего не говорит нам о различии между A_2 -ми и B_2 -ми.

Очевидно, что должно быть возможно определить или охарактеризовать некоторый вид выражений А и В, такие, что (1) при наличии выражения какого-либо из этих видов одно может стать утверждением при помощи присоединения к нему подходящего выражения другого вида; (2) «Сократ» и «Рэлей» принадлежат к виду А, «курить» и «[есть] мудрый» — к виду В; (3) выражение вида А не может быть выражением вида В, хотя оно могло бы быть частью такого выражения. Мы видели, что определения Гича, основываясь на «означать» и «о», настолько далеки от различения А-выражений и В-выражений, что их можно справедливо рассматривать как упоминание общего для этих выражений признака. Будет полезным привлечь еще один способ речи об этом признаке, общем и для «Сократ», и для «[есть] мудрый» в высказывании «Сократ [есть] мудрый», и общей и для «Рэлей», и для «курит» в высказывании «Рэлей курит». Будем говорить, что выражение «Сократ» («Рэлей») служит для того, чтобы *вести в рассмотрение* конкретное лицо — Сократа (Рэлея) — в данное высказывание, и что выражение «[есть] мудрый» («курит») служит для того, чтобы *вести в рассмотрение* качество — мудрость (привычку, курение) — в данное высказывание. Будем называть все, что введено или может быть введено в высказывание посредством такого выражения, *объектом*. Эта терминология очевидным образом связана с некоторыми из наших предшествующих списков. При помощи соединения некоторых пунктов из функциональных различий списка I, мы получили такие обороты, как «обозначение чего-либо и предикаторное предикаторное этому». Эти обороты породили различия списка III между *обозначаемым объектом* и *предикаторным объектом*. Теперь мы можем сказать, что обозначаемые и предикаторные объекты *вводятся в рассмотрение* сходным образом. Именно так выражения двух классов различаются в списке II, то есть А₂-е и В₂-е вводят объекты в рассмотрение сходным образом, хотя и различными способами, они употребляются для обозначения объектов и предикаторования объектам соответственно. По существу, провал определения Гича в деле различения этих спо-

собою введения объектов в рассмотрение состоит в том, что о высказывании можно сказать, что оно в зависимости от контекста говорит о любом объекте, введенном в него, а не только об одном или нескольких объектах, введенных при помощи обозначения.

Тогда выражение «Сократ» и «[есть] мудрый» («Рэлей» и «курит») имеют то общее, что каждое служит для введения объекта в высказывание «Сократ [есть] мудрый» («Рэлей курит»). Однако это не означает, что не существует никаких различий в стиле или манере такого введения.

Грамматический справочник некоторого языка в какой-то части есть трактат о различных стилях введения объектов в высказывания посредством выражений этого языка. Такой справочник имеет дело со значительно большими различиями в стиле введения, чем те, что мы до сих пор рассматривали. Однако среди различий, с которыми он имеет дело, есть одно, которое обеспечивает нас средствами или частью средств различения А-выражений и В-выражений. Это именно различие между субстантивным (или схожим с именем существительным) и глагольным (или схожим с глаголом) стилями введения в рассмотрение. В качестве первой, несовершенной попытки проведения чисто грамматического различия между А-выражениями и В-выражениями можно рассматривать следующее: А-выражение есть грамматически субстантивное выражение в единственном числе; а В-выражение содержит, по крайней мере, одну финитную форму глагола в изъявительном наклонении, которая в рамках В-выражения не образует части завершеного предложения или клаузы; также к А- и В-выражениям предъявляется общее требование, согласно которому выражение одного из этих видов должно быть способным породить утверждающее предложение, если оно сочетается с некоторым подходящим выражением другого вида. Это, конечно, недостаточные условия, накладываемые на выражения с тем, чтобы они могли быть субъектными или предикатными выражениями. С одной стороны, «ничто» есть имя существительное в единственном числе, и все же мы не хотели бы классифициро-

вать его как субъектное выражение. С другой стороны, «Сократ [есть]», по-видимому, удовлетворяет данному описанию В-выражений, поскольку (1) оно содержит глагол в изъявительном наклонении, (2) действительно не является полным предложением, но в лучшем случае эллиптической формой полного предложения и (3) может быть дополнено до утвердительного предложения путем добавления субстантивного выражения в единственном числе «философ»; и все же нам не хотелось бы принимать на себя обязательство говорить, что «Сократ [есть]», поскольку оно встречается в таком предложении, является предикатным выражением. Однако хотя эти описания не составляют достаточных условий для того, чтобы нечто было А- или В-выражением, мы можем в предварительном порядке рассматривать их как формулировки необходимых условий. Рассматриваемые таким образом они, по крайней мере, гарантируют нам то следствие, которое определения Гича не способны гарантировать, а именно, что А-выражение никогда не может быть В-выражением. К тому же они не исключают того, что Фреге явно допускал, а именно, что А-выражение может быть частью В-выражения. И наконец, в определенных простых случаях, если предположить, что предложение должно быть исчерпывающим образом разделено на А-выражение и В-выражение, эти описания вынуждают нас провести такое разделение тем способом, относительно которого можно сказать, что мы и хотели, чтобы нас вынудили провести их именно так. В случае «Сократ [есть] мудрый» они безальтернативно велят нам считать «Сократ» А-выражением, а «[есть] мудрый» — В-выражением. Дело в том, что хотя еще можно сказать, что «Сократ [есть]» удовлетворяет описанию В-выражения, то «мудрый» точно не отвечает описанию А-выражения.

В таком виде данное различие неадекватно, потому что оно не способно дать достаточные условия, при которых некоторое выражение является А- или В-выражением. Эта неадекватность, как мы увидим позже, легко исправляется при помощи добавления к нему новых положений. Однако в таком виде это различие неадекватно также и в еще более важном смыс-

ле. Опираясь на грамматические обороты «субстантивное выражение» и «выражение, содержащее глагол в изъявительном наклонении», это различие представляется одновременно и ограниченным и необъясненным: ограниченным, потому что грамматическая классификация, приспособленная к одной группе языков, не обязательно подходит для других, возможно, столь же богатых групп; необъясненным, потому что грамматические классификации не говорят ясным и недвусмысленным образом о своих собственных логических основаниях. Иначе говоря, нам следует заняться исследованием существенности различия между грамматически субстантивными и грамматически глаголоподобными способами введения объектов в рассмотрение.

Я уже отмечал, что грамматический справочник некоторого языка частично является трактатом о стиле введения объектов в высказывания посредством выражений этого языка. Пожалуй, можно себе представить, что в таком справочнике упоминается класс выражений, которые служат *только* для введения объектов в высказывания и не связаны с каким-либо конкретным стилем введения. Я не говорю, что «Сократ» является таким выражением. Еще менее я склонен говорить, что грамматические субстантивы в общем являются такими выражениями. Однако в сравнительно нефлективных языках типа английского выражение «Сократ» близко подходит к тому, чтобы быть таким выражением. “Socrates is wise” («Сократ [есть] мудрый»), “Socrates, be wise” («Сократ, будь мудрым»), “Let Socrates be slain” («Пусть Сократ лишится жизни»), “Slay Socrates” («Лиши Сократа жизни»), “Plato admired Socrates” («Платон восхищался Сократом»). Здесь перечислены высказывания, принадлежащие к различным видам. Во всех них, однако, выражение “Socrates” («Сократ») в английском языке не изменяется. Тот факт, что выражение “Socrates” («Сократ») встречается в некотором высказывании, не дает нам никаких оснований ожидать, что это будет скорее один вид высказывания, чем какой-либо другой (например, утверждение, призыв, команда, предписание и т. п.). В высокой степени флективных языках,

типа латинского, ситуация отлична в одном отношении, но сходна в некотором более существенном отношении. То что имя “Socrates” («Сократ») появляется в конкретном грамматическом падеже в некотором высказывании, говорит нам *нечто* о том способе, которым данный объект, Сократ, вводится в высказывание. Однако это все же ничего нам не говорит о том, к какому общему виду это высказывание принадлежит. То что “Socrates” («Сократ») стоит в звательном падеже, ничего не говорит нам о том, является ли последующее высказывание утверждением, или просьбой, или обязательством; “Socrates” («Сократ») стоит в именительном падеже в “Let Socrates be slain” («Пусть Сократ лишится жизни») так же, как в “Socrates is wise” («Сократ [есть] мудрый»), в винительном падеже в “Kill Socrates” («Убей Сократа» так же, как в “Plato admired Socrates” («Платон восхищался Сократом»), в творительном падеже в “Let the talk be about Socrates” («Поговорим о Сократе») так же, как в “The talk was about Socrates” («Разговор шел о Сократе»).

Другое дело в случае с «[есть] мудрый». Это выражение вводит в рассмотрение бытие мудрым точно так же, как «Сократ» вводит Сократа. Однако это выражение не *только* вводит его объект или вводит его *только* с таким указанием стиля введения, как он дается падежным окончанием существительного. Оно вводит свой объект в совершенно особом и значимом стиле, а именно в утверждающем или пропозициональном стиле. На это вполне могут возразить, что тот факт, что слова «[есть] мудрый» встречаются в некотором утверждении, не гарантирует, что это утверждение представляет собой высказывание. Дело в том, что я мог бы произнести слова «Сократ [есть] мудрый» с вопросительной интонацией и тем самым задать вопрос вместо совершения высказывания. Или я мог бы использовать слова «[есть] мудрый» для построения другого типа вопроса, спрашивая «Кто [есть] мудрый?». Или опять же я мог бы создать утверждение, которое начинается со слов «Если Сократ [есть] мудрый ...» или «Если Рэлей курит ...»; и в этих случаях я определенно не высказываю, что Сократ мудр или

что Рэлей курит, и, возможно, вообще ничего не высказываю, но, например, даю кому-то условное разрешение сделать что-либо. Эти положения, безусловно, правильны. И все же нам следует помнить, что вопросы требуют ответов; что вопросы типа «Сократ [есть] мудрый?» приглашают нас высказаться об истинностном значении *суждений*, содержащихся в самих вопросах; что вопросы типа «Кто [есть] мудрый?» приглашают нас завершить и высказать *суждения*, для которых сам вопрос обеспечивает нас формой суждения и половиной его содержания. И нам следует помнить, что в функции условных клауз входит предлагать на рассмотрение *суждения*, хотя и без обязательств по отношению к их истинностным значениям. Таким образом, даже если мы не можем сказать, что тот особенный стиль, в котором «[есть] мудрый», «курит» и т. п. вводят свои объекты в рассмотрение, есть непосредственно утверждающий стиль, мы можем, по крайней мере, сказать, что это пропозициональный стиль, соответствующий тому случаю, когда объект вводится в нечто, что имеет истинностное значение. Именно поэтому я использовал альтернативу: «утверждающий или пропозициональный стиль». Однако полагаю, что можно привести аргументы в пользу того, что кажущееся ослабление (путем расширения) характеристики стиля введения на самом деле не является никаким ослаблением. Дело в том, что стандартный способ отделения пропозициональной формы слов от такого обязательства в отношении ее истинностного значения, которое состоит в утверждении ее, заключается в *добавлении* к ней, добавлении, например, союза «что». Это дает нам основание говорить, что *первичная* функция пропозиционального символизма глагола в изъявительном наклонении есть утверждение, основание говорить, что то, что первоначально является утверждающим стилем введения объектов, есть также нечто более широкое, а именно пропозициональный стиль введения. Поэтому я продолжаю говорить *одинаково* об «утверждающем» или «пропозициональном» стиле введения объектов.

К тому же следует заметить, что изъявительное наклонение глагола в стандартном английском является необходимым при-

знаком утверждения, хотя оно даже в английском и еще тем более в других языках не выступает необходимым признаком других, вторичных вхождений суждений. Суждениям, предлагаемому нашему вниманию в клаузах условных предложений, можно придать форму сослагательного наклонения; грамматика может требовать или допускать сослагательную или винительно-инфинитивную конструкцию для суждений косвенной речи; также существуют и другие возможности. С одной точки зрения может показаться, что эти факты только усиливают доводы в пользу характеристики В-выражений как «выражений, которые вводят свои объекты в утверждающем стиле». С другой точки зрения, может показаться, что они порождают затруднения. Дело в том, что если, стремясь к большей общности, мы пожелаем охарактеризовать В-выражения скорее ссылкой на *пропозициональный* стиль введения объектов, то разве не должны ли мы согласиться с тем, что наличие глагола в изъявительном наклонении не является необходимым условием для того, чтобы некоторое выражение было В-выражением? И все же если мы отбросим это предположительное необходимое условие, то нам в силу грамматического описания придется заплатить обескураживающую цену, выражающуюся в возрастании сложности. Я полагаю, что практический ответ на эти трудности состоит в том, что мы можем благополучно сохранить идею утверждающего или пропозиционального стиля, не обременяя себя дальнейшими грамматическими классификациями. Главный факт, который нам надо осознать, состоит в том, что утверждение есть первичный способ появления *суждения*; а это дает нам основание говорить, что для множества пропозициональных стилей первичным является то же самое, что первично и в утверждающем стиле. Нам приходится признать два факта: то, что символизм утверждения есть также способ символизации чего-либо более широкого, а именно вхождения суждения, и то, что это более широкое нечто не всегда или не только символизируется посредством символизма утверждения. Ни один из этих фактов, однако, не дает решающего основания для отбрасывания подхода, который пока

что хорошо сочетается с традиционными взглядами на рассматриваемые различия.

Таким образом, употребление изъявительной формы глагола обычно включает в себя введение объекта в рассмотрение вместе с указанием на то, что он введен в некоторое суждение. Употребление формы субстантива, с другой стороны, не влечет за собой таких следствий; это — форма, которую нам естественным образом следует использовать, если мы хотим составить всего лишь *списки* объектов. В высказывании «Сократ [есть] мудрый» и выражение «Сократ», и выражение «[есть] мудрый» вводят объекты, а именно Сократа и бытие мудростью. Однако, если заимствовать фразу У. Е. Джонсона (W. E. Johnson), данное выражение «[есть] мудрый» не только вводит бытие мудростью, оно также несет в себе утверждающую или пропозициональную связь; или в еще более старой терминологии оно не только вводит свой объект, оно также связывает его.

Это противопоставление стилей не дает нам достаточно данных для строгого определения «А-выражения» и «В-выражения». Однако подобно грамматическому описанию, от которого оно частично зависит, оно дает описание, которое достаточно, чтобы гарантировать верность и авторитетного мнения Фреге, и предполагаемого Гичем следствия его собственного определения. А-выражение не вводит свой объект в типично утверждающем стиле, а В-выражение делает это. Ни одно выражение, которое не вводит свой объект в этом стиле, не может быть выражением, делающим это; и наоборот. Поэтому ни одно А-выражение не может быть В-выражением, и наоборот. И все же А-выражение может быть частью В-выражения. «Джон» есть А-выражение, а «выйти замуж за Джона» есть В-выражение, поскольку последнее вводит свой объект, а именно выход замуж за Джона, в утверждающем стиле.

Тем самым мы получаем два новых способа описания различия между А-выражениями и В-выражениями. Первый путь исключительно грамматический. Другой путь пытается пробиться сквозь грамматическое различие к его основанию. Ни

то ни другое описание не дают полностью адекватное описание этого различия. Однако оба порождают следствия, которые желательны для Гича и о которых заявляет Фреге. Эти способы проведения различия, таким образом, позволяют нам понять некоторые из положений, которые уже высказывались о позициях из списка II. Также верно, что они позволяют нам понять некоторые из положений, высказываемых Фреге о позициях списка IV. Мы только что разобрали, что A_2 никогда не может быть B_2 , и наоборот, и почему это так. На тех же основаниях Фреге настаивает на том, что A_4 никогда не может быть B_4 , и наоборот; что предмет никогда не может быть понятием, а понятие — предметом. Чтобы представить понятие как предмет, нам придется ввести понятие при помощи субстантивного выражения; однако Фреге хочет считать понятие чем-то таким, что, по существу, можно представить *только* посредством несубстантивного выражения, посредством выражения, которое вводит свой объект подобно глаголу в соединяющем, пропозициональном стиле. Отсюда парадокс, согласно которому «понятие *мудрый*» есть предмет, а не понятие¹. Всё это означает, что выражение «понятие *мудрый*» есть А-выражение, а не В-выражение, что то, что оно вводит, оно вводит не в утверждающем стиле. Приведенные соображения, по крайней мере, дают нам возможность понять фрегевскую теорию A_4 -х и B_4 -х только как предельно неудачный способ выражения различия между A_2 -ми и B_2 -ми.

Фреге характеризует различие между A_4 -ми и B_4 -ми при помощи метафоры. Объекты, говорит он, *завершены*, понятия *незавершены* или *ненасыщены*. «...Нельзя, чтобы все части мысли были завершены, но надо, чтобы по крайней мере одна из них была как-то ненасыщенна или, иначе говоря, предикативна, так как в противном случае они не будут связаны друг с другом»². О B_2 -х он говорит, что только потому, что их смысл

¹ Frege G. On Concept and Object. P. 45 (Русский перевод: Фреге Г. О понятии и предмете. С. 255).

² Ibid. P. 54. (Там же. С. 262).

ненасыщен, они способны исполнять роль связки. Рассел также использовал эту метафору, хотя он применял ее не так широко: он утверждал, что в суждении имеется одна составляющая, которая по своей природе является незавершенной или связующей, и удерживает вместе все составляющие. Рамсей оспаривает эту метафору, говоря, что не существует никаких причин, по которым одну часть суждения следует рассматривать как менее завершенную, чем другую: любая *часть* равным образом не способна быть целым. Однако теперь мы могли бы защитить эту метафору. Возвращаясь к пунктам списка II, можно сказать, во-первых, что выражение «[есть] мудрый» («курит»), по-видимому, более незавершенное, чем выражение «Сократ» («Рэлей»), именно потому, что оно в некотором смысле ближе к завершенности. Имя «Сократ» можно восполнить до *любого* вида высказывания, не обязательно суждения; однако выражение «[есть] мудрый» требует определенного вида восполнения, а именно восполнения до суждения или пропозициональной клаузы. Последнее выражение выглядит фрагментарным именно потому, что оно указывает на особый вид восполнения; первое выражение выглядит нефрагментарным именно потому, что оно не содержит в себе такого указания. То что верно для пунктов списка II, верно также, если мы следуем Фреге, для пунктов списка IV, поскольку различия в последнем списке параллельны различиям в первом.

Нравится нам эта метафора или нет, не имеет особого значения до тех пор, пока мы признаем ее базис. Однако полное отсутствие расположения к ней у Рамсея дает нам ключ, которым мы воспользуемся позже.

[4] Теперь проверим эти заключения, обратившись от рассмотрения взглядов Фреге и Гича к взглядам другого автора, У. В. Куайна, чьи воззрения в некоторых отношениях сходны с взглядами Фреге и Гича. Главное, что я хотел бы позаимствовать из рассмотрения взглядов Фреге и Гича, то, что оба автора проводят абсолютное разделение между двумя взаимоисключающими классами выражений, члены каждого из которых мо-

гут сочетаться с подходящими членами другого для того, чтобы породить утверждение. Члены обоих классов выражений похожим образом вводят объекты; однако элементы одного класса вводят их в порядке утверждения, а элементы другого класса не делают этого. Различение неязыковых объектов из списка IV только нечетко отражает это различие в стиле введения. Действительно важно то обстоятельство, что проведенное нами различие представляет собой различие между стилями введения объектов в рассмотрение. Оно ничего не говорит ни о каком различии *типов* или *категорий* объектов, *видов* предметов. Следовательно, оно ничего не говорит о различении между партикуляриями и универсалиями.

Проведенное Куайном различие, которое, по-видимому, в некоторой степени соответствует различению из списка II, предложенному этими авторами, есть, по существу, различие между единичными и общими терминами¹. Это соответствие неточное. Как примеры общих терминов Куайн приводит прилагательные типа «мудрый» и «человеческий» и общие имена существительные типа «человек» и «дом»; тогда как соответствующие В-выражения списка II были бы представлены такими оборотами, как «[есть] мудрый» и «[есть] дом». Более разительный аспект различия между взглядами Куайна и двух других авторов обнаруживается в том, что Куайн считает существ-

¹ *Quine W. v. O. Methods of Logic*, в особенности р. 203—208. Куайн использует выражение «термин» [term] в применении к языковым объектам, тогда как я применяю его к неязыковым объектам. Данное слово [term] всегда следует понимать вторым способом, за исключением тех случаев, когда я фактически говорю о теориях Куайна или использую его в контексте оборота «единичный термин». (В русском переводе принимается следующая стратегия: term в контексте рассуждений Стросона всегда переводится как *объект*, и только когда речь идет о построениях Куайна, передается словом «термин». Надо сказать, что второе — более привычный способ передачи английского слова term в русской философской литературе связанный, к примеру, с понятием термина в силлогистике, в литературе по символической логике для term часто дается калька «терм». См. также комментарий 5. — *Прим. ред.*)

венной характеристикой этого различия. Она такова: «Единичные термины способны занимать положения, свойственные квантифицированным переменным, а общие термины — нет». Однако, если посмотреть внимательнее, эти различия в подходах представляются не столь уж существенными.

Для начала заметим, что Куайн явным образом противопоставляет различия между видами предметов (неязыковых объектов) различению между единичными и общими терминами. Таким образом, существительные «благочестие» и «мудрость» являются единичными терминами — именами абстрактных предметов — точно так же, как существительные «Сократ» и «Земля» — именами конкретных предметов. Представляется, что различия типов предметов по существу не имеют дела с различениями между единичными и общими терминами. Это согласуется с тем положением, которое мы только что отмечали, о наших собственных интерпретациях определений из списка III, данных другими авторами. Однако Куайн продолжает: именно различие между единичными и общими терминами значительно более важно «с логической точки зрения». Его первоначальная характеристика этого значительно более важного различия, по правде говоря, представляется весьма туманной. Он говорит, что единичные термины подразумевают имя одного и только одного объекта, тогда как общие термины вообще не подразумевают никаких имен, хотя они могут «быть истинными о» каждой из многих вещей. Это очевидно неудовлетворительный способ объяснения классификации, согласно которой, например, слово «философ» является общим, а не единичным термином. И хотя, чтобы избежать дальнейших затруднений, нам не следует стремиться говорить, что слово «философ» подразумевало имя только одного объекта, то есть согласно этому объяснению нам не следует стремиться называть его единичным термином; также представляется, что с целью избежать дальнейших затруднений нам не следует стремиться говорить, что слово «философ» является истинным о каждой из многих вещей или о каждом из многих лиц, то есть согласно этому объяснению мы не должны стремиться назы-

вать его общим термином. Конечно, в принципе можно было бы понять высказывание, согласно которому слово «философ» истинно о каждой из многих вещей, однако нам, безусловно, следует понимать это как сокращенный способ говорить о чем-то еще. К примеру, истинно о каждой из многих вещей, например, о Сократе, что *он [есть] философ*. Поэтому скорее правильно относить истинность к тому, что *он [есть] философ*, чем говорить о *философе*, что он истинен о Сократе. Однако если нам разрешено таким образом дополнять слово «философ», чтобы оно соответствовало тому, что Куайн говорит об общих терминах, то непонятно, почему нам нельзя таким образом дополнять его, чтобы оно соответствовало тому, что он говорит о единичных терминах. Иначе говоря, мы встретились именно с тем случаем, в котором выражение «данный философ» может в подходящем контексте подразумевать или обозначать имя одного и только одного лица; и Куайн классифицировал бы «данный философ» как единичный термин.

Сам Куайн помогает нам выбраться из этих трудностей и показывает, что различие, которым он в действительности занимается, не столько касается различия между единичными терминами и выражениями, которые он приводит в качестве общих терминов, а различием между единичными терминами и выражениями, которые он называет «предикатами». Так, он заявляет: «Положение, занимаемое общими терминами, в логической грамматике вообще не играет никакой роли, поскольку мы уже обнаружили, что для логических целей достаточна характеристика предиката как единицы анализа»; так, «Сократ [есть] человек» приходится рассматривать как составленное из «Сократ» и «© [есть] человек», последнее есть неразложимая единица, в которой «человек» есть не что иное, как составляющий слог, сравнимый с «крат» в «Сократ»¹. Так мы снова возвращаемся на территорию нашего списка II в атмосферу Фреге — Гича — Рассела. У Куайна буква, заключенная в круг, в том числе (хотя и не только) обозначает «незавершен-

¹ Op. cit. P. 207.

ность» предикатного выражения, его потребность быть восполненным до суждения при помощи, например, добавления термина, вводящего имя существительное. Теперь привлекательность оборота «истинно о» становится действительно понятной; дело в том, что только суждения являются истинными и именно специфика предикатного выражения состоит в том, что оно вводит свои термины в пропозициональном стиле.

Что же с данной ранее характеристикой, опирающейся на квантификацию? Очевидно, нам не следует ожидать, что только «составляющие слоги» — или единичных терминов или предикатных выражений — «способны занимать положения, свойственные квантифицируемым переменным». Здесь необходимо подчеркнуть, что единичные термины имеют такую способность, тогда как *предикатные выражения* нет.

Однако как же следует понимать эту теорию? Существует ли более глубокая и существенная характеристика, чем та, что мы только что дали? Именно на нее, по-видимому, претендует Куайн. Или она, скорее, предполагает нашу и возникает только как следствие ее? Рассмотрим грамматический характер тех выражений обычного языка, о которых говорят, что они соответствуют кванторам и связанным переменным в логике. Таковы выражения «всё», «ничто» и (когда квантору существования предшествует знак отрицания) «ничто»; или «все», «некто», «никто»; или «Существует нечто, что ...», «Нет ничего, что ... не ...», «Нет никого, кто ...» и т. п. Все эти выражения в грамматическом отношении являются либо единичными именами существительными или завершаются единичными относительными местоимениями без сопровождающих клауз и, следовательно, с точки зрения их возможного восполнения до предложений имеют тот же самый характер как грамматически единичные существительные. Они, следовательно, не обладают признаками В-выражения и не могут грамматически правильно занимать те места в предложениях, которые могут занимать В-выражения. Тогда при условии, что дана грамматическая структура обычных кванторных оборотов, теория Куайна непосредственно следует из данной нами ранее характеристики

А- и В-выражений. Если же воспринимать теорию Куайна в чисто грамматическом ключе, то представляется, что она вообще ничего не добавляет к данной нами ранее характеристике и в действительности основывается на ней.

Можно было бы возразить, что это ложный ключ для восприятия теории Куайна. Нам, мол, следовало бы прежде всего думать не о грамматической структуре оборотов квантификации, а о видах значения, которым они обладают; и затем уже в свете этого понимания интерпретировать теорию, согласно которой субъектные выражения действительно имеют доступ к тем положениям в предложениях, которые заняты кванторными оборотами, а предикатные выражения — нет. Последовать этой рекомендации не так уж легко, но мы все же попытаемся. Можно предположить существование некоторого основного вида высказываний, таких, что каждое высказывание этого вида содержит два элемента, по одному из двух различных классов, А-класса и В-класса. Эти элементы таковы, что может существовать ряд высказываний, каждый член которого содержит один и тот же А-элемент и различные В-элементы, а также ряд высказываний, содержащих тот же самый В-элемент и различные А-элементы. Различие между В-элементами и А-элементами сводится к следующему. Можно сформировать идею высказывания, которое следует из любого члена ряда высказываний с постоянным В-элементом и изменяющимся А-элементом, хотя этот последний не следует из него, и которое само содержит тот же самый В-элемент, но не содержит ни одного А-элемента. В таком случае можно было бы говорить об А-элементах, которые уступают место переменным квантора существования в высказывании-следствии. Однако нельзя непротиворечиво сформировать соответствующую идею (сплошной замены «А» на «В» и «В» на «А») высказывания, следующего из любого члена ряда высказываний с тем же А-элементом и различными В-элементами.

Рассуждая таким образом, мы могли бы предпринять серьезную попытку проинтерпретировать теорию в рекомендованном ключе или хотя бы приступить к ней. Но разве такая ин-

терпретация привела бы к немедленному прояснению различия между А-выражениями и В-выражениями? Я уверен, что нет. Такая теория могла бы иметь место в завершении наших объяснений, но не в самом и их начале¹. Ничто не принуждает нас потерять из вида возможность такой интерпретации взглядов Куайна. Однако на некоторое время довольствуемся поверхностной грамматической интерпретацией и отметим только ее согласие с данным различием, как мы до сих пор понимали его.

[5] Когда я впервые провел различие между А-выражениями и В-выражениями откровенно грамматическим способом, я отмечал, что получающееся высказывание об условиях ни в коей мере не было адекватным. От А-выражения требовалось, например, чтобы оно было в грамматическом отношении субстантивным выражением в единственном числе, а этому описанию удовлетворяло слово «ничто». До некоторой степени пробелы откровенно грамматического способа проведения различий уже были неявным образом заполнены. От А-выражений так же, как и от В-выражений, требовалось, чтобы они вводили в рассмотрение объект; но не существует такого объекта, который бы вводился в рассмотрение при помощи «ничто». А что же с другими в грамматическом отношении субстантивами в единственном числе, выражающими квантификацию, такими, как «нечто» [something] и «всё» [everything]? Для целей дальнейшего обсуждения договоримся, что выражение не вводит объект в рассмотрение, если оно не имеет — как части его обычного способа употребления — цели отличия этого предмета от других, точного распознавания его. Я полагаю, что нет никаких сомнений в том, что это требование сходится с намерениями тех авторов, чьи взгляды мы только что обсудили: что Куайн, например, столкнувшись с двумя высказываниями обыденного языка, выраженных соответственно в следующих словах — «Питер ударил какого-то философа» и «Питер ударил этого философа», посчитал бы выражение «этот

¹ См. гл. 8, раздел [3].

философ» единичным термином; что Фреге подобным же образом применил бы или воздержался от применения знака «собственное имя». Итак, мы принимаем это ограничение. Очевидно, что оно исключает не только неопределенные описания типа «какой-то философ», но также только что упомянутые кванторные субстантивы. «Всё» ничего не выделяет, а «нечто» ничего не распознает.

Это ограничение также помогает исправить определенный недостаток грамматической характеристики В-выражений. Мы уже отмечали, что данное требование, примененное к некоторому В-выражению (а именно, что оно должно включать финитную форму глагола в изъявительном наклонении, которая не формировала бы в рамках В-выражения часть полного предложения или клаузы с введением конъюнкции), не полностью исключает «Сократ есть ...» из класса В-выражений. Общее требование и к А- и В-выражениям состоит в том, что выражение любого из этих видов должно быть способно производить повествовательное предложение в том случае, если оно сочетается с некоторым подходящим выражением другого вида. Это требование вместе с ограничением, наложенным в предыдущем абзаце, исключает «Сократ [есть] ...» во всех случаях, кроме тех, в которых оно приемлемо в любом случае. Так, хотя «Сократ [есть] ...» может быть дополнено до таких выражений, как Сократ [есть] мудрый» или «Сократ [есть] философ», ни «мудрый», ни «философ» не считаются А-выражениями. Оборот «тот философ, который учил Платона» действительно является А-выражением, а «Сократ есть ...» может быть дополнено до утверждения «Сократ [есть] тот философ, который учил Платона». Однако в этом предложении, в котором «есть» есть то же самое, что и «[есть] тождественно с», пожалуй, не возникает никаких возражений против того, чтобы считать «Сократ [есть] ...» В-выражением¹.

Данное различие, как оно имеет место, требует, чтобы любое выражение обоих видов — и А, и В — как целое вводи-

¹ См. главу 8, разд. [5].

ло бы в рассмотрение объект. Это требование может породить в случае В-выражений определенные возражения, а именно: относительно каких объектов нам следует говорить, что они вводятся такими выражениями, как «[есть] философ» или «[есть] философ, который учил Платона»? Говорить, что *бытие философом* или *бытие философом, который учил Платона*, являются такими объектами, было бы неуклюжим и неестественным способом выражения. Существует более чем один ответ на это возражение. Прежде всего, можно просто отрицать, что в этих выражениях содержится нечто неуклюжее или неестественное. Бытие философом, несомненно, есть нечто, о чем можно говорить и о чем действительно говорят; а бытие философом, который учил Платона, есть нечто, о чем мог бы говорить, по крайней мере, сам Сократ. Оба этих объекта определенно распознаются при помощи субстантивных выражений, которые я только что использовал и, следовательно, при помощи соответствующих В-выражений. Далее, даже если речь об объектах, введенных в рассмотрение при помощи В-выражений, в некоторых случаях является неуклюжей и неестественной, из этого непосредственно не следует, что она либо незаконна, либо бесполезна. Является ли она таковой или нет, может быть определено только путем исследования того, как она действительно употребляется. И наконец, может оказаться, что у нас нет никакой необходимости при дальнейшем изложении прибегать к каким-либо применениям терминологии «объектов», к которым могло бы быть приложимо данное выражение о натянутости или неестественности. Если, используя введенный аппарат, мы сможем установить объяснительные связи на некотором фундаментальном уровне, то мы сможем также прийти к пониманию того, при помощи каких аналогий и расширений обсуждаемое различие может протянуться с простых до более сложных уровней, на которых, возможно, используемый нами для простых случаев объяснительный аппарат может действительно выглядеть искусственно.

[6] Данное различие в его настоящем виде поддерживает скептицизм типа рамсеевского. Мы получили неясно выраженное противопоставление А-выражений, которые вводят в рассмотрение свои объекты в субстантивном стиле, и В-выражений, которые вводят в рассмотрение свои объекты в утверждающем стиле. Это противопоставление происходит из (и частично зависит от) хорошо знакомых грамматических классификаций, в частности классификации «субстантива», которую мы уже отдельно, правда достаточно кратко, разбирали за исключением того, что субстантив — именно та форма, которую мы естественным образом употребляем, когда мы хотим просто *перечислить* объекты. Теперь можно вполне оправданно спросить вместе с Рамсеем: каким образом такого рода различие могло бы иметь фундаментальное значение для логики и философии? Поскольку и А-выражения, и В-выражения вводят объекты, а различие их состоит только в том, что В-выражения содержат в себе еще и указание на утверждающую функцию, на связку суждения, то не подрываем ли мы всё различие в целом одним только тем, что изолируем связку суждения в предложении, не рассматривая ее как часть выражения, вводящего в рассмотрение объект. Разве нельзя вообразить простые предложения, в которых выражения, вводящие в рассмотрение объект, *только* вводят в рассмотрение объекты, не прибегая к какому-либо особенному стилю, и в которых синтаксические функции, в настоящее время выполняемые различиями в стиле введения в рассмотрение объектов, были бы переданы лингвистическим приспособлениям, отличным от выражений, вводящих в рассмотрение объекты? Рассуждая таким образом, мы воспроизводим замечание Рамсея о том, что достаточно только задать вопрос для того, чтобы поставить под сомнение допущение, «согласно которому если суждение состоит из двух терминов, соединенных связкой, то оба термина должны функционировать различным образом, один как субъект, другой как предикат». А когда мы размышляем далее о грамматических источниках этого различия, можно вспомнить другое замечание Рамсея: «Напомним себе о том, что за-

дача, решением которой мы занимаемся, это не только задача грамматики английского языка; мы не школьники, анализирующие предложения на подлежащее, сказуемое, дополнение и т. п.»¹

Через некоторое время мы поэкспериментируем с этим скептицизмом. Прежде чем перейти к этому, обратим внимание на другую сторону этой мысли. Рамсей в своем отрицании существования какого-либо фундаментального различия, которое проводится между субъектом и предикатом, предпринимает несомненно верный шаг, состоящий в переходе к заключению, согласно которому никакое фундаментальное различие партикулярии и универсалии не может *основываться* на различии субъекта и предиката — именно такое основание, по его мнению, как раз и имелось в виду в традиционной доктрине, согласно которой партикулярии, в отличие от универсалий, могут встречаться только как субъекты и никогда как предикаты. Однако, что если дело обстоит в точности наоборот? Действительно, было бы ошибкой пытаться *основывать* различие партикулярий и универсалий на различии субъекта и предиката. Также могло бы быть ошибкой считать, что различие субъекта и предиката можно объяснить независимо от различия партикулярий и универсалий. Правильный способ мышления об этом предмете мог бы, к примеру, следовать по такому направлению. Несомненно, существуют суждения простого вида, в которых конкретный объект и универсальный объект оба введены в рассмотрение и связаны утверждающим образом; основание различия субъекта и предиката лежит в различии типа или категории объектов, вводимых в рассмотрение в суждениях этого вида; это различие каким-то образом распространяется при помощи аналогии со случаями, не принадлежащими этому простому роду, и ассоциируется с грамматическими формами и различениями, которые затемняют его основание и порождают видимость тривиального довода, кото-

¹ Ramsey F. R. Universals. P. 116—117. (Русский перевод, с. 85. Перевод дается в нашей редакции. — Прим. ред.)

рый легко разоблачить. Если какое-либо направление мысли такого типа верно, то весь наш подход вводит нас в заблуждение, а может быть, и вообще ложен. Дело в том, что мы пытались — и представляется, что в этом мы следовали за нашими авторитетами, — прояснить различия списка II, не опираясь на различия между типами объектов. Мы говорили о различиях в стиле введения объектов в рассмотрение, а не о различиях между типами вводимых в рассмотрение объектов. Фрегевская противоположность между ненасыщенными и завершенными составляющими представлялась всего лишь метафорической вариацией различия между стилями введения в рассмотрение. А предположительно отличный от этого куайновский способ проверки на выражение логического субъекта, то есть заменяемость на квантор и переменную, оказался, в конце концов, покоящимся на различии имени существительного и глагола.

И все же представляется, что Куайн предлагает возможность более глубокой интерпретации; и вполне может быть, что во фрегевской метафоре больше содержания, чем мы до сих пор обнаружили. Хотя тот подход, которому мы до сих пор следовали, видимо, вполне согласуется с нашими авторитетами, все же не очевидно, что другой подход не согласовывался бы с ними. Нам всегда следует помнить ту мысль, что ключ к нашим проблемам, возможно, содержится не в чем-либо одном, но в более или менее сложном взаимодействии нескольких факторов.

[7] Прежде чем приступить к рассмотрению других возможных подходов, кратко остановимся на основаниях для скептицизма по поводу только что изложенного подхода. Мы возвратимся к той характеристике различия субъекта и предиката, которая обнаруживает, во-первых, подобие между субъектным выражением и предикатным выражением в том, что они оба вводят в рассмотрение объекты, и, во-вторых, существенное различие, связанное с тем фактом, что предикатное выражение, но не субъектное выражение, несет в себе симво-

лическую функцию, которая в основополагающих случаях отличает суждение от простого списка терминов. Вновь обращаясь к этой характеристике, мы снова сталкиваемся с тем скептицизмом, который она вызывает и который касается фундаментальной важности этого различия. При том предположении, что мы имеем дело с утверждениями, делимыми на две части, вводящими в рассмотрение объекты, разве должно иметь какое-либо значение, какая именно часть, вводящая в рассмотрение объект, несет в себе символическую функцию утверждения? Разве в любом случае одна часть имеет на это меньше прав, чем другая? Или почему в предложении роль индикатора суждения не могло бы играть что-либо внешнее по отношению к *любому* выражению, вводящему объекты? Таким образом, мы могли бы представить наше образцовое утверждение «Сократ [есть] мудрый», выписав только два выражения, по одному для введения в рассмотрение каждого объекта (например, выражения «Сократ» и «Мудрость»)¹, затем отличить результат от простого списка при помощи внешнего индикатора суждения, например, взять два субстантива в круглые скобки, то есть

(Сократ Мудрость).

До сих пор, по крайней мере, по видимости, у нас не было никаких проблем со способом записи; рассматриваемые типы объектов предохраняли нас от любой двусмысленности. Если же использовать преимущества последнего предположения, то обычную грамматическую технику превращения одного из выражений, вводящих в рассмотрение объект, в носителя пропо-

¹ Выражения, которые я здесь использую, конечно, в действительности являются именами существительными; однако на языке предложений таких, как только что упомянутые, мы могли бы и не проводить грамматические классификации на имена существительные, глаголы, прилагательные и т.п. *точно такие же*, как те, что нам хорошо знакомы.

зициональной связи можно, по-видимому, рассматривать только как некую альтернативную договоренность. В таком случае, если бы мы приняли правило, в соответствии с которым вместо иллюстрации факта наличия утверждения, а не простого списка или объединения, при помощи круглых скобок, выделяющих *оба* выражения, вводящие в рассмотрение объект, нам пришлось бы иллюстрировать этот факт, заключив в скобки только одно из них. В строгом соответствии с принятием этого правила мы могли бы, варьируя стили, рассмотреть возможность выбора между

(Сократ) Мудрость

и

Сократ (Мудрость),

в то время как

Сократ Мудрость

представляло бы собой простой список, а

(Сократ) (Мудрость)

нарушало бы правила грамматики. Многие из теорий, которые мы до сих пор рассматривали, можно было бы переформулировать как весьма очевидные истины: например, теорию, согласно которой заключенные в скобки выражения порождают утверждения, если они располагаются рядом с подходящим образом подобранными выражениями без скобок, или теорию, согласно которой ни одно выражение, заключенное в скобки, не встречалось как выражение без скобок, и наоборот (то есть ни одно субъектное выражение не встречалось как предикатное выражение и *vice versa*¹).

Однако что в таком случае будет с традиционной теорией, согласно которой ни одна партикулярия не может встречаться как предикат? *Prima facie*² эта теория выглядит теперь попыт-

¹ Наоборот (лат.). — Прим. ред.

² На первый взгляд (лат.). — Прим. ред.

кой принять совершенно произвольное соглашение. Как если бы некто, кто употреблял и соглашение о широких скобках, и соглашение об узких скобках, заявил бы: «Если используешь соглашение о скобках, всегда выписывай утверждение

(Сократ Мудрость)

в форме

Сократ (Мудрость)

и никогда в форме

(Сократ) Мудрость

и соблюдай похожие соглашения для всех выражений, вводящих в рассмотрение конкретные объекты; в общем случае символическую функцию утверждения никогда не следует присоединять к выражению, роль которого состоит только во введении в рассмотрение партикулярии». В таком случае это соглашение, которое само по себе произвольно, может приобрести престиж, если его соблюдать достаточно долгое время. Может показаться, что оно выступает частью порядка вещей и даже выражает глубокую истину или является необходимым. Таким образом, людям начитает казаться, что писать «(Сократ) Мудрость» совершенно бессмысленно, поскольку может показаться, что выражение, вводящее в рассмотрение конкретный объект, уже само по себе не может быть заключено в скобки, указывающие на функцию утверждения.

Важно отметить ограничения такой скептической линии рассуждений. Оно показывает, самое большее, что *если* мы мыслим различие субъекта и предиката определенным образом и *если* мы ограничиваемся очень простым видом утверждения, *то* — при этих двух условиях — теория, согласно которой партикулярия никогда не может встречаться как предикат, по-видимому, не допускает разумного объяснения и выражает произвольный предрассудок. Это рассуждение не доказывает, что теория будет продолжать выглядеть подобным образом, если какое-либо из этих условий не выполняется: если мы, например, станем представлять различие субъекта и предика-

ката иным образом или если мы, сохраняя тот же способ представления, будем рассматривать более сложные случаи утверждения. И все же полезно на какое-то время остаться в пределах этой ограниченной точки зрения. Она, по крайней мере, показывает, что разумные основания этой традиционной теории, если таковые имеются, нам следует искать за пределами этих ограничений. Трактовки различия субъекта и предиката теми авторами, концепции которых мы до сих пор разбирали, еще не позволяли нам уяснить необходимость такого поиска.

Процедура, которой я до сих пор придерживался, может вызвать возражение, которое следует упомянуть прямо сейчас. Возражение это состоит в том, что при попытке, так сказать, аннулировать различия между сходными с именами существительными и сходными с глаголами частями простого высказывания при помощи отделения функции указания на утверждение от функции введения в рассмотрение объекта в схожей с глаголом части, я проигнорировал другую важную функцию схожей с глаголом части, а именно функцию, к которой особое внимание привлек Аристотель, функцию указания на время путем изменения грамматического времени. Ответ на это возражение состоит в том, что в нем опять же не содержится ничего такого, что вынуждало бы нас установить связь этой функции с конкретным рядом выражений, вводящих в рассмотрение объект. Мы только что видели, что теоретически возможно отделить функцию утверждения от изменений в грамматическом стиле выражения, вводящего в рассмотрение объект, и придать ей специальную символику; и что тогда, если мы хотим этого, можно произвольно определить новые связи, скорее, с частью, чем с целым данного утверждения, как в том случае, когда мы совершаем переход от символики парных скобок вокруг всего предложения к соглашению о коротких скобках. То же верно и для указания на время. Стрелку, расположенную над всем предложением и указывающую налево, можно было бы использовать для указания на обозначение прошлого, стрелку, указывающую направо,— для указания на обозначение будущего времени, а отсутствие стрелки — на

обозначение настоящего времени. Таким образом, для «Сократ был мудрым» должно получиться

←
(Сократ Мудрость)

Как и прежде, принятие соглашения о коротких стрелках породило бы альтернативные варианты

← (Сократ Мудрость) и (Сократ Мудрость) ←

и эту гибкость символики можно было бы использовать, чтобы указать на определенного рода различие, которое в обычном письменном языке иногда проходит незамеченным, хотя при желании можно говорить о существовании различных способов указания на это различие. Дело в том, что в соответствии с положением вещей мы *могли бы* сказать «Сократ был мудрым» как в случае, когда Сократу случалось быть мудрым, но теперь он больше не мудр, так и в случае, когда Сократ не перестал быть мудрым, но перестал быть вообще. Можно представить, что

←
(Сократ Мудрость)

больше подходит к первому случаю, а

←
(Сократ Мудрость)

ко второму¹. Следует признать, что если мы будем систематически пользоваться в этом ключе преимуществами гибкости символики в рамках соглашения о коротких стрелках, то, без сомнения, нам придется чаще приписывать короткие стрелки

¹ Стоит отметить и ту возможную естественную экономию, которая получается в результате замены скобок, указывающих на утверждение, *линиями*, то есть комбинацией индикаторов утверждения с индикаторами времени.

выражениям, вводящим в рассмотрение универсальный объект, чем выражениям, которые вводят конкретные объекты в утверждения рассматриваемого вида; дело в том, что в общем случае значительно больше можно сказать о событиях, в которых участвуют конкретные лица или объекты, или об их краткосрочных состояниях и условиях, чем об их постоянных характеристиках. Если вспомнить, что целью нашего правила был полный запрет установления связи с индикаторами времени *либо* в случае выражений, просто вводящих в рассмотрение партикулярии, *либо* в случае выражений, просто вводящих в рассмотрение универсалии, то только что упомянутый факт мог бы составить основание для применения этого запрета именно к терминам, вводящим в рассмотрение партикулярии. Однако очевидно, этот факт сам по себе не составляет прочного основания для установления такого запретительного правила.

Конечно, приведенные замечания не предназначались для внесения вклада в изучение различий грамматических времен и их функций. Они предназначались только для того, чтобы указать один из способов, при помощи которого можно было бы ответить на возражения по поводу предложенной мною процедуры. Существует много других способов ответить на выдвинутые возражения. Приходится признать, что выражения из списка II, названные В-выражениями, на деле часто оказываются и индикаторами времени, и индикаторами утверждения. Однако, представляется, что ни вместе, ни по отдельности эти факты не дают непосредственно убедительного основания для признания фундаментальности или существенности этого различия для какой-либо символики утверждения. Обе функции, по-видимому, могут осуществляться независимо от любого различия выражений, вводящих объекты в рассмотрение. Вследствие этого, представляется, что эти факты не составляют твердого основания для традиционной близости между различием партикулярий и универсалий, с одной стороны, и различием субъекта и предиката — с другой.

Теперь пора рассмотреть другой подход к различению субъекта и предиката. Изложив тот вариант различения, кото-

рый не принимает во внимание различия типа или категории объектов, нам следует перейти к изложению варианта различения, который непосредственно основывается на такого рода различии.

2. Категориальный критерий

[8] Любой объект, конкретный или универсальный, должен иметь способность вступать в связь утверждения с некоторым другим объектом или объектами таким образом, чтобы породить значимый результат — суждение. Объект можно представить как правило сбора других объектов. Можно сказать, что он *собирает* именно такие объекты, которые, когда он вступает в связь утверждения с любым из них, порождают не только осмысленное, но и также и истинное суждение. Удобно было бы иметь имена для различных видов связи утверждения, частично основанных на различиях типов или категорий объектов, а частично — на различиях в цели или контексте утверждения, и такие имена действительно имеются. Так, о говорящем можно сказать, что он *характеризует* предмет как такой-то и такой-то, или *приводит пример* чего-либо как так-то и так-то, или *приписывает* что-то чему-то еще. В соответствии с некоторыми из этих имен различных видов утверждающей связи, у нас имеются имена различных видов утверждаемой связи. Так, мы употребляем такие формы как «... есть пример ...», «... характеризуется при помощи ...», «... вступает в отношение ... к ...». Я буду прибегать к некоторым из этих выражений, употребляя их как имена различных видов утверждаемой связи, когда затрагиваемые различия являются всего лишь различиями в типах связываемых объектов и не имеют ничего общего с контекстом или целью утверждения. Важно заметить, что нам не следует мыслить эти дву- или трехместные выражения как сами имена объектов определенного вида, а именно отношений. Здесь можно использовать нечто вроде аргумента Брэдли против реальности отношений, но по существу не для того, чтобы показать, что отношения не реальны, но для того,

чтобы показать, что такие связи между такого рода объектами, которые можно использовать для утверждения, не следует понимать как обычные отношения. Будем говорить о них как о безотносительных связях¹.

Безотносительные связи могут соединять партикулярии с универсалиями; универсалии с универсалиями и партикулярии с партикуляриями. Среди тех универсалий, которые применяются к партикуляриям или собирают их, проведем первоначальное различие между двумя их типами, а следовательно, и между двумя видами безотносительной связи, которая соединяет партикулярии и универсалии. Это — различие между *видовыми* и *характеризующими* универсалиями, а значит также между *видовой*, или *вводящей примеры*, связью и *характеризующей* связью. Видовая универсалия добавляет принцип для различения и исчисления индивидуальных партикулярий, которые она объединяет. Она не предполагает никакого предшествующего принципа или метода для индивидуализации партикулярий, которые она объединяет. С другой стороны, характеризующие универсалии, поскольку они добавляют принципы группировки и даже исчисления партикулярий, добавляют такие принципы только для партикулярий уже выделенных или вообще выделяемых, в соответствии с некоторым предшествующим принципом или методом. Весьма приблизительно и с определенными ограничениями можно сказать, что некоторые общие имена партикулярий вводят в рассмотрение видовые универсалии, тогда как глаголы и прилагательные, применимые к партикуляриям, вводят в рассмотрение характеризующие универсалии. Все же не только характеризующие универсалии обладают способностью добавлять принципы группировки партикулярий, заранее выделяемых в соответствии с некоторым принципом или методом. Этой способностью они об-

¹ См. с. 199 и далее. Существует много различий между безотносительными связями и настоящими отношениями, кроме тех, которые я только что наметил. Безотносительные связи, например, требуют от объектов, которые они соединяют, некоторой степени разнородности типов, большей, чем допускается обычно отношениями.

ладают наряду с самими партикуляриями. Таким образом, точно так же, как среди партикулярий, уже выделенных как исторические изречения или пойманные мячи в крикете, мы можем и далее собирать в одну группу те из них, которые являются мудрыми изречениями или трудными мячами, а среди этих партикулярий мы можем далее группировать те, которые являются изречениями Сократа или мячами, пойманными Каром¹. Сократ так же, как и мудрость, может служить принципом группировки партикулярий, уже выделенных как таковые в соответствии с некоторым другим принципом или методом. В соответствии с этим я зарезервирую право говорить о безотносительных связях между партикуляриями и партикуляриями; этот вид связей в память о Куке Уилсоне² я назову «атрибутивной связью». (Конечно, партикулярии, связанные атрибутивной связью, будут отличаться друг от друга по типу.) В общем случае всякий раз, когда партикулярия связана с универсалией характеризующей связью, можно сформировать идею другой партикулярии, связанной с первой атрибутивной связью; так, характеризующей связи между Сократом и универсалией *умиранием*, будет соответствовать атрибутивная связь между Сократом и партикулярией, его смертью³.

¹ Кар Артур Уильям (1893—1963) — английский игрок в крикет (бэтсмен). — *Прим. ред.*

² Кук Уилсон Джон (1849—1915) — английский логик и философ. — *Прим. ред.*

³ Мы чаще употребляем некоторые из таких идей о партикуляриях, которые можно формировать таким образом, чем другие идеи партикулярий. В общем случае мы, пожалуй, чаще всего употребляем сформированные таким образом идеи конкретных событий и не так часто употребляем идеи конкретных условий или состояний, и почти не употребляем идеи партикулярий, которые являются просто частными случаями качеств или свойств. Однако мы действительно проносим такие фразы, как «Его ярость быстро остывала»; «Его простуда сильнее, чем ее» и даже «Мудрость Сократа сохранена для нас Платоном». Без сомнения, некоторые философы слишком вознесли категорию партикуляризованных качеств. Однако уже поэтому нам не следует отрицать сам факт их существования.

Теперь сравним способы, при помощи которых объекты могут соединяться друг с другом при помощи этих трех видов связи.

(1) Одна и та же партикулярия может быть соединена видовой или вводящей пример связью с некоторым числом различных видовых универсалий: так, Фидо представляет собой собаку, животное, терьера. В общем случае универсалии, с которыми одна и та же партикулярия связана видовыми отношениями, будут иметь характеристическое отношение друг к другу, которое иногда описывается как отношение под- или соподчинения. Вместе с тем, одна и та же видовая универсалия может быть связана как со своими примерами с некоторым числом различных партикулярий: Фидо, Коко и Ровер — все являются собаками. Такие партикулярии будут иметь общее или видовое сходство друг с другом. Можно сказать, что хотя одна партикулярия может объединять несколько универсалий при помощи связи как с их примером, а одна универсалия может объединять много партикулярий при помощи связи с ними как с ее примерами, принцип объединения в каждом случае имеет совершенно различную природу. Можно обозначить это различие, употребляя наряду с симметричной формой « x связан как пример с y » (где обе x и y могут быть одновременно либо партикуляриями, либо универсалиями), также ассиметричную форму « x является примером y » (где x должна быть партикулярией, а y — универсалией).

(2) Одна и та же партикулярия может быть связана характеризующей связью со многими характеризующими универсалиями: так, Сократ [есть] мудрый, [есть] страстный, [есть] проныцательный, борется, беседует, умирает. И та же самая характеризующая универсалия может быть связана характеризующей связью с многими различными партикуляриями: Сократ, Платон, Аристотель — все [суть] мудрые, все умирают. И опять же здесь одна партикулярия объединяет в различных случаях много универсалий. А одна универсалия в разных случаях — много партикулярий. И снова принцип объединения

различен в каждом случае. Принцип, основываясь на котором одна партикулярия в разных случаях объединяет различные характеризующие универсалии, обеспечивается постоянством партикулярии, в котором обычно выделяется общий, хотя и не универсальный, фактор, на который обычно туманно ссылаются как на пространственно-временную непрерывность. Этот принцип, при помощи которого одна характеризующая универсалия объединяет различные партикулярии в то же самое или другое время, включает определенное характеристическое сходство между этими партикуляриями в данное время. Мы можем обозначить это различие, добавив к симметричной фразе « x связан характеризующей связью с y » асимметричную фразу « x характеризуется при помощи y » (где x должен быть партикулярией, а y — универсалией).

(3) Когда мы подходим к рассмотрению атрибутивной связи, то встречаемся с другого рода ситуацией. Данная партикулярия, скажем, Сократ может объединять при помощи характеристической связи огромное число характеризующих универсалий; соответственно, она может собирать при помощи атрибутивной связи огромное число партикулярий. Так, Сократ объединяет при помощи характеризующей связи *улыбчивость* и *речистость*, и, соответственно, при помощи атрибутивной связи — конкретную улыбку и конкретную речь. Однако в то время как универсалии — улыбчивость и речистость — могут объединять при помощи характеризующей связи любое число партикулярий того же рода, что и Сократ, конкретная улыбка и конкретная речь не могут при помощи атрибутивной связи собирать любые другие партикулярии того же рода, что и Сократ. Попытаемся выразить эту черту атрибутивных связей, введя в оборот понятия зависимого и независимого членов такой связи: независимый член может в общем случае объединять много партикулярий, подобных зависимому члену, но зависимый член не может собирать любые другие партикулярии, подобные независимому члену. Вдобавок к симметричной форме « x атрибутивно связан с y » можно использовать асимметричную

форму «у является атрибутом х» (где у должен быть зависимым членом)¹.

[9] Целью этого обсуждения различных видов безотносительных связей была подготовка почвы для установления другого критерия различения субъекта и предиката. Существует очевидное сходство между теми способами, при помощи которых видовые и характеризующие универсалии соответственно собирают партикулярии, которые они собирают. Это сходство не распространяется на те способы, при помощи которых партикулярии собирают универсалии посредством связей-примеров или характеризующих связей; не распространяются оно и на те способы, при помощи которых партикулярии собирают другие партикулярии посредством атрибутивной связи. На основании этих сходств и несходств предположим, что мы принимаем следующее правило: первоначальный смысл «у предсказывается х» есть не что иное, как «о х утверждается, что она безотносительно связана с у или как пример у, или как характеризующая у». С точки зрения тех смыслов, которые мы придали

¹ Существуют некоторые партикулярии, являющиеся независимыми членами всех атрибутивных связей, в которые они входят. Проще говоря, их можно назвать независимыми партикуляриями. Аристотель, по-видимому, думал, что только независимые партикулярии (какого-либо полностью известного вида) действительно являются субстанциями, подобно лошадям и людям. Однако, похоже, нет оснований отрицать тот факт, что некоторые феномены или явления менее субстанциональные, чем упомянутые, могут принадлежать к роду независимых партикулярий. Очевидно, могут встречаться и пограничные случаи, то есть случаи, в которых приходится сомневаться, говорить ли, что одна партикулярия зависимым образом приписывается как атрибут другой партикулярии, или говорить, что она по существу (например, причинно) относится к другой. Однако, кажется, что не так уж легко отодвинуть границу настолько далеко в сторону достаточно субстанциальной партикулярии, как этого хотелось бы Аристотелю; разве что если мы усилим нынешнее понятие независимой партикулярии при помощи дальнейших критериев такого типа, как использованные в части I настоящей книги способы проверки на статус базисной партикулярии.

выражениям «есть пример» и «характеризуется посредством», это равносильно правилу, согласно которому можно предцировать универсалии партикуляриям, но не партикулярии — универсалиям. Следующим шагом будет расширение смысла «у предцируется х» при сохранении аналогий, на которых основывался первоначальный смысл. Таким образом, чтобы разрешить предцирование универсалий универсалиям, нам следует показать, что существуют безотносительные связи между универсалиями и универсалиями, аналогичные характеризующим или видовым связям между универсалиями и партикуляриями. И конечно, такие аналогии находятся с легкостью. разве представление разных видов как видов одного рода не схоже с представлением различных партикулярий как экземпляров одного вида? К тому же связь между различными музыкальными композициями, которые сами являются не партикуляриями, а типами, и их общей формой, например, сонатой или симфонией, аналогична видовой связи между партикулярией и универсалией. Далее, представление о различных оттенках и цветах как ярких или мрачных, представление о различных человеческих качествах как о привлекательных или непривлекательных, аналогично представлению различных партикулярий как характеризующих таким-то и таким-то образом. Во всех этих случаях мы представляем универсалии, собирающими другие универсалии способами аналогичными тем способам, при помощи которых универсалии собирают те партикулярии, которые являются их примерами или характеризуются ими. Однако мы не можем представлять партикулярии, собирающими *или* универсалии, *или* другие партикулярии способами полностью аналогичными только что рассмотренным. Требуется еще немного расширить смысл «у предцируется х», чтобы допустить теорию, согласно которой партикулярии, хотя и не предцируются обычным способом, могут быть частью, того, что предцируется. Проще всего это можно обеспечить при помощи небольшой модификации правил для «есть пример» и «характеризуется посредством». За рассмотренными нами оборотами «есть пример» и «характеризуется посредством» в пра-

вильном порядке следуют, соответственно, наименование видовой универсалии и наименование характеризующей универсалии. Вот мы и установим, что поскольку правильные последователи этих оборотов имеют место, постольку принципы группировки, которые они вводят в рассмотрение, можно далее произвольно модифицировать без ущерба для уместности «есть пример» или «характеризуется посредством». Так, одна партикулярия может быть примером не только улыбки, но также и улыбки Сократа, а другую можно охарактеризовать не только при помощи быть замужем, но и быть замужем за Джоном. Поэтому Сократ и Джон могут быть частью того, что предизируется, хотя сами и не могут предизироваться.

Таким образом, заложив в фундамент случай, когда у предизируется x , тот случай, когда о x (партикулярии) утверждается, что либо она является примером, либо характеризуется посредством, y (универсалии) и переходя отсюда к рассмотрению других случаев при помощи аналогии или распространения можно построить смысл «предизировать», для которого верно, что можно и свободно предизировать универсалии, и предизировать им (как субъектам) другие объекты, тогда как партикулярии никогда нельзя свободно предизировать, хотя им (как субъектам) можно предизировать объекты и они могут быть частями того, что предизируется.

Эта процедура в таком случае дает нам второй или «категориальный» критерий для различения субъекта и предиката. При разработке первого или «грамматического» критерия я не использовал каких-либо различий между типами объектов, но исключительно концентрировался на присутствии или отсутствии символов суждения, то есть пропозиционального стиля введения объектов в рассмотрение. При разработке категориального критерия, с другой стороны, я не ссылаюсь на место символов утверждения, но устанавливаю этот критерий исключительно на основе различения типов объектов. Следовательно, по всей видимости, оба критерия независимы друг от друга. Теперь надо исследовать, насколько далеко простирается на практике соответствие между тем, что предизируется в

смысле первого критерия, и тем, что предикцируется в смысле второго критерия; а затем постараться объяснить степень соответствия, которую мы обнаружим. Если мы сможем и обнаружить, и объяснить соответствие, мы найдем объяснения традиционной теории.

3. Расхождения и сходства между этими критериями

[10] Достаточно очевидно, что данное соответствие между грамматическим и категориальным требованиями к предикату в общем случае имеет место. И все же поучительнее рассматривать определенные частные случаи, в которых намечается расхождение между этими требованиями и в которых обнаруживается довольно примечательное языковое разрешение этих расхождений. К этим случаям мы будем подходить постепенно, обратившись сначала к тем, в которых такое расхождение отсутствует.

Среди языковых форм, характерных для грамматически предикативных выражений, различаются следующие: изъявительная форма глагола; прилагательное, следующее за изъявительной формой глагола «быть»; существительное¹, которое следует за изъявительной формой глагола «быть». Так получаются «Сократ смеется», «Сократ [есть] мудрый», «Сократ [есть] философ». В каждом из этих примеров предикцируемая универсалия вводится в рассмотрение при помощи одной из приведенных характерных языковых форм. И категориальный способ проверки, и грамматический способ проверки на право быть предикатом дают здесь одинаковый ответ. В той мере, в какой два эти способа проверки всегда дают одинаковый ответ, мы вправе ожидать, что появление собственных имен партикулярий ни в коем случае недопустимо ни в одной из этих простых форм. На практике, конечно, мы обнаруживаем, что такие

¹ В английском языке это — существительное, перед которым стоит неопределенный артикль. — *Прим. ред.*

имена партикулярных довольно свободно приобретают форму прилагательных, которые могут следовать за глаголом «быть»: например, «[есть] английский, викторианский, наполеоновский, американский, расселовский, христианский. аристотелевский» и т. п.; они совершенно свободно допускают употребление как существительные после глагола «быть»¹: например, «[есть] сущий Гитлер, Квислинг²» и т. п., они даже иногда допускают глагольную форму: например, можно в шутку сказать о философе, что он в значительной мере платонизирует. Однако эти случаи не представляют особых трудностей для того, кто хотел бы настаивать на соответствии между категориальными и грамматическими требованиями для предикатов. Предположим, что «N» представляет собой подходящее собственное имя партикулярности. Тогда в общем случае маловероятно, чтобы мы использовали формы «x [есть] N-ский (N-анский)», «x [есть] сущий N», «x N-изирует», чтобы утверждать безотносительную связь между x и N. То что в таких случаях грамматическое предикатное выражение вводит в рассмотрение и в порядке утверждения связывает с x, ни в коем случае не является просто партикулярией N, но или характеризующую, или видовую универсалию, которой партикулярность по историческим основаниям дала свое имя (например, *быть наполеоновским*), либо одно из тех соединений относительной универсалии и партикулярности, которую расширенный категориальный критерий позволяет нам использовать в качестве предиката (например, в некоторых контекстах «быть американским» равносильно «быть произведенным в Америке», а «быть британским» значит «быть подданным монарха Великобритании»).

Здесь речь идет о том, что язык разрешает свободно употреблять собственные имена партикулярных в простых грамматически предикативных формах именно в тех случаях, когда употребление этих форм не влечет за собой соблазна говорить,

¹ В английском языке еще и после неопределенного артикля. — *Прим. ред.*

² По-английски, “is a Hitler”, “is a Quisling”. — *Прим. ред.*

что мы предиклируем партикулярию, а именно в тех случаях, когда можно сказать, что объект, введенный в рассмотрение грамматически предикативным выражением, есть универсалия или универсалия-с-партикулярией. Если же будут возражать против использования здесь слова «универсалия», можно вместо этого сказать: принцип сбора, предоставляемый в таком случае, например, Наполеоном есть принцип схожести, свойственный как раз универсалиям, а не принцип, основывающийся на постоянстве партикулярии. Безотносительная связь, утверждаемая при помощи «Этот жест был наполеоновским» — это скорее характеризующая, чем атрибутивная, связь: предметы, о которых утверждается, что они соединены этой связью, не есть жест и Наполеон, но жест и принцип сбора при помощи схожести, свойственный Наполеону. В общем случае мы готовы использовать такие предикатные формы, как «[есть] наполеоновский», только тогда, когда Наполеона можно рассматривать как связанного с принципом сбора, по крайней мере, аналогичным принципу, доставляемому универсалиями. Таким образом, аналогия, на которой построено наше категориальное понятие предикации, сохраняется.

Однако теперь сравним случаи, в которых мы готовы использовать такие формы, со случаями, в которых мы решительно не готовы использовать их. Сначала рассмотрим пару предложений Рамсея:

- (1) Сократ [есть] мудрый.
- (2) Мудрость есть характеристика Сократа.

Первым делом следует заметить, что, начиная с существительного «мудрость» с целью сказать то же самое, что и (1), мы не прибегаем к «[есть] сократовский» или «сократизирует», но обращаемся вместо этого к чему-то подобному (2). В таком случае и категориальный, и грамматический способы проверки сходным образом требуют от нас говорить об (1), что мудрость предиклируется Сократу, субъекту предикации. Категориальный способ проверки, по-видимому, требует от нас говорить то

же самое и о (2). Дело в том, что оба предложения утверждают характеризующую связь, соединяющую партикулярию — Сократа — и универсалию — мудрость. Однако грамматический способ проверки не требует от нас говорить то же самое о (2). Тем не менее язык предохраняет нас и от того, чтобы в соответствии с этим способом проверки говорить *обратное* (то есть что Сократ предикруется мудрости) при помощи введения в рассмотрение поддельной универсалии *быть характеристикой (чего-либо)*. Если принять этот факт в его буквальном значении, то можно на основании грамматического способа проверки приобрести иммунитет против манеры речи, согласно которой Сократ предикруется мудрости, и говорить вместо этого, что предикруемое мудрости есть соединение универсалии и партикулярии, а именно *быть характеристикой Сократа*. Здесь обнаруживается, так сказать, стремление сохранить грамматическое место предиката для предикруемого в соответствии с категориальным критерием даже за счет фальсификации универсалии с целью сохранить видимость. Дело в том, что общие грамматические требования к глаголоподобным плюс субстантивным элементам были бы удовлетворены, если бы мы записали (2) в форме «Мудрость [есть] сократовская (сократизирует)», которая, поскольку здесь не внедряется никакой поддельной универсалии, требовала бы от нас согласно грамматическому критерию говорить, что Сократ предикруется, и, таким образом, приводила бы к открытому столкновению между грамматическим и категориальным критерием.

Почему для того, чтобы избежать открытого столкновения, я говорю именно о *поддельной* универсалии? Предвосхищение ответа содержалось в предшествующем разделе. Оно становится вполне очевидным, если мы спросим, почему мы не настаиваем подобным же образом на

Сократ [есть] характеризуемый мудростью
вместо

Сократ [есть] мудрый.

Любое такое намерение вызывает возражения. Необходимой чертой любого объекта — партикулярии или универсалии или партикулярии-с-универсалией, — является именно то, что он способен входить в безотносительную связь с (некоторыми) другими объектами, а любое суждение субъектно-предикатной формы представляет собой утверждение безотносительной связи между объектами. Если присоединить к некоему объекту или части объекта данную связь, то придется признать, что суждение утверждает безотносительную связь между данным новым объектом, например *Сократ*, и *быть характеризующим мудростью*. Однако если мы *настаиваем* на таком присоединении на первом шаге, то почему бы не сделать это и на втором, например, «Сократ [есть] характеризующий тем, что [есть] характеризующее мудростью»? и так далее. На каком-то шаге нам придется остановиться, если мы намерены получить суждение. Зачем же тогда настаивать на начале этого движения?

Однако разве не вызывает таких же возражений использование (2) как альтернативы «Мудрость сократизирует»? Эти возражения имели бы место, если бы мы обесценили основание, мотив предпочтения (2). Но мы не можем сделать это — вопрос об оправдании или объяснении стремления сохранять видимость все же *sub iudice*¹. Кроме того, у нас есть и другой, допускаемый грамматическим критерием, способ посмотреть на дело. Можно понимать «Мудрость [есть] характеристика [кого-либо]» как выражение предиката, а «Сократ» как выражение субъекта, и рассматривать целое предложение не как упрямо продвигаемую альтернативу «Мудрость сократизирует», но как допустимую переформулировку «Сократ [есть] мудр». Однако если мы делаем такой выбор, то должно быть ясно, что другой способ анализа, который предоставляет в наше распоряжение грамматический критерий (а именно субъект: «Мудрость»; предикат: «[есть] характеристика Сократа»), более вообще не допускается как возможная альтернатива. Иначе говоря, вопреки грамматике следует проститься со стремлени-

¹ Еще не решено (лат.). — *Прим. ред.*

ем так сформировать это суждение, чтобы мудрость встречалась в ней.

Тогда, имея дело с (2), мы либо должны брать грамматический критерий в его буквальном значении, то есть назвать «мудрость» выражением-субъектом и затем отметить, что с целью придерживаться категориального критерия приходится фабриковать поддельную универсалию *быть характеристикой (чего-либо)*; или можно продолжать действовать, не прибегая к подделкам, но тогда нам придется усилить сам грамматический критерий при помощи категориального критерия и говорить вопреки очевидности, что такой анализ (2), который придает «мудрости» статус выражения-субъекта, вообще недопустим.

[11] Теперь рассмотрим другое множество случаев, в некоторых отношениях аналогичных уже рассмотренным, а в некоторых отношениях — более сложных. Иногда, если нас спрашивают, какой из видов безотносительной связи, которые я выделил, действительно утверждался суждением, естественный ответ был бы — атрибутивная связь. Но этот ответ, по видимому, порождает определенные трудности. Дело в том, что атрибутивная связь присоединяет только партикулярии к партикуляриям. Таким образом, представляется, что при утверждении атрибутивных связей предикат либо вообще отсутствует, либо его роль играет партикулярия. Однако та идея, согласно которой предикат вообще отсутствует, не согласуется с грамматическими требованиями, а та идея, согласно которой партикулярия играет роль предиката, не согласуется с категориальными требованиями. Как же эта ситуация разрешается в языке? Следует помнить, что мы занимаемся теми утверждениями, в которых утверждается, что одна партикулярия атрибутивно связана с другой, в которых, как мы иногда действительно говорим, одна партикулярия приписывается другой в качестве атрибута.

Приведем следующие примеры предложений этого рода:

Удар, который ослепил Джона, *был нанесен* Питером.
Мяч, который выбил из игры Комптона, *был пойман* Каром¹.

Партикуляриями, о которых утверждается, что они вступают в атрибутивную связь, являются удар и Питер в одном случае и пойманный мяч и Кар — в другом. А видимость на этот раз сохраняется при помощи обеспечения связи между конкретным действием и конкретным субъектом действия в рамках квазиотносительной универсалии. Общая схема таких предложений приблизительно такова:

Конкретное действие — совершается/исполняется/делается — конкретным субъектом действия.

Легко увидеть, что предполагаемая относительная универсалия как раз и не является таковой, то есть не является настоящим объектом. Нельзя, например, сформировать еще один объект, сочетая конкретное действие с квазиуниверсалией. Субъект действия и его действие представляют собой две различные партикулярии; однако его действие и его совершение этого действия не являются двумя различными партикуляриями. Как и прежде, если мы только ради этого настаиваем на преобразовании связи в объект на одном шаге, то почему не делать этого и на другом, то есть почему не настаивать на переходе к «Совершение действия — исполняется — субъектом действия» и т. п.?

Может показаться, что так же, как и раньше, нам открывается и другой угол зрения на эти предложения. Должны ли мы смотреть на них, как на поставляющие поддельные универсалии для поддержания видимости согласия между грамматическими требованиями и категориальными требованиями к предикату? Не можем ли мы рассматривать их как допустимые перифразы предложений, которые не порождают такого рода

¹ Иногда в таких конструкциях используется родительный падеж, например, «Удар был Питера», «Мяч был Кара».

проблем, то есть предложений, которые обычно вообще не рассматриваются как утверждения атрибутивных связей? В некоторых простых случаях этот выбор очевидно возможен: например, «Он совершил свой побег» просто иносказательный способ выражения «Он убежал». Также верно, что имеются предложения, которые в некотором широком смысле являются вариантами наших проблемных предложений. Так, можно сказать: «Комптон был оставлен вне игры Каром», и «Джон был ослеплен, будучи ударен Питером».

Однако действительно ли эти предложения исполняют те же функции, что и проблемные предложения? Можно произнести их так, чтобы они это делали, если сделать ударение на «Кар» в одном предложении и на «Питер» — в другом. Дело в том, что грамматическая структура проблемного предложения соответствует тем случаям, в которых соответствующие утверждения содержат в себе некоторые пресуппозиции: что был пойманный мяч, который оставил вне игры Комптона, удар, который ослепил Джона. Структура предложений-вариантов не вполне соответствует этим случаям, хотя влияние пресуппозиций можно сохранить при помощи интонирования подходящих элементов в предложениях-вариантах. Это означает, что существует определенное несоответствие в понимании проблемных предложений как допустимых перифраз других предложений, в которых «Удар, который ослепил Джона» и «Мяч, который оставил вне игры Комптона» не появляются как претенденты на положение выражений-субъектов. Это не только причуда, вынуждающая нас зачислять вводимые этими оборотами объекты на роль субъектов предикации. В этом факте можно обнаружить зародыш другого критерия различения субъекта и предиката, критерий, который поможет сделать шаг к созданию моста между двумя другими, чьи реальные и вымышленные соответствия мы рассматривали. Развитием этой мысли я займусь в следующей главе.

Приведенные примеры описаны вчерне и могут вызывать возражения, и здесь существует, я полагаю, богатое поле интересного материала, на который мне удалось только намекнуть.

Однако, как мне кажется, не вызывает возражений то обстоятельство, что если прибегнуть к помощи метафоры, эти примеры указывают на то, что со стороны языка предпринимается что-то вроде попытки сохранить оба критерия (или хотя бы их видимость) для того, что предидируется или встречается как предикат: грамматический критерий, согласно которому то, что предидируется, вводится частью предложения, связанной с символом утверждения; и категориальный критерий, согласно которому только универсалии, или комплексы, содержащие универсалии, но никогда партикулярии *simpliciter*¹, могут быть предидированы. Дело обстоит так, как если бы ощущалась определенная уместность соответствия этих двух критериев, уместность того, что они дают один и тот же результат. Именно эту тенденцию, о которой на языке метафор я говорил как попытке или ощущении, нам придется попытаться объяснить.

¹ Просто (лат.). — *Прим. ред.*

6

СУБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ (2): ЛОГИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ И КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Я полагаю, что можно дать полное теоретическое объяснение этой связи грамматического критерия и категориального критерия, их, так сказать, видимой схожести друг с другом. Далее, я полагаю, что общее направление этого объяснения совершенно очевидно и однозначно. Однако мне кажется, что его детальная разработка весьма затруднительное дело, при исполнении которого легко сделать ошибки и трудно сохранить ясность. Целостное объяснение, которое я предлагаю вниманию читателя, разрабатывается в форме двух теорий, развитых соответственно в первой и во второй частях этой главы. Эти две теории независимы друг от друга в том отношении, что они работают на различных уровнях и любую из них можно принять по отдельности. Суть предлагаемого объяснения содержится в первой теории; однако эти теории все же связаны в том смысле, что если принимаются обе, то вторая может рассматриваться как усиление объяснения, предлагаемого первой. Вторая теория имеет также и независимое значение, которое проясняется в следующей главе. В завершение этих объяснений становится ясно, что значимость «грамматического критерия» различения субъекта и предиката, как и следовало ожидать, в теоретическом отношении вторична и по преимуществу указывает на наличие или отсутствие более фундаментального вида завершенности.

1. Введение партикулярий в суждения

[1] Частичный ответ на наш вопрос следует искать в противоположности условий введения в суждения конкретных и универсальных объектов соответственно. Понятие введения объекта в рассмотрение, которое я использовал на протяжении всего текста, безусловно, нейтрально по отношению как к введению объекта как субъекта предикации, так и к введению объекта как предизируемого. *Однако введение объектов в рассмотрение в обоих модусах, по существу, включает в себя идею распознавания.* Выражение, вводящее в рассмотрение объект, указывает, или предназначено указывать, на то, что за объект (*какая партикулярия, какая универсалия*) вводится при его посредстве. Когда мы говорим «Джон курит», первое выражение указывает на то, что представляет собой обозначаемая партикулярия, второе — на то, что представляет собой характеристика, которая приписывается ей.

Сначала рассмотрим условия введения партикулярии в суждение. Здесь я временно возвращусь к не сохраняющей нейтральность терминологии «обозначения». Нам следует вникнуть в условия, которые должны быть выполнены, чтобы получалось так, чтобы распознающее обозначение партикулярии совершалось говорящим и правильно понималось слушающим. Очевидно, одно условие состоит в том, что должна существовать партикулярия, которая обозначается данным говорящим; другое условие состоит в том, что должна существовать партикулярия, о которой слушающий думает, что ее обозначает говорящий; третье условие состоит в том, что партикулярия говорящего должна быть тождественна с партикулярией слушающего. Уделим внимание первому из этих условий. Что оно включает в себя? Что скрывается за оборотом «которая обозначается говорящим»? В самом деле, оно включает в себя, по крайней мере, то требование, согласно которому (в стандартном случае — нам нет нужды рассматривать другие) должна существовать партикулярия, соответствующая описанию, употребляемому говорящим, если он употребляет описание. А

если он употребляет имя? Нельзя осмысленно употреблять имя для обозначения кого-либо или чего-либо, если не известно, кем или чем является то, что обозначается этим именем. Другими словами, нужно быть готовым подставить описание вместо имени. Таким образом, случай, в котором употребляется имя, вызывает только небольшое изменение сформулированного условия. Должна существовать партикулярии, соответствующая описанию, которое употребляет говорящий, или описанию, которое он готов подставить вместо имени, которое он употребляет, если он употребляет имя. Однако это условие недостаточно. Говорящий ссылается ровно на одну партикулярию. Возможно, что существует много партикулярий, подходящих под описание, употребляемое говорящим, или под описание, которое он подставил бы вместо имени, которое он употребляет¹. Конечно, говорящий справедливо существенно полагается на контекст речевой ситуации. Он ограничивается только необходимым. Однако мы сейчас рассматриваем не только то, что он говорит, но и условия совершения того, что он делает, посредством того, что он говорит. Для него, чтобы обозначить ровно одну партикулярию, недостаточно того, что должна существовать по крайней мере одна партикулярия, подходящая под это описание. Должна существовать, *самое большее*, одна такая партикулярия, *которую он имеет в виду*. Однако он сам не может выделить ту партикулярию, которую он имел в виду, только при помощи того факта, что именно ее он имел в виду. Поэтому должно иметься некоторое описание, которое он мог бы привести, хотя это и не обязательно описание, которое он действительно приводит, и которое единственным образом применяется к партикулярии, которую он имел в виду, и не включает оборота «именно та, которую я имел в виду»². Можно добавить, что это замечание требует ограничения

¹ В английском языке, как указывается в оригинальном тексте Стросона, «если мы абстрагируемся от воздействия определенного артикля в данной речевой ситуации». — *Прим. ред.*

² Такое описание, назовем его «распознающим описанием», конечно, может включать указательные элементы, то есть его не обязательно

посредством добавления таких оборотов, как «насколько он знает» после «единственным образом»; последнее замечание сделано на основании того, что последующее знание говорящего может охватывать вторую и выделяемую партикулярию, которая, однако, также соответствовала какому-либо предположительно распознающему описанию, которое он был способен привести одновременно с первоначальным предположительным обозначением. Однако это возражение ошибочно. Если описанная таким образом ситуация действительно возникла

формировать только в общих терминах. И действительно, в общем случае его просто нельзя так сформировать; в общем случае невозможно освободить всякое распознавание партикулярий от любой зависимости от характеристик ситуации обозначения, на который можно указать при помощи демонстративов. Следует к тому же добавить, что распознающее описание, хотя оно и не должно включать в себя ссылку на используемое говорящим обозначение рассматриваемой партикулярии, может включать в себя ссылку на используемое другим лицом обозначение этой партикулярии. Если предположительно распознающее описание принадлежит к этому последнему роду, то вопрос, является ли оно настоящим распознающим описанием, в самом деле зависит от вопроса, является ли обозначение, на которое оно ссылается, само по себе настоящим распознающим обозначением. Таким образом, одно обозначение может заимствовать свой мандат у другого. Однако это — не бесконечный регресс.

Пожалуй, будет благоразумным сразу сформулировать и некоторые другие оговорки. Например, здесь, как и везде, я употребляю слово «описание» в расширенном, хотя и известном в философии смысле. «Описание» предмета не обязательно говорит нам о том, на что он *похож*; «Тот город, в котором я провел некоторое время в прошлом году» могло бы быть распознающим описанием Чикаго. Все же когда я говорю о «готовности подставить описание вместо имени», то это требование не должно приниматься слишком буквально. Не требуется, чтобы люди были способны к немедленному четкому выражению того, что они знают.

Установленные здесь требования, конечно, по существу, есть не что иное, как те требования для «распознавания слушающим», которые были установлены в главе 1, раздел [3], с. 25.

бы (она относится к числу редких, но не невозможных), то отсюда следовало бы, что говорящий во время совершения первоначального предположительного обозначения не знал о той партикулярии, о которой он говорил, что она действительно не удовлетворяет этому условию совершения настоящего распознающего обозначения, хотя он думал, что она удовлетворяет ему. Дело в том, что в таком случае нельзя было бы ответить на вопрос, обозначение *какой* партикулярии он в этом случае совершал. Если же, с другой стороны, он может тут же ответить на этот вопрос, то отсюда следует, что он в состоянии затем привести некоторые подробности, которые отличили бы обозначаемую партикулярию от той, которая охватывается его последующим знанием, то есть описанная таким образом ситуация вообще не могла бы возникнуть в действительности. Все это можно суммировать, сказав, что для совершения распознающего обозначения партикулярии необходимо некоторое известное (в некотором не слишком точном смысле этого слова) говорящему истинное эмпирическое суждение, сводящееся к тому, что существует ровно одна партикулярия, соответствующая некоторому описанию. *Mutatis mutandis*¹ подобное условие должно выполняться также и для слушающего, чтобы имело место положение, в котором существует некоторая партикулярия, относительно которой слушающий полагает, что говорящий обозначает ее. (Третье условие из числа тех, которые я перечислил, в действительности требует не того, чтобы описания говорящего и слушающего совпадали, но того, чтобы каждое описание применялось бы — единственным образом — к одной и той же партикулярии.)

Я использовал терминологию распознающего обозначения из-за нашего более близкого знакомства с ней и ее удобства. Можно заменить ее на нейтральную терминологию введения объектов в рассмотрение без всякого изменения существа сказанного.

Теперь поинтересуемся, какие условия такого типа, если они вообще есть, должны выполняться, чтобы универсальный

¹ С соответствующими изменениями (лат.). — *Прим. ред.*

объект (такой, чтобы партикулярия могла быть либо охарактеризована им, либо быть его примером) успешно вводился в суждение. *Мы обнаружим, что нет подобных условий, на которых можно было бы настаивать в общем случае.* Предположим, что существует прилагательная форма выражения «ф» для рассматриваемой универсалии. Нам следует в таком случае искать эмпирическое высказывание, если вообще можно найти какое-либо, которое должно быть истинным для того, чтобы универсальный объект, предположительно вводимый при помощи «ф», вообще можно было ввести в рассмотрение. Достаточным условием такой вводимости была бы известная говорящему истинность общего эмпирического высказывания, согласно которому *нечто или другое есть «ф»*. Однако на этом нельзя настаивать как на необходимом условии. Дело в том, что другим, равным образом достаточным, условием, а именно тем, которое выполняется в случае некоторых универсалий, была бы истинность эмпирического высказывания, согласно которому *ничто не является «ф»*. Если мы построим дизъюнкцию двух этих достаточных условий, действительно можно будет сказать, что мы получили необходимое условие: а именно, что *либо нечто есть ф, либо ничто не есть ф*. Однако теперь мы лишились эмпирического высказывания, факта, относящегося к миру. Мы получили тавтологию.

Можно было бы возразить, что возможно обнаружить эмпирическое условие успешного введения универсального объекта посредством выражения «ф»: а именно условие, согласно которому высказывание, выражаемое словами «нечто есть ф», независимо от его истинности или ложности является осмысленным эмпирическим суждением и однозначно понимается и говорящим и слушающим. Однако это условие вновь ни в каком смысле не сходно с тем суждением, которое, как мы обнаружили, является необходимым для введения партикулярии, или не находится на том же уровне. Требуемый факт не является в требуемом смысле фактом, принадлежащим реальному миру. Это — факт языка. Можно было бы упомянуть сходные с ним факты, касающиеся смысла и понимания используемых

слов, для случая введения в рассмотрение партикулярий; однако нельзя в общем случае найти нечто сходное с дополнительными эмпирическими требованиями в случае введения в рассмотрение универсалий.

И снова можно было бы возразить, что на практике эмпирические суждения вида «нечто есть ф» не приобретали бы смысл, если бы, по крайней мере, подавляющая часть их не была бы также и истинной. Следовательно, можно было бы продолжить аргументацию, противоположность между условиями введения в рассмотрение партикулярий и условий введения универсалий, ни в коем случае не может быть рассмотрена в предложенном мною ключе. Положение скорее таково, что введение конкретного объекта предполагает во всех случаях без исключения истинность некоторого эмпирического высказывания, а введение универсального объекта предполагает ее только в общем случае. Однако на это возражение, если отвлечься от любых придирок по поводу структуры аргументации, существуют два ответа, причем, по крайней мере, второй из них является безусловно убедительным.

Первый ответ состоит в подчеркивании различия между видами предполагаемых эмпирических суждений. Вид суждения, истинность которого требуется для введения конкретного объекта во всех без исключения случаях, представляет собой некоторый вид суждения, фиксирующий совершенно определенный факт, принадлежащий миру, нечто что могло бы, так сказать, принадлежать истории. Однако тот вид суждения, истинность которого в общем случае, хотя и не во всех случаях без исключения, требуется для того, чтобы введение универсалии было возможно, представляет собой совершенно неопределенный вид суждения, факт, который оно фиксирует, есть совершенно неопределенный вид факта. То, что нечто где-то когда-то есть или было красным или круглым или мудрым, не является фактом, который мог бы принадлежать истории.

Второй ответ вообще делает это возражение несостоятельным. Не только универсально необходимо, чтобы эмпирическое суждение точно определенного вида было истинным для

того, чтобы эффективно совершить введение партикулярии. Также необходимо, чтобы о суждении этого вида было известно, что оно истинно. Дело в том, что только таким образом выполняются условия распознающего обозначения ровно одной партикулярии; только так выполняются условия распознавания со стороны говорящего или слушающего. Рассмотрим теперь, чем это отличается от введения универсалий. Может случиться, что слова, используемые для распознавания введенных универсальных объектов, могли бы приобрести значение, только если для большинства универсалий, введенных таким образом, были бы приведены примеры. Однако, раз слова приобрели свои значения — независимо от того, каким образом они приобрели их, — уже нет никакой необходимости в том, чтобы для выполнения функции распознавания универсального объекта, который они вводят, их пользователи знали бы или верили бы в эмпирические высказывания, сводящиеся к тому, что для рассматриваемых универсальных объектов действительно приведены примеры. Пользователи *будут* в общем случае знать это или думать об этом. Однако *то, что* они должны знать это, не является необходимым условием выполнения рассматриваемыми выражениями своей распознающей функции. Необходимое сводится к тому, что пользователям следует знать, *что* эти выражения означают, а не *то, что* они приобрели свое значение на основании истинности некоторого эмпирического суждения.

В таком случае основное содержание этой противоположности можно суммарно выразить следующим образом. Распознающее введение партикулярии или универсалий в рассуждение влечет за собой знание того, какая партикулярия или какая универсалия имеется в виду или предназначена для введения при помощи выражения, вводящего ее в рассмотрение. Знание того, какая партикулярия имеется в виду, влечет за собой знание или иногда — в случае слушающего — приобретаемое на основе используемого способа введения в рассмотрение узнавание некоторого эмпирического факта, который достаточен для распознавания этой партикулярии и который отличен от

самого факта недавнего введения именно этой партикулярии. Однако знание того, какая универсалия имеется в виду, не влечет за собой таким же образом знание какого-либо эмпирического факта: оно влечет только знание языка. (Всё это — весьма краткое резюмирующее рассуждение; его не следует рассматривать как заменитель того, что оно резюмирует.)

Однако теперь мы опять нуждаемся в оговорке. Я утверждал, что универсально необходимое условие введение любой партикулярии в рассуждение состоит в том, что должно существовать и быть известным истинное эмпирическое высказывание некоторого точно определенного вида, тогда как необходимым условием введения универсального объекта в рассуждение не является то, что должно существовать или быть известным истинное эмпирическое высказывание любого похожего вида. Оговорка касается того способа, при помощи которого вводится универсальный объект. Пусть универсальный объект вводится не при помощи употребления некоторого выражения, распознающего универсальный объект на основании значения этого выражения, но при помощи некоторого выражения, дающего описание универсалии. Тогда, действительно, для успешного осуществления введения в рассмотрение может оказаться необходимым, чтобы некоторое эмпирическое высказывание было истинным. Так, универсальный объект — мудрость — можно ввести, не прибегая к помощи прилагательного «мудрый» или существительного «мудрость», но при помощи такого описания, как «качество, чаще всего приписываемое Сократу в философских назиданиях». Или, опять же, некоторого рода болезнь могла бы вводиться в рассмотрение не как, скажем, «грипп», но как «как болезнь, которая не дала работать Джону на прошлой неделе». Чтобы этот метод введения в рассмотрение был успешным, должно иметь место такое положение, в котором существовала бы болезнь, именно только одна болезнь, которая на прошлой неделе не давала Джону работать. Важность этой оговорки вскоре прояснится. Она явно не противоречит главному тезису, который в случае универсальных объектов имеет форму отрицания универсального суждения.

[2] На минуту перестанем говорить о партикуляриях и универсалиях и поговорим вместо этого об общем характере различения: (1) выражений таких, что некто не может знать, что они вводят в рассмотрение, не зная при этом некоторого выделяющего эмпирического факта, касающегося того, что они вводят в рассмотрение (или не познакомившись с ним в ходе употребления выражения); (2) выражений таких, что можно хорошо знать, что они вводят в рассмотрение, не зная при этом никакого выделяющего эмпирического факта, касающегося того, что они вводят в рассмотрение. Оба вида выражений в некотором смысле являются незавершенными. Дело в том, что введение объекта в рассмотрение не означает создания высказывания; это — только *часть* создания высказывания. Тем не менее выражения первого рода, очевидно, обладают завершенностью и самодостаточностью, которой не хватает выражениям второго рода. О выражениях класса (1) можно сказать: хотя они не устанавливают явным образом факты, они исполняют свою роль только потому, что преподносят или представляют факты, только потому, что предполагают или воплощают или неявно сообщают суждения, которые они не утверждают явно. Вводя в рассмотрение собственные объекты, они с необходимостью несут фактуальную нагрузку. Однако выражения класса (2) не несут никакой фактуальной нагрузки при введении в рассмотрение их объектов. Они могут только помочь в деле сообщения факта, и даже это они могут совершать — если они не составляют часть выражений класса (1), — только будучи спарены с некоторым другим выражением в *явном* утверждении.

Вспомним теперь грамматический критерий предикатного выражения. Предикатное выражение вводит свой объект в спаривающем, пропозициональном стиле, то есть в явно незавершенном стиле, требующем восполнения до утверждения. Конечно, открытая незавершенность утверждающего стиля введения — требование быть восполненным до утверждения — в точности соответствует незавершенности второго из двух видов выражения, которые я только что выделил; она в точности соответствует неспособности этого вида выражения самостоя-

тельно преподносить факт. Мы встречаемся с противоположностью между тем, что ни в каком смысле не преподносит факта самостоятельно, но является кандидатом на то, чтобы быть частью высказывания о факте, и тем, что уже в некотором смысле самостоятельно преподносит факт и также является кандидатом на то, чтобы быть частью высказывания о факте. Уместно упомянуть, что в явном утверждении, образованном обоими выражениями, собранными вместе, именно первое должно содержать символы, указывающие на суждение, символы, которые требуют восполнения до утверждения.

Фактически, мы здесь предлагаем новый или средний критерий различения субъекта и предиката. Субъектным выражением является то, которое в некотором смысле преподносит факт самостоятельно и в определенной степени является завершенным. Предикатным выражением — то, которое ни в каком смысле не преподносит факта самостоятельно и в этой степени незавершенно. Обнаруживается, что этот новый критерий превосходным образом согласуется с грамматическим критерием. Предикатное выражение согласно новому критерию есть такое выражение, которое можно сделать завершенным только при помощи явного спаривания с другим выражением. Предикатное выражение согласно грамматическому критерию есть в точности такое выражение, которое содержит символы, требующие дополнения до явно выраженного утверждения. Мы подчеркиваем гармонию, сродство этих двух критериев; смешивая их, возвращаемся к той противоположности между «завершенными» и «незавершенными» частями предложения, которую мы обсуждали при описании «грамматического» смысла различения субъекта и предиката, и обогащаем ее. Мы находим дополнительную глубину в метафоре Фреге, касающейся насыщенных и ненасыщенных составляющих предложения.

Однако этот критерий не только превосходно гармонизируется с грамматическим критерием. Он также гармонично сочетается, как свидетельствует весь предыдущий раздел, с категориальным критерием. Дело в том, что, во-первых, основное

содержание этого раздела сводилось к тому, что выражения, вводящие в рассмотрение партикулярии, вообще не могут быть незавершенными в смысле нового критерия, *и они согласно этому критерию вообще не могут быть предикатными выражениями*. Это часть требований, выдвигаемых категориальным критерием. Во-вторых, в этом разделе было показано, что многие выражения, вводящие в рассмотрение универсалии, являются незавершенными в смысле нового критерия и, таким образом, проходят согласно этому критерию на роль выражений-предикатов; однако также было показано, что некоторые выражения, вводящие в рассмотрение универсалии, например, некоторые из тех выражений, которые распознают универсальный объект, который они вводят в рассмотрение при помощи описания, являются завершенными в смысле нового критерия и, таким образом, проходят согласно этому критерию на роль субъектных выражений. Оба этих результата согласуются с категориальным критерием.

Мне представляется, что эти рассуждения частично объясняют родство между грамматическим и категориальным критерием различения субъекта и предиката. Они объясняют или помогают объяснить существующую в нашей философии традиционную, устойчивую связь между различием партикулярий и универсалий, с одной стороны, и различием субъекта и предиката (обозначения-предикации) — с другой. Только когда эта связь была твердо установлена и объяснена на фундаментальном уровне, мы можем разрешить определенной степени гибкости войти в нашу классификацию на более тонком уровне анализа. Можем ли мы не желать говорить, что в высказывании «Великодушие — более привлекательная добродетель, чем благоразумие» великодушие и благоразумие входят как субъекты, а универсалия — характеризующая универсалия, *быть более привлекательной добродетелью (чем)* — входит как предикат? Все же выражения «великодушие» и «благоразумие» не обладают тем видом завершенности, который наш средний критерий требует от субъектных выражений; они не преподносят в скрытом виде никакого факта. Решение этой проблемы

состоит в том, чтобы, раз фундаментальная связь была однажды установлена, разрешить аналогиям, которые я упоминал ранее¹, нести на себе бремя дальнейших расширений и модификаций проблематического различения. Аналогии, которые я имею в виду в данном случае, имеют место между безотносительными, характеризующими связями, соединяющими партикулярии и универсалии, с одной стороны, и безотносительными связями, соединяющими универсалии с универсалиями, — с другой.

Однако это только один случай, и к тому же довольно простой. Имеются другие случаи, требующие других способов обхождения, которые я не буду в настоящее время обсуждать. Но есть еще одна составляющая объяснения, которую следует здесь привести. Другой устойчивый элемент традиционной теории представляет собой утверждение о том, что выражения, вводящие в рассмотрение сложные объекты типа тех, что я обозначал как «универсалии-с-партикуляриями», можно проклассифицировать как предикатные выражения (например, «[есть] замужем за Джоном»). Однако, не обладают ли такие выражения на основании наличия в них вводящей партикулярию части той завершенностью, которую — при всей возможной гибкости — я должен, по-видимому, определенно рассматривать как свидетельство невозможности исполнения роли предиката? Ответ состоит в том, что такие выражения сами как целые не обладают завершенностью, хотя каждое из них содержит некоторую часть, обладающую такой завершенностью. Выражение «[есть] замужем за Джоном» не преподносит *как целое* никакого факта; дело в том, что оно столь же успешно выполняет свою функцию распознавания объекта, когда никто не находится замужем за Джоном, как и тогда, когда кто-то находится замужем за Джоном. Выражение «Джон» сообщает при его употреблении его собственную пресуппозицию факта; однако выражение «[есть] замужем за Джоном» *самостоятельно* не подразумевает никакой дальнейшей пресуппозиции

¹ См. главу 5, с. 197.

факта. Все что оно предполагает как пресуппозицию, сводится к тавтологии, согласно которой или кто-то вышел замуж за Джона, или никто этого не сделал. Итак, такие сложные выражения, взятые как целые, обладают незавершенностью, которая относит их к классу предикатов.

[3] Намеченное мною общее объяснение порождает множество проблем. Прежде всего, ключевая идея завершенности все еще остается смутной. Я утверждал, что выражения, которые вводят в рассмотрение объекты и в подходящем смысле являются завершенными, преподносят или представляют факты, а также предполагают, или воплощают, или скрыто содержат в себе суждения. Разнобой в терминологии вполне может показаться подозрительным. Каким же образом можно дать точное объяснение отношений между выражениями, которые вводят в рассмотрение объекты и которые в подходящем смысле завершены, и фактами или суждениями, которые придают им их завершенность? Каким образом содержание этих фактов или суждений определяется — или вступает в иные отношения с — действительно употребленными выражениями, вводящими в рассмотрение объекты?

Разнообразие случаев слишком велико, чтобы был возможен единственный ответ на этот вопрос. Только в некоторых простых случаях ответ достаточно прост. Предположим, я говорю, одновременно указывая: «Это лицо там может указать вам дорогу». Выражение «Это лицо там» вводит в рассмотрение, или распознает, партикулярию. В достаточной степени ясно и то, что представляет собой факт, на котором основывается введение объекта в рассмотрение, и то, в чем состоит его отношение к употребленным словам. Выделяющий объект факт состоит в том, что существует только одно лицо там, куда я указываю; если там нет такого лица, относительно которого можно было бы считать, что я указываю на него, то мое выражение, предположительно вводящее объект в рассмотрение, лишается смысла, а мое высказывание — истинностного значения. Следовательно, в таких случаях мы встречаемся с со-

вершено ясным смыслом пресуппозиции и достаточно ясным указанием на то, что выступает в качестве этой пресуппозиции на основании употребления выражения, вводящего объект. Однако рассмотрим теперь не такой простой случай. Что если наше выражение, вводящее в рассмотрение объект, представляет собой собственное имя (обычно так называемое) партикулярии? Очевидно, что от введения объектов при помощи таких средств не требуется, чтобы необходимо существовал только один объект или одно лицо, которые носят это имя. Также мы были бы не удовлетворены ответом, согласно которому факт, встречающийся как пресуппозиция, есть не что иное, как факт, в соответствии с которым существует ровно один объект или одно лицо, которые и носят это имя, и прямо сейчас обозначаются при его помощи. Дело в том, что — если рассматривать только случай говорящего — предыдущее рассуждение требует от факта, выступающего в роли «пресуппозиции», чтобы он был некоторым истинным эмпирическим суждением, которое известно говорящему и которое он мог бы цитировать, чтобы указать, *какую* именно партикулярию он имел в виду. Однако это не может быть фактом, указывающим на существование только одной партикулярии, которую он имел в виду. Если же мы обнаружим соответствующий этому описанию факт, то есть факт, который мог бы служить для выделения той самой партикулярии, которую говорящий имел в виду, то у нас больше не будет права говорить об обнаруженном факте, что он вводится в качестве пресуппозиции высказыванием, содержащим выражение, вводящее в рассмотрение объект. При этом имеется в виду тот простой смысл пресуппозиции, который мы только что проиллюстрировали на примере высказывания, начинающегося с «Это лицо там». Например, может иметь место положение, когда существует ровно один ребенок, которого я видел вчера до завтрака, и это может быть ребенок, которого я прямо сейчас обозначаю как «Джон». Однако это — не тот случай, в котором именно этот экзистенциальный факт вводится в качестве пресуппозиции в проиллюстрированном смысле при помощи высказывания, которое я прямо сейчас произношу о Джоне.

Тем не менее считаю ошибочным заключать на этом основании, что понятие пресуппозиции неуместно при рассмотрении нашего вопроса в случае имен. Рассмотрим ситуацию, в которой производится обозначение Сократа при помощи имени. На основании аргументов из предыдущего раздела можно сказать, что и говорящий, и слушающий в этой ситуации удовлетворяют условиям успешного введения объекта в рассмотрение, если каждый из них знает некоторый выделяющий факт или некоторые выделяющие факты о Сократе, не обязательно одни и те же факты, на которые каждый из них готов сослаться, чтобы указать, кого он сейчас имеет в виду или подразумевает под именем «Сократ». Однако в чем состоит отношение между этими фактами и этим именем? Или, если задать фактически тот же вопрос в другой форме, каковы условия моего корректного описания их как «фактов, касающихся Сократа», в котором я употребляю имя, но не упоминаю его? Именно отношение к этому вопросу показывает, что понятие пресуппозиции опять становится уместным. Предположим, мы рассматриваем группу говорящих, которые употребляют или полагают, что употребляют, имя «Сократ» с одним и тем же значением. Предположим, мы просим каждого члена группы написать, что он считает главными фактами, касающимися Сократа, и затем формируем на основе этих списков объединенное описание, включающее чаще всего встречающиеся факты. Тогда было бы слишком сильным утверждать, что успех введения объекта в рассмотрение при помощи данного имени в рамках этой группы требует, чтобы необходимо существовало одно лицо, о котором все высказывания в объединенном описании являлись истинными. Однако не было бы слишком сильным утверждать, что он требует, чтобы необходимо существовало одно и только одно лицо, о котором некоторая разумная пропорция этих высказываний является истинной. Если, например, обнаружилось бы, что существует ровно одно лицо, о котором половина этих высказываний является совместно истинной, и ровно одно лицо, отличное от первого, о котором другая половина высказываний является совместно истинной, то если не приводится ни-

каких указаний, какой из Сократов имелся в виду, было бы невозможно дать прямой ответ на вопрос, является ли какое-либо конкретное «суждение о Сократе» истинным или ложным. Возможно, оно истинно о Сократе₁, но не о Сократе₂. Оно ни истинно, ни ложно о Сократе *simpliciter*¹, поскольку оказывается, что такого лица не существует.

Нам нет необходимости отказываться от понятия пресуппозиции, скорее, его надо усовершенствовать. Чтобы дать имя усовершенствованию, которое я только что проиллюстрировал, можно было бы говорить о множестве пресуппозиций высказывания. Высказывания, составляющие объединенное описание Сократа, формирует такое множество. Ни границы такого множества, ни вопрос о том, что устанавливает разумную или достаточную пропорцию его элементов, в общем случае не являются точно фиксированными для какого-либо собственного имени, предположительно вводящего объект в рассмотрение. Это — не недостаток понятия множества пресуппозиций; это — часть продуктивности собственных имен.

Вскоре станет очевидным, что круг действительных случаев ни в коем случае не исчерпывается двумя приведенными примерами: примером простого-местоимения-с-описанием-указания, с одной стороны, и примером собственного имени, такого как, «Сократ», — с другой. Нельзя даже претендовать на то, что это собственное имя при рассмотренном употреблении его совершенно типично для своего класса или что данное объяснение можно просто распространить на другие случаи употребления имен. Соответственно, нет смысла надеяться на простое общее объяснение отношений между «завершенными» выражениями, вводящими объект в рассмотрение, и выделяющими объекты фактами, которые должны быть известны, чтобы введение объектов осуществлялось в ходе употребления этих выражений. Однако сама возможность такого общего объяснения не является частью моего тезиса.

¹ Просто (лат.). — *Прим. ред.*

В свете этих соображений можно, не беспокоясь о трудностях с именами, говорить о таких фактах или суждениях, выделяющих объекты, как о «пресуппозициях» данного употребления выражений, вводящих в рассмотрение объекты. В заключение этих рассуждений обратимся к рассмотрению еще одного положения. Я заявлял, что успех предположительно вводящего объект выражения в деле введения в рассмотрение *конкретного* объекта основывается на знании некоторых фактов, выделяющих объект. Очень часто высказывания, получающиеся при формулировке таких фактов, сами содержат выражения, вводящие в рассмотрение конкретные объекты. Но здесь не надо бояться бесконечного регресса. Дело в том, что мы всегда можем рассчитывать на получение в самом конце некоторого экзистенциального суждения, которое фактически может содержать как свои элементы указательные местоимения, но никакая *часть* которых не вводит в рассмотрение и не распознает точно конкретный объект, хотя о данном высказывании *как целом* можно сказать, что оно преподносит нам конкретный объект. (Простейшей формой такого высказывания является следующая: «Существует ровно одно такое-то-и-такое-то там-то».) Однако, хотя тот факт, что непосредственные пресуппозиции большинства выражений, вводящих в рассмотрение конкретные объекты, будут сами содержать выражения, вводящие в рассмотрение конкретные объекты, и не вызывает у нас боязни бесконечного регресса, но он может заставить нас принять спасительные предосторожности. То, против чего он должен предостеречь нас, это — идея, согласно которой мы каким-то образом обязаны — например, приняв приведенные мною ранее объяснения, — рассматривать суждения-пресуппозиции, не содержащие никаких частей, вводящих в рассмотрение партикулярии, как *единственные* суждения, которые играют роль пресуппозиций и которые уместны согласно нашей теории. Это положение определенно не имеет места. Все, что требует теория, сводится к тому, что выражения, вводящие в рассмотрение партикулярии, в отличие от выражений, вводящих в рассмотрение универсалии, должны *всегда* быть завершенными в

определенном смысле; и этот смысл разъясняется по ходу уяснения того, каким образом эти выражения всегда должны нести в себе эмпирические пресуппозиции. Требование, согласно которому они должны содержать в себе такую пресуппозицию, полностью выполняется как в тех случаях, когда суждения, выступающие в качестве пресуппозиций, сами содержат выражения, вводящие партикулярии, так и в тех случаях, когда они не делают этого. Без сомнения, приятно узнать, что если мы начнем путешествие по последовательным пресуппозициям, можно быть уверенным в том, что мы доберемся до конца. Но при этом не предполагается, что такой конец должен или может быть достигнут за один шаг.

Однако все еще можно продолжать считать, что выработанная нами позиция теоретически несостоятельна в силу следующих обстоятельств. Я претендовал на исследование условий введения в рассмотрение конкретного объекта в суждение при помощи точно распознающего выражения. Я утверждал, что возможность такого введения объекта основывается на знании некоторых фактов, выделяющих объект. Если мы формулировали суждения, выражающие такое знание, то относительно них обнаруживалось, что они либо содержат сами выражения, вводящие в рассмотрение другие конкретные объекты, либо, по крайней мере, включают квантификацию по партикуляриям. В поддержку этого положения можно привести правдоподобные аргументы, согласно которым предложения, включающие квантификацию по партикуляриям (например, «Существует ровно одно такое-то-и-такое-то там-то»), не могут иметь места в языке, если в нем нет точно распознающих выражений для партикулярий (например, «Это такое-то-и-такое-то»). Однако в таком случае, каким образом я мог бы претендовать на то, чтобы сформулировать условия, которые должны быть выполнены для введения партикулярий посредством выражений, вводящих объекты в рассмотрение? Получается, что я не могу сформулировать мое высказывание об условиях без скрытого предположения, согласно которому язык содержит выражения для партикулярий, вводящие в рассмот-

рение объекты. Но в таком случае наше объяснение страдает порочным кругом.

Это возражение несостоятельно. Несостоятельность его связана с тем, что оно не различает (1) объяснение общих условий использования в языке выражений, вводящих в рассмотрение термины-для-партикулярий, и (2) концепцию, затрагивающую условия употребления по любому конкретному поводу выражений, вводящих в рассмотрение конкретный объект. Иначе говоря, проигнорированное данным возражением различие можно было описать как различие между (1) объяснением условий введения партикулярий в *рассуждение* вообще и (2) объяснением распознающего введения партикулярии в данный *фрагмент* рассуждения. И конечно, я здесь развивал не первый, а второй способ объяснения. С точки зрения первого способа мое объяснение действительно страдало бы порочным кругом, с точки зрения второго — ничего подобного. Однако здесь возникает ощущение, что концепцию второго рода следует дополнить некоторыми соображениями первого рода. Такое объяснение я попытаюсь дать в части II этой главы.

[4] Однако, прежде чем мы обратимся к этой проблеме, полезно рассмотреть некоторое философское предположение, которое в связи с изложенным выглядит весьма привлекательным. Хотя мотивы, по которым оно было выдвинуто, отличны от тех, что стимулируют наше исследование, представляется, что это предположение предлагает привлекательный способ упрощения результатов последних двух разделов. Я не думаю, что это предположение приемлемо. Однако важно посмотреть, почему оно неприемлемо.

Рассматриваемое предположение может представляться в форме *анализа* суждений, содержащих выражения, которые вводят конкретные объекты, или выступать в личине описания идеального языка, в котором обозначающие выражения для партикулярий не имеют места, а их место занято переменными, связанными кванторами существования. Такой язык, если сле-

довать описанию У. Куайна, был бы языком, из которого устранены все единичные термины¹. Предложения, в которых они встречаются, заменяются предложениями с кванторами существования, снабженными условием единственности. Согласно теории, изложенной в предыдущем разделе этой главы, мы действительно обнаружим такие предложения в конце регрессивной последовательности пресуппозиций, если мы решим пройти эту регрессивную последовательность до конца. Согласно предположению Куайна, с другой стороны, такие предложения встроены *как часть* всех тех идеальных предложений, которые заменяют предложения естественного языка, включающие единичные термины.

Я полагаю, что следует признать, что в контексте нашего исследования эта идея действительно обладает большой силой и привлекательностью. На место не до конца отчетливых и ограниченных рассуждений предыдущего раздела она ставит теорию, позволяющую нам придать совершенно точный смысл идее смеси «завершенности» и «незавершенности», которая необходимо присуща выражениям, вводящим в рассмотрение партикулярии. Такие выражения завершены в том смысле, что они содержат пресуппозиции факта, не завершены в том смысле, что они не являются самостоятельными утверждениями, но только частями утверждений. Если мы посмотрим на их аналоги в идеальном языке, то мы обнаружим, во-первых, что завершенность представлена целиком завершенным утверждением следующего вида:

¹ См.: *Quine W. Methods of Logic*. New York: Holt, 1950. P. 220—224, а также: *Quine W. From a Logical point of View*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953. P. 7 и далее, 13, 146, 166 и далее. Программа Куайна является расширением расселовской теории дескрипций; можно сказать, что она состоит в доведении этой теории до предела, одновременно опуская понятие настоящего субъектного выражения, логически — собственного имени. Я надеюсь, что в результате проделанной мною работы я сохранил всё истинное в этой теории, избежав ее окончательно саморазрушающих свержупрошений.

Существует нечто, что единственно F,

а во-вторых, что незавершенность представлена добавлением других относительных местоимений, например:

Существует нечто, что единственно F, *и которое*

За вторым относительным местоимением следует предикатное выражение, которое завершает всё утверждение и которое в обычном обремененном единичными терминами языке следует за единичным термином. Обозначающее выражение естественного языка, выражение логического субъекта и есть именно то, что разлагается в идеальном языке на квантифицированное утверждение плюс относительное местоимение. Предикатное выражение не разлагается таким образом и поэтому абсолютно незавершенно, незавершенно как суждение, и это нельзя устранить при помощи простой уловки опускания относительного местоимения. Итак, все выражения, вводящие в рассмотрение партикулярии, разлагаются указанным способом и, следовательно, не могут быть ничем иным, кроме выражений логических субъектов. Некоторые выражения, вводящие в рассмотрение универсалии, можно разложить таким образом; но со многими нельзя этого сделать. Итак, универсалии могут встречаться или как субъекты, или как предикаты¹.

Однако, несмотря на всю привлекательную простоту такого анализа и его согласованность с духом предшествующих разделов, я полагаю, что сама форма, в которой он преподносится, делает его неприемлемым; а если отбросить форму анализа, то также должен быть отброшен и весь анализ целиком как своеобразное и удобопонимаемое объяснение. Дело в том, что его отличие как отдельной теории от, скажем, данного в предст-

¹ Куайн озабочен тем, чтобы там, где это возможно, обеспечить такое положение, при котором универсалии встречались бы только как предикаты. Эту позицию он обозначает как «номинализм». См. главу 8 ниже.

вующем разделе объяснения, и состоит именно в претензии на то, что все выражения-субъекты являются в строгом смысле излишними, поскольку они устранимы путем замены на кванторы, подкванторные переменные и предикатные выражения. И все же язык, на котором формулируется анализ, содержит термины, которые, если нам необходимо понять их в рекомендуемом стиле, предполагают существование субъектных выражений, единичных терминов языка. В обычной речи существуют разнообразные формы неточного обозначения партикулярий и разнообразные способы партикулярий формулирования экзистенциального высказывания, за которым следует относительное местоимение с целью указать на партикулярию. Аппарат кванторов существования в роли партикулярий следует понимать как приблизительное соответствие этим формам обычной речи. Эти формы имеют место, роль в языке, которые должны быть показаны или прояснены по контрасту с тем местом или ролью в языке, которые занимают или играют в языке единичные термины. Вряд ли можно найти какой-нибудь смысл в идее, согласно которой они могут занимать место, которое они занимают, даже если такого места не существует. Однако именно эту идею нас заставляют принять, когда нас понуждают рассматривать все выражения субъектов как разлагающиеся или способные быть замененными на такие формы. Нас понуждают смотреть на это разложение как на способ объяснения того места, которое субъектные выражения занимают в языке!

Рассмотрим тот факт, что нас побуждают смотреть на выражения, которые заменяют все эти "F" и "G" в квантифицированных предложениях, как на обычные предикатные выражения. С самим этим побуждением всё совершенно в порядке; дело в том, что предикатные выражения естественного языка, конечно, могут спариваться и с самыми разнообразными формами неточного обозначения, и с экзистенциальными утверждениями, за которыми следует относительное местоимение и которые встречаются в естественном языке. Однако еще раз повторю, что эти формы занимают место, которое они занима-

ют в естественном языке, только потому, что единичные термины, субъектные выражения занимают место, которое *они* занимают в нем. Поэтому мы не можем одновременно принять *и* продолжать рассматривать выражения, которые заменяют “F” и “G” в квантифицированных предложениях как обычные предикатные выражения *и* молча допустить полное разложение субъектного выражения в форму квантифицированных предложений. Короче говоря, эта доктрина подвержена в точности тому же обвинению в порочном круге, против которого я защищал теорию, изложенную в предыдущих разделах. Дело в том, что именно по причине того, что она предусматривает полное устранение в языке единичных терминов для партикулярий, она необходимо претендует на объяснение общих условий употребления таких выражений, а не только на объяснение условий употребления таких выражений по конкретному поводу; и все же она зависит от форм, которые сами предполагают употребление этих выражений.

Можно найти следующий ответ на эти возражения. Можно сказать, что довольно узкоколобо заботиться о действительных способах употребления выражений, при помощи которых нас побуждают прочитывать квантифицированные предложения. Даже побуждение прочитывать их таким образом не должно восприниматься слишком всерьез. Данный анализ следует скорее рассматривать как попытку дать нам понять, о чем же, по существу, идет речь, когда мы говорим о выражениях, вводящих в рассмотрение партикулярии, попытку, которой препятствует трудность ухода от форм обычной речи. В нашей интерпретации этой доктрины нам следует допускать свободу и прибегать к воображению. — Вообще-то можно чувствовать даже симпатию к такой точке зрения. И с этой точки зрения возникает обязательство спросить, что же *действительно* содержится в доктрине, которая на поверхности является неприемлемой. В следующей главе будут рассмотрены некоторые возможности, относительно которых, если допустить максимум свободы и прибегнуть к воображению, могло бы показаться, что они указывают возможные интерпретации рассматри-

ваемой теории, или, по крайней мере, находятся в русле этой теории. Однако нам нет необходимости заниматься этим сейчас. Дело в том, что любая такая интерпретация мало связана с явным смыслом этого учения и далека от того, чтобы быть возможным альтернативным ответом на те вопросы, на которые мы пытались ответить в предыдущих разделах.

2. Введение партикулярий в рассуждения

[5] «Партикулярии вводятся» в суждение, если осуществляется распознающее обозначение этой партикулярии в этом суждении. В первой части данной главы я обсуждал условия введения партикулярий в суждения. Результатом этого обсуждения суммарно стала концепция, согласно которой любое введение партикулярии в рассмотрение предполагает эмпирический факт в качестве пресуппозиции. Если стремиться избежать порочного круга, но не регресса, то сами суждения о фактах, играющие роль пресуппозиций, можно рассматривать как включающие введение (расознающего обозначения) партикулярий, а также и включающие квантификацию по партикуляриям; а высказывания о фактах, играющие роль окончательных пресуппозиций, можно было бы рассматривать, не впадая в порочный круг и не прибегая к регрессу как включающие квантификацию по партикуляриям, хотя и не включающие введение (расознающего обозначения) партикулярий.

Вместе с тем разумно считать, что оборот «введение партикулярий в рассмотрение», возможно, несет в себе и совершенно другой смысл. Введение партикулярий в рассмотрение в этом втором смысле было бы введением *навыка* введения их в первом смысле. В первом смысле вводятся в рассмотрение индивидуальные партикулярии. Во втором смысле вводятся, по крайней мере, *виды* партикулярий или даже партикулярии вообще. В случае необходимости это различие смыслов можно отмечать при помощи нижних индексов. Индивидуальные партикулярии вводятся₁ в высказывания. Виды партикулярий вводятся₂ в рассуждения.

В конце раздела [3] этой главы отмечалось, что вполне может возникнуть ощущение, что концепцию, говорящую об условиях введения₁ партикулярий, следовало бы дополнить концепцией, говорящей об условиях введения₂ партикулярий. Кроме определенного внутреннего интереса к такой теории, не могла бы она завершить или усилить теорию «завершенности» из разделов [1]-[3]? Я защищал эту теорию от обвинения в порочном круге как раз на том основании, что она ничего не говорит о введении₂ партикулярий в рассмотрение; а эта защита указывает на некоторые из требования, которые должны выполняться теорией введения₂ партикулярий. Если, например, эта теория представляет введение₂ партикулярий некоторого класса как основывающееся на существовании фактов некоторого класса или на рассмотрении их в роли пресуппозиций, то это должны быть такие факты, что констатирование их не включает ни введения₁, ни квантификации по партикуляриям этого класса. Если развивать в данном направлении общую теорию введения₂ партикулярий, то факты, выступающие в роли окончательных пресуппозиций, должны быть таковы, чтобы высказывание о них не включало введения₁ или квантификации по каким-нибудь партикуляриям вообще.

Различим там, где необходимо, посредством нижних индексов два способа употребления пресуппозиций в соответствии с уже выделенными двумя способами употребления введения. Истинность некоторого высказывания, играющего роль пресуппозиции, является условием успешного введения₁ в рассмотрение некоторой партикулярии, а следовательно, и условием наличия истинностного значения у высказывания, роль пресуппозиции которого играет первое высказывание. Существование некоторого вида фактов, который играет роль пресуппозиций₂, является условием введения₂ некоторого вида партикулярий, то есть является условием наличия вообще каких-либо суждений, в которые вводятся₁ партикулярии этого вида.

Можно спросить, независимо от самостоятельного интереса теории пресуппозиций₂, каким образом эта теория могла бы как-нибудь усилить или дополнить теорию пресуппозиций₁? Дело

в том, что от фактов, выступающих в роли пресуппозиций₂, требуется, чтобы высказывание их не включало в себя введения₁ или квантификации по партикуляриям того вида, основу которого они составляют. Однако из этого требования непосредственно следует, что высказывание об этих фактах не включает введения в рассмотрение какой-нибудь видовой универсалии, примерами которой являются эти партикулярии. Следовательно, факты, играющие роль пресуппозиций₂, в той мере, в какой они составляют основу для введения₂ определенного вида партикулярий, равным образом составляют основу для введения₂ определенных видов универсалий. Где же здесь асимметрия между партикуляриями и универсалиями, которая была характерной для теории пресуппозиций₁?

Прежде всего можно заметить, что это возражение переоценено, поскольку в нем не обосновано, что существование фактов, являющихся пресуппозициями₂ для введения₂ определенного круга партикулярий, необходимое условие введения₂ видовых универсалий, примерами которых являются партикулярии этого круга. Так думать означало бы слишком сильно ограничивать силу человеческого воображения. Однако такой ответ ничего не дает для того, чтобы показать, каким образом теория пресуппозиций₂ могла бы в действительности нечто добавить к теории пресуппозиций₁ или дополнить ее.

Для начала, чтобы понять, каким образом одна теория может углубить и усилить другую, рассмотрим некоторый случай особого типа. Это случай, в котором зависимая партикулярия вводится в рассмотрение как атрибутивно связанная с относительно независимой партикулярией, типа случая описываемого оборотами «Смерть Сократа», «Удар, который Питер нанес Джону», «Мяч, который оставил вне игры Комптона». Если такого типа фразы, как и любые из них, вводят в рассмотрение партикулярию, то существует некоторое истинное суждение, в котором никакая партикулярия подходящего вида не вводится в рассмотрение и не подлежит квантификации, но которое служит основанием введения этой партикулярии в рассмотрение. Таковы *Сократ умер, Питер ударил Джона, Комптона*

оставили вне игры. Здесь суждение, играющее роль пресуппозиции, не содержит видовых универсалий, примерами которых являются партикулярии «смерть», «поймка мяча», и «удар»; однако они не содержат и характеризующих универсалий *умирания, ударения и оставление вне игры,* универсалий, которые характеризуют партикулярии другого типа, отличные от тех, которым они обеспечивают основу для их введения в рассмотрение. Таким образом, факты, которые констатируют эти высказывания, не только играют роль пресуппозиций тех высказываний, в которые вводятся партикулярии «смерть», «удар», или «поймка мяча» при помощи одного из приведенных выражений; они также относятся к кругу фактов, играющих роль пресуппозиций₂ в ходе введения₂ партикулярий этого рода. Такие случаи показывают, каким образом, по крайней мере, иногда требования теории пресуппозиций₁ и теории пресуппозиций₂ могут выполняться одновременно. Они показывают, каким образом в некоторых случаях высказывания, играющие роль пресуппозиций₁ для выражения, вводящего в рассмотрение партикулярию, не таковы, чтобы сами по себе предполагать существование других высказываний, в которые вводятся₁ партикулярии рассматриваемого вида.

Случаи такого рода легко наводят мосты между двумя видами теории. Мы определенно не всегда ожидаем, что суждение, играющее роль пресуппозиции₁ (или элемента множества суждений-пресуппозиций₁), принадлежит к соответствующему классу суждений, играющих роль пресуппозиций₂. *Общий характер связи между данными теориями скорее таков: если принять теорию пресуппозиций₁, то заявление о том, что существование некоторого класса выражений, вводящих в рассмотрение партикулярии, предполагает в качестве пресуппозиций₂ существование некоторого класса фактов, включает заявление о том, что введение₁ партикулярии подходящего класса можно представить как употребление в качестве пресуппозиции₁ факта, принадлежащего классу, играющему роль пресуппозиции₂.* Нет необходимости предполагать, что мы должны или можем понимать *каждое* введение₁ партикулярии

таким же образом. Причина необычайной легкости разбора только что рассмотренных случаев состоит в том, что здесь можно понять каждое такое введение₁ таким образом. Частично основания, по которым в данных случаях возможно это сделать, состоят в том, что переход от характеризующих универсалий, которые содержат суждения-пресуппозиции, к видовым универсалиям, примерами которых являются партикулярии смерти, удара и т. п., действительно представляет собой достаточно простой концептуальный переход.

Если же теория пресуппозиций₂ в общем случае может быть состоятельной, то ее связь с теорией пресуппозиций₁ может быть оставлена в стороне. Однако может ли она быть состоятельной? Определенно существует много типов партикулярий, не порождающих особых трудностей. Я имею в виду те объекты, которые вводятся на относительно утонченной ступени мышления такой, как конкретные сущности научной теории или конкретные социальные институты. Философы справедливо оставили надежду на «сведение» суждений, в которых вводятся такие объекты или имеет место квантификация по ним, к суждениям, в которых они не фигурируют. Однако нет оснований, по которым нам следует оставить значительно более скромное намерение обнаружить классы фактов, в высказываниях о которых фигурируют только более простые виды партикулярий и которые все же обеспечивают основу для введения этих более утонченных сущностей. Например, высказывания о нациях не могут быть сведены к высказываниям о людях; однако высказывания о людях предполагают в качестве пресуппозиций₂ высказывания о нациях. Это намерение настолько рационально, что оно для обоснования не нуждается в общих аргументах; я и не буду их выдвигать.

В действительности наши трудности начинаются только тогда, когда мы подходим к концу процесса регресса пресуппозиций₂, когда, так сказать, мы начинаем искать классы фактов, обеспечивающих основание для введения тех партикулярий, на которых прямо или косвенно основывается введение всех остальных. Я только касался требования, согласно кото-

рому высказывания, констатирующие факты, которые обеспечивают основу для введения₂ некоторого класса партикулярий, не должны содержать универсалий, примерами которых являются данные партикулярии. Это негативное требование выполняется на всех шагах регресса пресуппозиций₂. На последнем шаге оно означает, что универсалии, содержащиеся в высказываниях, у которых имеются пресуппозиции₂, вообще не должны исполнять функции видовых или характеризующих универсалий. Это действительно представляется жестким требованием. Где же нам искать высказывания, которые и имеют такой характер, и пригодны для того, чтобы обеспечить основу для введения основных видов партикулярий?

[6] Лучше всего начать с выяснения вопроса, существует ли *какой-либо* знакомый нам вид универсалии или *какой-либо* знакомый нам вид высказывания, вводящий в рассмотрение такие универсалии, которые, по крайней мере, проявляют указанный характер, даже если они сами по себе не обеспечивают адекватной основы для введения партикулярий в требуемом масштабе. Действительно, определенно существует такой вид универсалий и определенно существует такой вид высказываний. То, что я имею в виду при этом, я буду называть *универсалиями-особенностями*, или *понятиями-особенностями*, и *высказываниями, размещающими особенности*. В качестве примеров приведу следующие фразы:

Сейчас дождит.
Снег падает.
Здесь есть уголь.
Здесь есть золото.
Здесь есть вода.

Универсальные объекты, введенные в эти суждения, не исполняют функций характеризующих универсалий. *Снег, вода, уголь и золото*, например, являются общими видами вещества,

а не свойствами или характеристиками партикулярий; хотя *быть сделанным из снега* или *быть сделанным из золота* являются характеристиками партикулярий. Универсальные объекты, введенные в эти суждения, также не являются видовыми универсалиями. Ни один из них сам по себе не обеспечивает нас принципом различения, перечисления и отождествления партикулярий некоторого вида. Однако форму каждого из них можно слегка изменить таким образом, чтобы получить несколько таких принципов: можно различить, сосчитать и отождествить *жилки* или *крупинки*, *комья* или *кучи* угля, *хлопья*, *вихри*, *сугробы* или *участки* снега. Такие обороты, как «ком угля» или «вихрь снега», вводят видовые универсалии; однако уголь и снег *simpliciter*¹ — нет. В таком случае эти предложения не содержат ни какой-либо части, которая вводит в рассмотрение партикулярию, ни какого-либо выражения, употребленного таким образом, чтобы его употребление предполагало употребление выражений для введения партикулярий. Конечно, если употребляются такие предложения, то сочетание обстоятельств их употребления со временем глагола и имеющимися указательными наречиями, если они их содержат, порождает высказывание об области осуществления универсальной особенности, которую они вводят. Дело в том, что оба эти обстоятельства по меньшей мере существенны для любого языка, в котором вообще можно создавать единичные эмпирические высказывания: а именно введение в рассмотрение общих понятий и указание их области осуществления. Однако важен именно тот факт, что это можно делать при помощи высказываний, которые совсем не вводят партикулярии в наше рассуждение и не предполагают другие области рассуждений, в которых вводятся партикулярии.

Языки, создаваемые по образцу таких языков, как упомянутые, иногда называют языками с «локализацией свойств». Однако это не очень удачное название: универсальные объекты, фигурирующие в моих примерах, не являются свойствами; в

¹ Просто (лат.). — Прим. пер.

действительности, идея свойства принадлежат к уровню логической сложности, которого мы попытаемся достигнуть несколько ниже. Именно поэтому я посчитал нужным использовать менее философски нагруженное слово «особенность» и говорить о предложениях, «размещающих особенности».

Хотя предложения, размещающие особенности, не вводят партикулярий в наше рассуждение, они обеспечивают основу для такого введения. Факты, которые они констатируют, образуют пресуппозиции в требуемом смысле при помощи введения в рассмотрение некоторых видов партикулярий. То, что должны существовать факты, констатируемые посредством таких предложений, как «Здесь есть вода», «Дождит», является условием высказываний, в которые вводятся¹ партикулярии посредством таких выражений, как «Эта лужа воды», «Этот снегопад». В общем случае переход от фактов, относящихся к виду пресуппозиций, к введению в рассмотрение партикулярий, для которого они обеспечивают основу, связан с концептуальными сложностями: он включает в себя принятие критериев отличия и в отдельных случаях — повторного распознавания партикулярий рассматриваемого вида, а также и употребление характеризующих универсалий, которые могут быть связаны с партикулярией этого вида. *Основа* критериев отличия, вполне возможно, действительно уже существует на уровне размещения особенностей. Дело в том, что можно сказать «Снег есть здесь» или «Золото есть здесь», возможно, мы также можем сказать «Снег (золото) есть *здесь* — и *здесь* — и *здесь*». Факторы, определяющие множественность размещения, при введении в рассмотрение партикулярии могут стать критериями для отличия одной партикулярии от другой. О критериях повторного распознавания я выскажусь несколько позже.

Вполне разумно было отметить, что для общей теории пресуппозиций ни в коей мере недостаточно обнаружить только некоторый класс выступающих в роли пресуппозиций фактов, которые соответствуют последнему шагу регресса, шагу, на котором вообще не вводятся никакие партикулярии. Поскольку если данная теория должна работать в общем случае, то любой

путь, а не только специально выбранные пути регресса, должен приводить в конце к фактам такого рода. Достаточно разумно требовать от фактов только что рассмотренного класса обеспечения основы для введения в рассмотрение определенного вида партикулярий. Однако было бы крайне нерациональным требовать, чтобы партикулярии этих видов вместе с приписываемыми им характеризующими универсалиями обеспечивали основу для введения в рассмотрение всех вообще других партикулярий. В первой части этой книги обосновывался взгляд, согласно которому некоторые виды партикулярий с точки зрения распознавания являются базисными партикуляриями в нашей концептуальной схеме. Примерно таковыми считались те непосредственно локализуемые партикулярии, которые являются материальными телами или обладают последними. Если бы мы — при разумном отборе партикулярий этого класса — смогли обнаружить такие факты-пресуппозиции, что в констатирующих их высказываниях не вводились бы в рассмотрение партикулярии, то, возможно, мы могли бы считать такую общую теорию оправданной. Дело в том, что о фактах, включающих базисные партикулярии, можно заранее предположить, что они обеспечивают непосредственно или опосредованно основу для введения в рассмотрение большинства типов партикулярий, не являющихся базисными. Среди явных исключений — такие не являющиеся базисными партикулярии, как публичная аудитория, зрительные явления типа вспышек и взрывов, которые непосредственно пространственно локализуемы, но не воспринимаются, нами с такой же необходимостью как партикулярии других типов, например события, случающиеся с [чем-либо], или состояния [чего-либо]. Однако если это и порождает какую-либо проблему, то она, вероятно, относится к проблемам второго порядка.

Однако базисные партикулярии, как кажется, сами порождают серьезную проблему. Дело в том, что в той мере, в какой партикулярии типа луж с водой, кусков золота и т. п. действительно принадлежат к классу базисных партикулярий, о них вряд ли можно сказать, что они составляют хорошую или ра-

зумную выборку из этого класса. Видовые универсалии, примерами которых они являются (*лужа воды, кусок золота*), сходны с ними в этом отношении, а именно в том, что их имена включают в себя как части имена видов вещества (*вода, золото*), которые представляются в высшей степени или даже единственным образом приспособленными к тому, чтобы вводиться как универсальные объекты в предложения, размещающие особенности. Именно поэтому в естественном языке так легко обнаружить убедительные примеры случаев, в которых мы действуем не с понятием конкретных примеров, например золота или снега, но только с понятием самой универсальной особенности и понятием размещения. Однако видовые универсалии (например, люди, горы, яблоки, коты, деревья) не разделяются столь удачно на такие конкретные единицы деления, как *лужа* или *кусок*, с одной стороны, и общие особенности, такие, как *вода* или *золото*, — с другой. Основание этого различия легко увидеть. Дело в том, что партикулярии типа куч снега можно физически сгрести вместе, чтобы получить одну конкретную массу снега; однако мы не можем сгрести вместе конкретных котов, чтобы получить одного огромного кота. Следовательно, конечно, должно быть значительно труднее предусмотреть ситуацию, в которой вместо работы с понятием видовой универсалии — *котом* или *яблоком* — а следовательно, с понятием конкретных котов или яблок, мы работаем с понятием соответствующей особенности и размещения. Естественный язык, по-видимому, не обеспечивает нас именем универсального объекта, который мог бы считаться требуемой особенностью в случае, например, котов. Не состоит ли, возможно, существенное различие между, например, котами и снегом в том обстоятельстве, что не *могло* существовать понятия «особенность кота» такого, как, по-видимому, требует данная теория, то есть что любая общая идея кота *должна* вместе с тем быть идеей *какого-либо* кота, то есть должна уже включать критерии отличия и повторного опознания для котов как партикулярий?

Хотя эти затруднения весьма существенны, они не оказывают решающего влияния на решение нашей проблемы. Дело в

том, что они не доказывают, что логически абсурдно предполагать, что может существовать уровень мышления, на котором мы признаем наличие котов или знаки прошлого или будущего наличия котов, и все же не мыслим конкретных котов как распознаваемых. Предположим, что идея такого уровня мышления логически последовательна, и введем как ее языковой аналог идею формы языковой деятельности, которую, если вспомнить о языковых играх, можно было бы назвать «игрой именованья». Занятие игрой именованья можно сравнить с одним из самых ранних видов действий, которые дети осуществляют с языком — когда они произносят общее имя вида вещей в присутствии вещи этого вида, говоря «утка», когда присутствует утка, «мяч», когда присутствует мяч, и т. п. Поэтому можно сказать, что эти обороты речи совпадают по смыслу с «Есть некая утка», «Есть некий мяч» и т. п., то есть они совпадают по смыслу с формами, занимающим в языке место, которое они действительно занимают, только потому, что выражения, использованные для распознающего обозначения партикулярий, занимают в языке то место, которое *они* занимают. Однако никто из тех, для кого эти последние речевые высказывания имеют смысл, не занимается «игрой именованья». Это замечание фактически лишает меня права опираться на предполагаемый факт занятия игрой именованья. Но мне нет никакой необходимости опираться на него. Все, что нужно, — это принять, что понятие игры именованья логически состоятельно, принять, что способность совершать распознающие обозначения таких вещей, как мячи и утки, включает способность осознавать соответствующие особенности. В то же время логически возможно, что осознавать особенности приходится и не обладая концептуальными средствами распознающего обозначения соответствующих партикулярий. В свете этого допущения не имеет значения, являются ли речевые высказывания игры именованья или речевые высказывания, размещающие особенности, общераспространенными или привычными. Как только мы признаем, что введение партикулярий в рассмотрение является настолько фундаментальным концептуальным шагом, мы по-

кидаем первоначальный допартикулярный уровень мышления как не более чем языковой пережиток.

Однако является ли идея игры именования логически состоятельной и самостоятельной — то есть отличной от идеи подведения партикулярии под видовую универсалию? Чтобы ответить на этот вопрос, следует подробнее сказать о критериях отличительности и повторного распознавания, входящих в концептуальный сдвиг по направлению к партикуляриям. Я только что рассматривал возможное возражение, согласно которому не *может* быть никакой идеи особенности кота, которая была бы отлична от видовой универсалии *кот* и все же формировала основу для нее так же, как общая особенность — *снег* — отличен от видовой универсалии *ком снега* или *падение снега*, но все же формирует основу для нее; дело в том, что в случае котов не существует общей особенности, которую можно было бы представить разделенной разными способами и тем самым порождающей различные видовые универсалии, как в случае, когда общую особенность — снег — можно представить разделенной разными способами и порождающей различные видовые универсалии. Однако действительное содержание этого возражения не сводится к тому, что требуемый тип общего понятия кота невозможен, но скорее состоит в том, что это понятие уже должно включать в себя *основу* для критериев *отличительности*, которые мы применяем к конкретным котам. Кратко говоря, эта идея особенности кота в отличие от идеи особенности снега должна включать идею характерной формы, характерного образца заполнения пространства.

Что же теперь можно сказать о критериях повторного распознавания? Образует ли понятие особенности кота *основу* для него? Если да, то в чем состоит содержание оборота «основа для критериев»? Может, это не только попытка убедить нас, в существовании различия там, где его нет, различия между понятием особенности кота и видовой универсалией кот? Это первостепенный вопрос. Я полагаю, что ответ на него выглядит следующим образом. Понятие особенности кота действительно обеспечивает основу для идеи повторного распознава-

ния конкретных котов. Дело в том, что это понятие включает в себя идею характерной формы, характерного образца заполнения пространства; а эта идея естественным образом ведет к идее непрерывной траектории, прослеживаемой через пространство и время при помощи такого характерного образца; а эта идея, в свою очередь, обеспечивает ядро идеи тождества партикулярии для базисных партикулярий. Однако это — не то же самое, что сказать, что обладание понятием особенности кота влечет за собой обладание этой последней идеей. Выполняя действия с идеей повторно распознаваемых конкретных котов, мы различаем случай, в котором конкретный кот появляется, исчезает и опять появляется, и случай, в котором конкретный кот появляется, исчезает, а другой кот появляется. Однако в игру именования можно играть и без проведения такого различения. Некто, занимаясь игрой именования, может в обоих случаях вполне правильно сказать «Еще кот» или «Снова кот»; однако тот, кто выполняет действия с идеей конкретных котов, впал бы в заблуждение, если бы сказал: «Другой кот» в первом случае или «Тот же кот снова» во втором. *Решающий концептуальный шаг по направлению к котам-партикуляриям совершается тогда, когда случай «еще кот» или «снова кот» подразделяется на случай «другой кот» и случай «тот же кот снова».*

Можно было бы возразить, что даже если понятие особенности кота не тождественно с понятием кота как видовой универсалии, все же оно тождественно с понятием другой видовой универсалии, а именно с временным срезом кота; что тот, кто, играя в игру именования, говорит «Кот!», говорит, по крайней мере, нечто такое, что имеет смысл «Здесь существует некоторый срез кота». Это возражение следует внимательно проанализировать, поскольку идея временных срезов самостоятельно существующих вещей является своеобразной философской идеей, которая вряд ли когда-либо была адекватно разъяснена. Нам следует спросить: Каковы временные пределы среза кота? Когда нам следует говорить, что мы все еще имеем дело с *тем же* срезом кота? Должны ли мы говорить, что мы имеем дело с

другим срезом кота, когда то, что мы обычно называем *позой* кота, изменилось? Или его *положение*? Или то, и другое вместе? Или следует ли нам говорить, что пределы среза кота даются временными пределами периода непрерывного наблюдения особенности кота? Не думается, что из понятия особенности кота следует ответ на эти вопросы. А если не следует, то ложно, что обладание понятием особенности кота влечет за собой обладание понятием этих своеобразных философских партикулярий. К тому же, можно заметить, что последний из предложенных ответов лишил бы получающиеся партикулярии статуса предметных партикулярий. Их лучше было бы назвать «образами кота», или «срезами кота». Мы уже убедились в подчиненном положении, которое занимают в нашей концептуальной схеме, такого рода партикулярии.

Тем не менее я полагаю, что следует признать наличие пределов общности нашей теории. Например, когда партикулярии, для которых мы ищем основу, являются резко определенными и кратковременными событиями — такими, как вспышки и взрывы, — событиями, о которых мы говорили в первой главе, то представляется затруднительным настаивать на параллельном концептуальном различии между обладанием понятием особенности и обладанием понятием видовой универсалии. Все равно должно существовать *формальное* различие между речью о конкретных взрывах или вспышках и речью, например, о моментах времени, в которые взрывалось и вспыхивало. Однако введение₂ конкретных взрывов в рассмотрение, по-видимому, не включало бы в ходе принятия критериев тождества взрывов тот вид рассмотрения новых понятий, который обсуждался в других случаях. Понятие особенности не просто обеспечивало бы *основу* для этих критериев; оно полностью бы их определило. Это ограничение общности нашей теории, однако, относится к числу тех, которые следует принимать с некоторой степенью невозмутимости. Дело в том, что то положение принципиально распознаваемых партикулярий, которое непродолжительно существующие объекты, подобные вспышкам и взрывам, занимают в нашей концептуальной схеме, как я

показал в первой главе этой книги, зависит от принципиальной распознаваемости базисных партикулярий. Вполне достаточно, если теория верна для самих базисных партикулярий. Насколько большой и насколько упрощающий концептуальный шаг включен в их введение², будет той темой, которую я попытаюсь прояснить в следующей главе.

Таким образом, я полагаю, что в суждениях, размещающих особенности, в суждениях, наглядно указывающих область осуществления общей особенности, которая не является, или еще не является, видовой универсалией, можно обнаружить искомый уровень последних суждений. Нам нет необходимости отдельно рассматривать вероятность идеи тех размещающих особенности суждений, которые соответствуют каждому конкретному виду базисных партикулярий, о котором мы говорим. Достаточно, если мы можем сделать это для образцовых примеров очень широких категорий базисных партикулярий. Понятия других видовых универсалий в рамках этих широких категорий можно представлять как сформированные по образцу отобранных примеров.

Я везде говорил о *введении* понятий, о концептуальных *шагах* или *переходах*, как если бы я говорил о событиях во времени, о шагах, которые имеют временной порядок. Возможно, имеются такие стадии в истории концептуального развития индивидуального лица, возможно, нет. Я не знаю этого, и это не имеет никакого значения. Речь идет не о порядке событий во времени, но о порядке объяснения; что, в конце концов, в результате рассуждений представляется нам — обладателям концептуальной схемы — логически последовательным и вразумительным упорядочением ее элементов. Конечно, имеется точка, в которой рассуждение должно закончиться, и все дело в нашем понимании того, что мы собственно делаем. Однако не может существовать лучшего свидетельства в пользу представления о структуре нашей концептуальной схемы, чем тот факт, что мы обязательно считаем такие-то и такие-то аргументы убедительными. Я должен признать, что, судя на основании этого критерия, теория из этого раздела имеет спекулятивный и

недостовверный характер, чем, по моему мнению, не страдает теория «завершенности» из первой части этой главы. К счастью, приемлемость второй не зависит от состоятельности первой.

[7] Теория пресуппозиций₁ и теория пресуппозиций₂ независимы друг от друга. Однако если принять обе, то они могут переплестись друг с другом и привести к некоторой логико-метафизической картине. Я суммарно намечу ее основные черты.

Я ставил своей целью разработать концепцию, согласно которой мысль о партикулярии является завершенной мыслью, тогда как мысль об универсалии не является, или не нуждается в том, чтобы быть таковой; показать, каким образом партикулярия обладает логической целостностью, завершенностью мысли, которой универсалия не обладает или в которой она не нуждается. Можно впасть в искушение выразить эту идею, высказав нечто похожее на: «Партикулярия есть конструкция из фактов, тогда как универсалия есть абстракция от фактов». Однако это слишком неясно. Поэтому мы пытаемся подойти к целостности партикулярии при помощи ее разложения. Однако существуют различные способы попытаться разложить ее¹.

Я начал с показа того, каким образом любое введение₁ партикулярии в суждение основывается на определенном факте о мире, отличном от факта, констатируемого суждением, в которое она вводится, тогда как введение₁ универсалии в суждение не обязательно основывается на таком определенном предшествующем факте. Здесь мысль о данной точно распознаваемой партикулярии разлагается на мысль о суждении, которое *как целое* индивидуализирует данную партикулярию, но не содержит какой-либо части, вводящей ее в рассмотрение. Такое су-

¹ Один способ явно неправилен: это — попытка разложить мысль о партикулярии на, с одной стороны, мысль о самой партикулярии, а с другой стороны, на мысль о видовой универсалии, примером которой является партикулярия. Я описал этот способ таким образом, чтобы его ложность, его самопротиворечивость стала очевидной. Это — путь, который приводит к непознаваемому субстрату.

ждение индивидуализирует партикулярию, для введения которой оно обеспечивает основу, описывая ее либо (а) как единственным образом относящуюся к некоторой другой точно распознаваемой партикулярии, либо (b) как единственную реализацию некоторого комплекса универсальных и указательных элементов. Однако такие суждения сами включают в себя, по крайней мере, квантификацию по партикуляриям и могут включать также введение₁ партикулярий в рассмотрение. Это не логический недостаток метода, поскольку это — теория введения₁, а не введения₂ партикулярий в рассмотрение. Однако она оставляет нас с некоторым чувством незавершенности.

Поэтому мы бросаем взгляд вокруг в поисках некоторого метода, который можно применить в какой-то момент — нам нет необходимости применять его все время, — чтобы дополнить первый метод разложения целостности партикулярии. Здесь мы обретаем ключ к признанию существования разных типов партикулярий и, в частности, различия зависимых и независимых партикулярий. Дело в том, что это дает нам идею типа разложения такого, что ни одна видовая универсалии, примером которой служит разлагаемая партикулярия, не будет фигурировать в этом разложении, хотя некая универсалия, в некотором отношении аналогичная такой видовой универсалии, может это делать. Нам следует обнаружить факт такого типа, который можно рассматривать как лежащий в основе партикулярии, но составляющей которого не является никакая видовая универсалия, примером которой выступает данная партикулярия. В случае зависимых партикулярий относительно легко увидеть, каким образом это сделано. Должен существовать факт об относительно независимой партикулярии, служащий основой для любой мысли о зависимой партикулярии. Однако если нам придется довести этот метод до данного предела, то представляется, что нам придется в конце концов обнаружить факты, обеспечивающие основу для некоторых партикулярий, но не состоящие ни из какого-либо вида партикулярий, ни из видовых универсалии, примерами которых служат партикулярии какого-либо вида. *Можно* найти факты такого

рода с достаточно широкой для наших целей областью распространения или, по крайней мере, можно усвоить идею таких фактов. Это те факты, констатация которых включает указательное размещение универсальных особенностей, не являющихся видовыми универсалиями; и факты этого размещающего особенности рода можно рассматривать как то, что лежит в последней основе нашего способа речи о базисных партикуляриях.

Поэтому фундаментальный образ или фундаментальная метафора, которые я предлагаю, это — метафора партикулярии, основывающейся на факте или развертывающейся в него. Именно в этом отношении мысль об определенной партикулярии есть завершенная мысль. Но мысль об определенной партикулярии, хотя в каком-то смысле она и завершена, в другом смысле таковой не является. Дело в том, что когда мы совершаем переход от данной мысли о факте, в который развертывается партикулярия, к мысли о самой партикулярии, то нам следует думать о ней как о составляющей некоторого дальнейшего факта. Точно так же, как партикулярия основывается на факте или развертывается в него, так и факт, не являющийся общим, может развертываться в партикулярию или обеспечивать основу для нее, при условии, что мы знакомы с критериями распознавания для партикулярий этого класса и с рядом характеризующих универсалий для них, то есть с рядом возможных фактов, составляющими которых они являются.

Если какие-либо факты в рамках этой картины заслуживают быть названными конечными или атомарными фактами, это и есть факты, констатируемые теми суждениями, которые наглядно указывают область осуществления общей особенности. Эти конечные факты не содержат партикулярий как своих составляющих, но они обеспечивают основу для концептуального шага к партикуляриям. Суждения, констатирующие их, не являются субъектно-предикатными суждениями. Почему этот шаг следует сделать, этот вопрос мы рассмотрим позже.

И чтобы завершить обзор. Была поставлена цель — обнаружить основание различения субъекта и предиката при помощи некоторой основополагающей противоположности между

«завершенностью» и «незавершенностью». Эта противоположность должна была объяснить традиционную связь различения субъекта и предиката с различением партикулярий и универсалий. Мы обнаружили, что эта противоположность, так сказать, оказывает давление на идею партикулярии до тех пор, пока она не освободит дорогу идее факта. На предельном давлении мы обнаруживаем факт, размещающий особенность. В это факте нет составляющих партикулярий, зато есть универсалия. Тогда, на этом полюсе данная универсалия встречается как нечто, все еще незавершенное для мышления, как составляющая факта, тогда как данная партикулярия не встречается вообще; и на этом полюсе, говорим мы, противоположность субъекта и предиката исчезает. Таким образом, мы установили как парадигму обозначения, как парадигму введения субъекта, употребление некоторого выражения, вводящего в рассмотрение партикулярию, то есть вводящего в рассмотрение нечто, что одновременно и завершено для мысли в том отношении, что оно разворачивается в факт, и незавершенно в том отношении, что, будучи таким образом введено в рассмотрение, мыслится как составляющая дальнейшего факта; и мы установили как образец описания, введения в рассмотрение предиката, употребление выражения, вводящего в рассмотрение универсалию, то есть вводящего в рассмотрение нечто, что имеет тот же род незавершенности, что и данная партикулярия, однако не обладает ее завершенностью. Два введенных в рассмотрение объекта должны быть таковы, что утверждение безотносительной связи между ними снова составляет нечто завершенное, завершенную мысль; а то что в этом утверждении символ связки приписывается скорее данной универсалии, чем данной партикулярии в конце концов есть только указание на отсутствие у первой той завершенности, которой обладает последняя.

Как только эта фундаментальная связь установлена, более чем один путь открывается для объяснения тех дальнейших расширений данного проблематического различения, которые, например, позволяют универсалиям также появляться в качестве логических субъектов. Однако об этом я скажу больше в главе 8.

ЯЗЫК БЕЗ ПАРТИКУЛЯРИЙ

[1] Обсуждения, имевшие место в конце предыдущей главы, поднимают несколько вопросов. В ходе ответа на них мы можем обрести более определенное понимание понятий партикулярии и логического субъекта. Во-первых, можно спросить, что в точности входит в «шаг» от предложений, размещающих особенности, к введению партикулярий в рассмотрение. Я уже говорил, что введение партикулярий включает готовность действовать с критериями отличия и повторного распознавания для вводимых сущностей. Что же в точности это означает? Если теория, изложенная в конце предыдущей главы, верна, то обычное рассуждение того основополагающего рода, в котором создаются единичные высказывания об эмпирическом факте, содержит некоторые формы, не включающие в себя введение партикулярий или квантификацию по ним. Вызывает интерес, насколько далеко в теории эмпирическое рассуждение можно было бы провести без ссылки на партикулярии, насколько далеко, по крайней мере теоретически, мы можем разработать средства для того, чтобы говорить то, что мы хотим сказать, в частности, на уровне рассуждения о *базисных* партикуляриях, без фактического введения таких объектов. Рассматривая, какие средства нам следует применять при этой попытке обойтись без партикулярий, мы будем способны лучше понять концептуальное воздействие введения их в рассмотрение. По крайней мере, одно очевидно: для того чтобы насколько возможно дальше провести проект устранения партикулярий из рассуждения, нам придется устранить все предикаты партикулярий, все характеризующие и видовые универсалии, в пользу соответствующих понятий-особенностей. Однако очевидно, что потребуются нечто значительно большее.

Другой вопрос, который может возникнуть в связи с этим, таков. На каком основании мы установили правило, согласно которому предложения, размещающие особенности, не являются предложениями субъектно-предикатного типа? Не пожертвовали ли мы этим вопросом в интересах теории «завершенности», изложенной в предшествующей главе? Конечно, это правило находит определенную поддержку в обычной грамматике. Предложение «Дождит», например, не имеет грамматического субъекта; бессмысленно спрашивать «Что дождит?» Однако даже независимо от того, что обычная грамматика не является в этом вопросе надежной поддержкой, — поскольку можно также сказать, например, «Дождь идет», — вполне можно сказать, что обращение к ней является совершенно излишним. «Дождит», произнесенное в соответствующем контексте, имеет почти тот же смысл, что и «Дождит здесь и сейчас». Что может препятствовать нам рассмотреть «здесь» и «сейчас» как субъектные выражения, имеющие своим значением время и место, а остальную часть предложения как предикатное выражение, приписывающее признак этой паре субъектов? Этот вопрос становится еще более актуальным, если мы вспомним одно из тех описаний выражений для логических субъектов, которые мы рассматривали ранее, а именно описание, данное Куайном. Разве не могут эти указательные наречия занимать положения в предложении, которые также могут принадлежать квантифицируемым переменным? По крайней мере, это в значительной степени истинно: там, где можно сказать «здесь», «сейчас» и т. п. при помощи указательного местоимения, размещающего особенность, также часто можно сказать «где-то», «нигде», «когда бы ни». Разве нам не следует говорить, что «Никогда не дождит, но всегда льет как из ведра», является предложением, содержащим квантификацию? Можно было бы записать это предложение как «Где бы и когда бы ни дождило, там и тогда льет как из ведра», или, употребляя «*p*» и «*t*» как переменные для места и времени соответственно как «Для каждого *p* и *t*, если дождит в *p* и *t*, то льет как из ведра в *p* и *t*». Подобным же образом можно было

бы записать «Всякий раз, как дождило вчера, снова дождит сегодня» в следующем виде: «Для каждого p , если существует такой t , что t был вчера и дождило в p и t , то существует t такой, что t есть сегодня и дождит в p и t ». Тогда если мы признаем, что этот, так сказать, «тест на квантификацию» является окончательным, то существует повод заявить, что указательные наречия места и времени являются субъектными выражениями, и, соответственно, что обороты типа «дождит» являются предикатными выражениями. Что же в таком случае происходит с теорией, изложенной в предыдущей главе?

Однако здесь нам следует провести одно различие. Везде я предполагал, что условием того, чтобы некоторое выражение было выражением единичного логического субъекта, является то, что оно должно вводить, то есть точно распознавать объект. Грамматический критерий различения субъекта и предиката основывался на различении способов введения объектов в рассмотрение, категориальный критерий — на различении типов вводимых объектов. В таком случае не может даже возникнуть вопроса о преждевременном исключении мест и времен из числа кандидатов на роль логических субъектов. Дело в том, что возможно точно распознавать времена и места в языке, возможно вводить их как точно распознаваемые объекты; их можно обозначать при помощи имени или определенного описания. Однако, хотя времена и места *можно* вводить как объекты в суждения, они не вводятся как таковые при помощи указательных наречий, о которых здесь идет речь. Эти демонстративы вообще не вводят объекты в рассмотрение. Фактически они служат для указания на область осуществления общей особенности, введенной остальной частью предложения, размещающего особенности; однако нельзя утверждать, что при помощи «сейчас» или «здесь» независимо распознается какое-то время или место. «Сейчас» и «здесь» сами по себе не проводят никаких границ; также в их функции не входит вводить не имеющие протяжения точки или не имеющие длительности моменты. Они действуют исключительно как указатели на некоторые пределы пространства и времени, которые они сами

по себе не определяют. Таким образом, тот факт, что о них можно сказать, что они проходят «тест на квантификацию», не следует считать решающим аргументом. Поскольку они не вводят объекты в рассмотрение, они не являются выражениями логических субъектов.

И все же можно было бы сказать, что изложенное не решает вопроса о том, следует ли высказывания, размещающие особенности, считать субъектно-предикатными высказываниями, в пользу правила, согласно которому они таковыми не являются. Указательные наречия дисквалифицированы как субъектные выражения, потому что они не вводят объекты в рассмотрение. Что же тогда можно сказать о выражении, которое вводит данную универсальную особенность, предназначенную для размещения? Это выражение вводит объект в рассмотрение. Почему же тогда его не считать субъектным выражением, а указательные наречия вместе с символами суждения — предикатным выражением? Достаточно легко приспособить грамматику к использованию существительного, означающего особенность, и устранению безличных глаголов. В общем случае мы говорим «Здесь ф»¹ либо вместо «Здесь ф-ит»², либо вместо «Здесь существует ф».

Наша реакция на это предложение должна зависеть, так сказать, от того духа, в котором оно сделано. Интерпретированное догматически, оно сводилось бы к предложению проигнорировать все обсуждения последних двух глав, проигнорировать все то, что было сказано там о нашем понятии различения субъекта и предиката. Однако его можно проинтерпретировать и в менее вызывающей манере. Можно рассмотреть в нем замаскированный намек на то, каким образом различение субъекта и предиката следует распространять вниз — от образцовых случаев к частному случаю предложения, размещающего особенность. В парадигматическом случае существуют два выражения, причем оба вводят объекты в рассмотре-

¹ Например, «Здесь дождь». — *Прим. ред.*

² Например, «Здесь дождит». — *Прим. ред.*

ние, а одно из них, а именно то, которое переносит пресуппозицию факта, обладает завершенностью, которой не обладает другое. Первое представляет собой образцовое субъектное выражение, второе — образцовое предикатное выражение. В предложении, размещающем особенность, нет такого противопоставления завершенности и незавершенности; однако существуют два различных элемента которые, будучи соединены, приводят к суждению, и если мы попробуем распространить наше различие на этот случай, то сила аналогии работает на наше нынешнее намерение. Универсалия-особенность может, в конце концов, встречаться как субъект в суждениях различного рода, которые уже были признаны субъектно-предикатными суждениями в ходе более раннего аналогичного расширения образцового случая (то есть в таких суждениях, как «Снег [есть] белый»); однако нет никакого такого случая уже признанного типа, в котором указательные наречия играют роль субъектных выражений.

Данное намерение в такой интерпретации выглядит вполне приемлемым; однако принятое в таком порядке оно не противоречит утверждению о том, что если мы *ограничимся* рассмотрением размещающего особенности уровня высказывания, то данное различие субъекта и предиката не имеет места.

[2] Обратимся к краткому рассмотрению некоторых из тех проблем, с которыми мы могли бы столкнуться в ходе нашей попытки построить язык без партикулярий — или, по крайней мере, без таких партикулярий, которые являются примерами обычных видовых универсалий. Попытка построить в таком языке предложения, которые имели бы примерно такой же смысл, что и предложения, обычно высказываемые о базисных партикуляриях, не только привела бы к ненормальному раздуванию класса выражений, использованных для введения понятий-особенностей; кажется весьма вероятным, что это также заставило бы нас прибегнуть к некоторым крайне искусственным конструкциям. Для обычных партикулярий сама природа видовых универсалий, примерами которых они служат, задает

принципы отличия одной партикулярии от другой и для повторного распознавания партикулярии как опять той же самой. Условием существования партикулярий в нашей концептуальной схеме является существование таких принципов. Если же нам надо построить в нашем новом языке высказывания, имеющие приблизительно тот же смысл, что и высказывания о партикуляриях, нам необходимо обнаружить некоторый заместитель особенностей недоступного нам концептуального материала, полученный из доступного нам концептуального материала. Мы должны каким-то образом выявить те основания различия и повторного распознавания партикулярий, которые неявно входят в употребление видовых универсалий, примерами которых являются партикулярии. Нет никаких оснований полагать, что это невозможно, однако также нет оснований полагать, что это получится без труда. Можно ожидать, что в ходе решения этой задачи мы посчитаем целесообразным провести границы отрезков времени и мест, ввести пространственные и временные объекты и провести квантификацию по ним. Однако, очевидно, не существует ответов на такие ясные вопросы, как: каковы пределы объема пространства? Когда один период времени заканчивается и другой начинается? Если нужно отличить друг от друга такие объемы и пространства вне зависимости от обычных партикулярий, нам приходится вернуться к особенностям, которые занимают пространство и время или встречаются в них, чтобы дать нам наши пределы и наши длительности. Конечно, существуют универсалии пространственного и временного количества такие, как кубический метр или час; и возможно, что мы могли бы найти для них некоторый способ употребления. Однако если нам надо распознать конкретные примеры таких универсалий, то необходимо вернуться к особенностям, которые занимают такие оформленные объемы пространства, такие промежутки времени.

Одна проблема, с которой мы сталкиваемся на ранней стадии, связана с решением относительно точной значимости высказывания, сводящегося к тому, что некоторая особенность расположена где-то в некоторое время. Эта проблема не суще-

ствует на уровне самих предложений, размещающих особенности; дело в том, что, как мы уже отмечали, указательные наречия не вводят пространственные или временные объекты. Однако мы сталкиваемся с ней, как только признаем потребность обозначать места и времена как пространственные и временные объекты и квантифицировать по ним. Сразу приходит в голову, что особенность занимает какое-то место в некоторое время, если ни одна часть этого места не занята этой особенностью в это время. Однако вскоре выясняется, что, по крайней мере, для случая понятий-особенностей, которые включают идею характерной формы, характерного образца занятия пространства, это положение весьма двусмысленно. Что нам следует понимать под выражением, что место «занято особенностью» в определенный момент или в течение определенного времени? Предположим « ϕ » и « ψ » являются выражениями для обычных видовых универсалий, а « ϕ -ит» и « ψ -ит» — выражениями для введения соответствующих понятий-особенностей. Тогда только что рассмотренное двусмысленное положение могло бы означать, что « ϕ -ит p, t » выполняется для любой точки, или площадки или объема p и для любого момента или промежутка времени t таких, что пространственные границы p совпадают с множеством пространственных границ, прочерченных ϕ -признаком за все время t . С другой стороны, это предположение может означать, что « ϕ -ит p, t » имеет место для любых p, t таких, что пространственные границы p либо совпадают по протяжению с множеством пространственных границ, прочерченных ϕ -особенностью в течение всего t , либо лежат внутри него. (К примеру, предположим, что ϕ есть «кот» а « ϕ -ит» вводит соответствующую особенность кота. Допустим, что существует кот, который не движется в течение t . Тогда согласно первой интерпретации « ϕ -ит p, t » имеет место только для того p , который представляет собой весь объем пространства, занимаемый котом в течение t ; согласно второй интерпретации они имеют место также для любой части этого объема пространства.) Эти возможности, конечно, не исчерпывают те смыслы, которые мы могли бы придать фразе, что при-

знак находится где-то в такое-то время; однако трудно представить другие интерпретации, которые хотя бы похожим образом предлагали возможные средства решения нашей проблемы. Представляется, что из двух этих интерпретаций первая с большей вероятностью способна в целом уменьшить наши затруднения, какие бы ограничения она ни налагала на нашу способность обнаруживать варианты всего того, о чем мы обычно говорим. Дело в том, что она, по крайней мере, позволяет нам, так сказать, заимствовать критерии *отличения* мест у понятий-особенностей, вводимых нами; и тем самым порождает в нас надежду на то, что пока мы озабочены только различием партикулярий в некоторый момент или в некоторый период, в течение которого их положения и границы остаются неизменными, мы находимся не в более затруднительном положении, говоря о местах и особенностях, чем, говоря о самих партикуляриях. Это можно прояснить с помощью примера. Предположим, что мы хотим выразить на нашем языке без партикулярий суждение, соответствующее тому суждению, которое обычно выражается при помощи: «Сейчас существуют ровно три ϕ в этом ψ » — высказывание, которое одновременно и вводит₁ партикулярию в рассмотрение, и содержит квантификацию по партикуляриям. В соответствии с предложенной конвенцией мы могли бы получить что-то близкое к желаемому результату при помощи: «Здесь существует место такое, что сейчас ψ -ит в этом месте, и такое, что сейчас ϕ -ит ровно в трех местах в рамках этого места». В соответствии со второй предложенной конвенцией нам следует сказать нечто более сложное. Нам придется говорить, что по крайней мере: «Здесь существует место такое, что сейчас ψ -ит, в этом месте и такое, что в рамках этого места существуют три места, в которых сейчас ϕ -ит, и которые таковы, что любое место, в котором сейчас ϕ -ит и которое находится в рамках первого места, попадает в одно или другое из этих трех мест и также таково, что никакие два из этих трех не попадают в какое-либо место, в котором сейчас ϕ -ит».

Я сказал, что эти формулировки могли бы приблизить нас к желаемому результату. Однако в конечном счете не очень

сильно приблизить. Когда мы говорим, что существуют три ϕ в определенном месте, мы подразумеваем больше, чем то, что ϕ -ит в трех различных местах в определенном месте; дело в том, что понятие ϕ -особенности совершенно не обладает тем, что включает в себя понятие видовой универсалии ϕ , а именно критериями повторного распознавания конкретных ϕ . Нам еще можно было бы не замечать этот факт в случае какого-либо примера типа только что рассмотренного, в котором вопросы о постоянстве конкретных ϕ во времени не являются главными. Однако такие вопросы достаточно быстро становятся главными, как только мы выходим за пределы области немногих примеров типа приведенного, и приносят с собой проблемы, решение которых при помощи доступных нам средств значительно сложнее, чем то, которое я пытаюсь предложить. Однако хотя детально проработанное решение этих проблем потребовало бы от нас затратить слишком изощренные усилия для достижения не такой уж важной цели, общий характер его достаточно ясен. Мы только что видели, что, пока мы заняты различением партикулярий в некоторый момент или период времени, в течение которого их положения и границы остаются неизменными, мы можем упростить нашу проблему при помощи, так сказать, заимствования критериев *отличения* мест у самих понятий-особенностей, соответствующих видовым универсалиям, примерами которых являются эти партикулярии. Однако такого рода средства недоступны для выражения идеи постоянства партикулярий во времени. Если бы они *были* доступны, то это могло бы быть только благодаря тому, что объявленный проект ведения речи при помощи особенностей, времен и мест вместо речи при помощи обычных партикулярий целиком был бы подделкой. Если же данный проект не предназначен быть подделкой, то нам не остается ничего иного, как признать необходимость прояснения при помощи имеющихся в нашем распоряжении средств всех тех касающихся пространственно-временных непрерывностей и прерывностей соображений, которые неявно содержатся в значениях обычных видовых универсальных выражений и логически относятся к постоянству

во времени тех партикулярий, которые подпадают под них. Этот проект я оставляю тем, у кого вкус к упражнению в изобретательности ради нее самой больше, чем у меня.

[3] Хотя я и не собираюсь заниматься осуществлением этого проекта, тем не менее имеются некоторые связанные с ним интересные положения, которые я сейчас вкратце рассмотрю. Если попытаться удовлетворить требования проектируемого языка, то нам придется использовать такие формы, из которых можно построить распознающие описания времен и мест. При этом придется обрести способность вводить, пространственные и временные объекты, чем мы до сих пор не занимались, поскольку работали только на уровне указательных предложений, размещающих особенности; дело в том, что указательные местоимения служат только знаками, показывающими правильное пространственно-временное направление, хотя и необходимыми знаками. *Если принять первую из альтернативных конвенций, охарактеризованных в предыдущем разделе*, то самая простая возможная форма примера такого рода описания места была бы следующей: «Место здесь, в котором сейчас ф-ит». Такое описание применялось бы к области или объему, приблизительно намеченным при помощи указательных местоимений, границы которых совпадали бы по протяжению с теми границами, которые были заняты в течение времени, приблизительно намеченного указательным местоимением, партикулярией ф, не изменявшей в течение этого времени своего положения или своих границ. Очевидно, что можно было бы сконструировать более замысловатые формы распознающих описаний мест; нам не следует ограничиваться, к примеру, распознаванием мест при помощи указания на то, каким образом они заняты *в настоящем*. Нет никаких оснований отрицать, что выражения, распознающие места и времена, обладают статусом выражений логических субъектов. Поэтому такой язык был бы субъектно-предикатным языком. Однако это допущение можно сделать и не принимая теорию различения субъекта и предиката, названную нами теорией «завершенно-

сти». Дело в том, что распознавание пространственного или временного объекта всегда основывается на факте занятия пространства и времени некой особенностью или особенностями. О вводимых в рассмотрение пространственных и временных объектах можно было сказать, что они сами являются партикуляриями. Однако очевидно, что они представляли бы собой партикулярии весьма специфического рода. Возможно, они не представляли ли бы собой примеров видовых универсалий за исключением некоторых временных партикулярии типа ночей и дней. Одно и то же место может быть совершенно по-разному занято в различное время; какой-либо особенности, примером которой было бы данное место, даже нельзя дать имени; тот факт, что некоторое место в некоторое время было занято определенным образом, был бы случайным фактом о нем в том смысле, в котором не является случайным фактом о Сократе то, что он является человеком.

Другие теоретические возможности выявляются сами. Я говорил, что точно распознаваемые пространственные объекты, вводимые в рассмотрение описаниями в нашем воображаемом языке, не являются примерами видовых универсалий. Это замечание нуждается в ограничении. Они действительно не являются примерами видовых универсалий, соответствующих универсалиям-особенностям нашего языка. Однако разве не могли бы они быть примерами того, что можно было бы назвать универсалиями формы-и-размера? В таком случае точно распознаваемое место могло бы считаться стандартным примером кубического метра. Если мы теоретически готовы признать одну универсалию такого рода, то нет никаких оснований, по которым мы не должны признавать других, и нет никаких оснований, по которым мы не должны признавать идею математической точки, не имеющей протяжения. Не могли ли бы мы в таком случае мыслить о мире в целом почти так же, как мы иногда действительно мыслим о его части, когда у нас в распоряжении имеется карта этой части? Разглядывая карту, мы иногда мыслим часть мира как нечто, составленное из определенного числа протяженных мест стандартной формы,

единиц площади, представленных на карте квадратами, и неопределенного числа непротяженных точек, каждая из которых в принципе распознается, если указать ее на карте. Итак, в рамках этой теоретически возможной схемы не могли ли бы мы мыслить мир в целом как систему распознаваемых точек и распознаваемых площадей и объемов стандартной формы и размера, которым можно было бы приписать общие особенности, тогда как партикулярии в обычном смысле в нашей схеме вообще не фигурировали бы? Если добавить возможность соответствующего введения в рассмотрение моментов и единиц времени, то мы получаем схему, размышления о которой не всегда трактовались философами как полностью несерьезные.

Я упоминаю возможность такой схемы только ради полноты рассмотрения. Конечно, мы можем пользоваться схемой таких пространственных и временных индивидов в рамках более широкой схемы, которая также содержит обычные партикулярии, и мы действительно пользуемся ею таким образом. Однако если мы хотим представить ее работу вне обычных установок, то нам придется допустить, что она предполагает схему, при помощи которой мы формируем распознающие описания площадей или объемов, границы которых очерчены универсальными особенностями. Нам придется представлять ее только как *расширение* и *улучшение* схемы, в которой места и времена занимают место обычных партикулярий как распознаваемых индивидов; но не как целую схему или ее основную часть.

Корректируя эту схему в направлении к другой возможности, рассмотрим один курьезный факт, касающийся любой схемы, в которой места и времена занимают место обычных партикулярий как распознаваемых индивидов. Предположим, что имеется гранитный брусок, который сохраняет неизменными свои положение и границы. Предположим, что распознающее описание формируется в нашем воображаемом языке на основе соответствующего места, занятого особенностью гранита. Пока положение остается неизменным, различие между языком партикулярий и языком мест, так сказать, не работа-

ет. Нет никакой разницы между местом и тем, что его занимает. Критерии распознавания для мест и для партикулярий ведут в этом случае к одному и тому же результату. Это можно также выразить, сказав, что если мы не допускаем явлений движения и изменения формы и размера, то две эти концептуальные схемы превращаются в одну. Если же отказаться от этого допущения, то язык партикулярий оказывается значительно проще.

Теперь предположим, что возникает идея считать нашими индивидами места-времени, а не места и времена. Места-времени ограничены и в пространственном, и во временном отношении. Их границы также можно провести различными способами. Их пределы могли бы совпадать с пределами непрерывного занятия их некоторой особенностью. Так, предположим, что наш брусок гранита двигался или от него был отколот кусочек. Тогда индивидуальное место, которое он занимает, продолжало бы существовать, хотя уже занимаемое по-другому; индивидуальный брусок продолжал бы существовать, хотя и обладал бы другой формой и положением; однако индивидуальное место-время, которое он занимал, просто прекратило бы существовать. Индивиды, имеющие такого рода пределы, пожалуй, соответствовали бы обычным партикуляриям в большей степени, чем любые другие из тех, что мы уже рассматривали ранее в этой главе, хотя соответствие все же не было бы слишком точным. Их можно было бы отождествить с «пространственно-временными срезами» обычных партикулярий, о которых иногда говорят философы. Однако мы опять же могли бы представлять пределы пространств-времен различным образом, например, как состоящими из участков или объемов стандартной формы и размера в течение стандартной единицы длительности — например, кубический фут в час. Индивиды, имеющие такие пределы, только случайно совпадали бы с пространственно-временными срезами обычных партикулярий, если бы вообще совпадали. Однако, как и в случае стандартных мест-индивидов, невозможно представить схему таких стандартных единиц места-времени иначе, чем как теоретически возможным расширением и уточнением другой схе-

мы, а именно той, в которой пределы пространственно-временных индивидов проводятся при помощи пространственно-временного распределения общих особенностей.

Соображения, приведенные в этой главе, не дают никаких оснований для изменения выводов предыдущей главы. С очевидностью возникают два положения. Если, все еще избегая введения обычных партикулярий, мы вводим в язык размещения особенностей точно распознаваемые объекты иные, чем сами общие особенности, то выражениям, вводящим в рассмотрение объекты, будет свойственна та самая «завершенность», которая была темой предыдущей главы. Распознавание такого объекта основывается на эмпирическом факте. Может показаться, что это утверждение подлежит ограничению, если вспомнить о возможности языка, в котором пространственные или временные, или пространственно-временные индивиды были бы систематически упорядочиваемыми единицами формы-и-размера, или длительности или формы-и-размера-и-длительности, объектами, относительно которых было бы, по видимому, возможно совершать распознающее обозначение без эмпирических пресуппозиций. Однако такой язык все же невозможно воспринимать иначе, как расширение другого языка, для которого имеют место наши первоначальные замечания. Тогда, вообще говоря, даже в языке, в котором обычные партикулярии не встречаются, устанавливается и поддерживается связь между, идеей точно распознаваемого не-общего объекта, с одной стороны, и идеей «завершенности» выражений, которые вводят такие объекты, с другой стороны. Мы отмечали также, что упомянутые не-общие объекты, хотя и определенно не являются обычными партикуляриями, могут рассматриваться как партикулярии некоторого рода. Действительно, при определенных условиях — достаточно несхожих с теми, в которых мы находимся, — различие между ними и обычными партикуляриями оставалось бы недейственным.

Второе положение, которое следует с очевидностью, сводится к следующему. Если дано наше действительное положение и при условии, что мы хотим высказать положения, имею-

щие приблизительно тот же смысл, что и положения, которые мы в действительности высказали, то награда за введение в рассмотрение обычных конкретных партикулярий необычайно велика, выигрыш в простоте непомерен. Однако вряд ли это удивительно.

[1] До сих пор наше внимание было обращено на партикулярии и их статус в качестве парадигматических логических субъектов, фундаментальных предметов обозначения. Но парадигматический случай не единственный. Мы уже видели, каким образом различие субъекта и предиката можно распространить по аналогии. Одним из оснований для такого распространения является, как уже было отмечено¹, аналогия между способами, с помощью которых соединяются безотносительно связанные объекты. Предикаты партикулярий соединяются с партикуляриями способом, противоположным тому, которым партикулярии соединяются со своими предикатами. Когда один из принципов соединения компонентов, не являющихся партикуляриями, собирает другие компоненты способом, скорее сходным с тем, с помощью которого предикаты партикулярий присоединяют к себе партикулярии, мы можем сказать, что этот принцип действует в отношении другого объекта как принцип сбора схожих объектов. Если оба объекта вводятся в суждение на основании распознавания их и связаны безотносительно, то первый элемент является предикатом, а второй — субъектом. В таком случае, когда бы нам ни встретилось нечто такое, что вводится в суждение на основании распознавания его и что можно подвести под принцип сбора схожих объектов, вполне вероятно, что оно входит в суждение

¹ См. главу 5, с. 198—199.

как индивид, логический субъект¹. Таким образом, ничто не может удовлетворять первому условию, то есть быть вводимым в суждение на основании распознавания, без того, чтобы удовлетворять и второму, то есть быть подводимым под принцип сбора схожих объектов. Поэтому все что угодно может входить в суждение в качестве логического субъекта, индивида. Если мы определим «быть индивидом» как «обладать возможностью входить в суждение в качестве индивида», тогда все что угодно является индивидом. Поэтому мы имеем бесконечное множество категорий индивидов, отличных от партикулярных, категорий, обозначаемых такими словами, как «качество», «свойство», «характеристика», «отношение», «класс», «вид», «род», «количество», «суждение», «факт» «тип» и т. п. Некоторые имена категорий партикулярных являются и именами категорий не-партикулярных, такие как: «процесс», «событие», «состояние», «условие» и т. п.

В суждении показателем индивида, или логического субъекта, является использование субстантивного выражения в единственном числе² такого, как имя собственное, название универсалии, например «мудрость», или определенное описание. Тем не менее нельзя целиком полагаться на этот показатель. Ситуация усложняется в случаях выражений, которые, на первый взгляд, являются именами партикулярных. Мы не можем предположить, что человек-на-Луне входит как индивид в суждения «Человек-на-Луне существует» или «Человек-на-Луне не существует». Также мы не можем предположить, что человек-на-Луне входит как индивид в суждение «Человек-на-Луне

¹ Эти условия могли бы быть и условиями минимальной аналогии для возможности того, что элемент является индивидом. Но это не означает, что любое суждение, в котором нечто фигурирует в качестве индивида, является суждением, причисляющим это нечто к компонентам объединения схожих объектов. Приняв это, мы бы ограничили наше понятие обозначения и предикации более чем необходимо, как мы увидим в этой главе.

² В английском языке с определенным артиклем. — *Прим. ред.*

живет на куске сыра». Дело в том, что в действительности нет такого индивида, который входил бы в суждение подобным образом.

Проблемы, которые поднимают приведенные выше два типа случаев, тем не менее различны. В случаях первого типа мы имеем явное утверждение или отрицание существования соединенное с чем-то подобным выражению, обозначающему партикулярию. В случаях второго типа мы имеем обычное предикативное выражение, соединенное с чем-то, на первый взгляд, обозначающим партикулярию, однако *в действительности* такой партикулярии не существует. В первых случаях мы не можем последовательно истолковать субстантивное выражение как обозначающее выражение, потому что для этого нужно истолковать его как обладающее в качестве пресуппозиции, тем же содержанием, которое суждение как целое утверждает или отрицает. Поэтому в этом случае необходимо найти другой способ истолкования суждения. В нашем распоряжении имеются уже знакомые варианты. Мы можем истолковать его как обозначающее ничто (кроме, в данном случае, Луны) или говорящие лишь о том, что существует или не существует ровно один человек-на-Луне. Или, возможно, истолковать его как обозначающее понятие и утверждающее или отрицающее относительно него, что оно имеет пример. Или же, вслед за Расселом, истолковать это суждение как обозначающее пропозициональную функцию и говорящее о том, что она «в некоторых случаях истинна» или «во всех случаях ложна»¹.

Однако случай второго типа, хотя и подобен тому, в котором партикулярия представляется введенной в суждения, не будучи в действительности таковой, не требует, чтобы мы при *анализе*, в ходе в логической классификации различали предложения такого рода и предложения, сходные с ними по форме, но в которых обозначается существующая партикулярия.

¹ См.: *Russel B. The Philosophy of Logical Atomism, Part V.* (Русский перевод см. в: *Рассел Б. Философия логического атомизма.* Томск: Водолей, 1999. С. 53—67. — *Прим. ред.*)

Именно таково явно обозначающее выражение. В его функции входит введение партикулярии в рассмотрение, и его неспособность это сделать равносильна отсутствию факта, фактической ложности пресуппозиции, которую оно предполагает. Именно по причине ложности этой пресуппозиции мы в некоторых случаях отрицаем истинностное значение у суждения в целом¹. С другой стороны, в некоторых случаях имеется другой способ посмотреть на существо дела, способ, который опять же не включает принятие иной формы анализа для суждений. Его можно рассматривать просто как работу в другой области рассуждения, царстве мифа, художественной литературы или фантазии, а не в области фактов. В этих царствах, в пределах которых мы свободно движемся в разных направлениях, можно предполагать существования и приписывать истинностные значения по собственному выбору.

Тогда мы имеем дело со случаем первого, а не второго типа, случай классифицируемый посредством явного суждения существования, содержащего явно обозначающий оборот, который, поскольку речь идет о партикуляриях, обеспечивает нас *интересным* исключением из общего способа указания на вхождение в суждение в качестве индивида. Первая из предложенных интерпретаций не порождает никаких трудностей. Грамматические вхождения легко уступают дорогу квантификации, а логические конструкции в данном случае имеют удачные аналогии в обычной речи. Однако можно было бы все же испытывать сомнения по поводу моего описания альтернативной интерпретации, о которой я рассуждал при помощи понятий обозначения и предикации, привлекая понятия или пропозициональные функции на роль субъектов. Следует ли говорить, что *иметь примеры* или *быть «иногда истинным»* явля-

¹ По поводу более подробного обсуждения этого вопроса см.: *Strawson P. On referring // Mind*, 1950 (Русский перевод: *Стросон П. О референции // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982. С. 55—87. — *Прим. ред.*) и обсуждение в *Philosophical Review* (1954).

ются принципами сбора сходных понятий или сходных пропозициональных функций? Разве это не включало бы практически незаконного расширения принципа сбора схожих вещей? На этот вопрос можно было бы ответить двумя формально различными способами. Во-первых, мы могли бы попытаться проаргументировать то положение, что такое расширение можно было бы оправдать. Можно сразу же поразмышлять, например, о *иметь три примера* как принципе сбора схожих понятий, а затем быть готовым расширить данное понятие до некоторого числа, а также нуля примеров и тем самым до отрицания данного числа — нуля¹. С другой стороны, мы могли бы просто сослаться на то, что *существуют* принципы сбора схожих понятий; что имеются субъектно-предикатные предложения, подводящие понятия под такие принципы; и что никакой непоследовательности или отказа от принципа не содержится в расширении субъектно-предикатной классификации с этих предложений на предложения сходные с ними по грамматической форме, в которых о понятиях утверждается или отрицается только то, что они имеют примеры. Дело в том, что здесь, как и везде, мы не стремимся создать единичное высказывание о строгом условии для обозначения и предикации. Мы скорее стремимся сформулировать мнение — одновременно последовательное и имеющее характер объяснения — о способах, посредством которых эти понятия могут расширять свое применение с центральных случаев на другие, и действительно делают это. Мы с готовностью допускаем, что это конкретное расширение понятия предиката настолько далеко простирается от парадигматических случаев, насколько это позволяют пределы терпимости. В частности, можно заметить, что хотя выражение «иметь пример», как оно применяется к понятиям, не обладает тем видом завершенности, который в парадигматических случаях не позволил бы ему попасть в класс предикатных выражений, оно не обладает и тем видом незавершенности, который мы посчитали бы характерным для предикатных вы-

¹ Cp. Frege G. Foundations of Arithmetic.

ражений в парадигматическом случае. Если бы мы попытались приписать ему такой вид незавершенности, мы вскоре очутились бы в знакомой области парадоксов. Далее, мы не можем с целью поддержки этого расширения понятия привлечь какие-либо из характеристических признаков предиката в парадигматических случаях; и, настолько приближаясь к пределам терпимости в одном направлении, мы вполне можем симпатизировать тем философам, которые, возможно, преступили их в другом направлении, утверждая, что экзистенциальные суждения являются субъектно-предикатными суждениями, в которых логическим субъектом выступает Реальность как целое.

Ни в случае партикулярий, ни в случае не-партикулярий наличие определенного единичного субстантивного выражения не является непогрешимым указателем на вхождение вводимого им в рассмотрение объекта в качестве индивида. В некоторых, хотя и не во всех, случаях можно было бы проиллюстрировать этот тезис для не-партикулярий при помощи примеров, аналогичных тем, которые мы использовали для иллюстрации его для партикулярий. Однако можно припомнить и пример другого рода, для которого не существует аналогий в случае партикулярий; пример, обсуждаемый в одной из предыдущих глав, а именно «Сократ характеризуется мудростью», или «Мудрость является характеристикой Сократа». Мы видим здесь два определенных единичных субстантивных выражения, а именно «Сократ» и «мудрость»; у нас нет другого выбора, кроме как считать «Сократ» субъектным выражением; однако у нас нет никакой *необходимости* считать «мудрость» субъектным выражением, поскольку возможно иное описание данного предложения. Настаивать на том, что мудрость здесь входит как логический субъект, означало бы претендовать на то, что быть мудрым — это одно дело, а характеризоваться мудростью — другое. Это было все равно, что утверждать, что существуют два принципа сбора партикулярий, где на самом деле есть только один.

Следовательно, грамматический указатель на вхождение в суждение в качестве индивида или логического субъекта не

является непогрешимым. Однако это хороший указатель. Его можно принять по ходу нашего рассуждения с теми легко понимаемыми оговорками, которые я уже упоминал.

[2] Однако следует признать, что именно на основании этого объяснения такое рассуждение может встретить сопротивление со стороны эмпирически или номиналистически мыслящих философов. Они не согласятся с признанием не-партикулярий в качестве индивидов, логических субъектов. Тому, на каком основании нам следует сделать это, будут посвящены разделы [3] и [4] этой главы. Сначала нам необходимо рассмотреть другой вопрос. Те, кто испытывает упомянутое чувство сопротивления, склонны полагать, что они доказывают свой тезис в той мере, в какой способны перефразировать предложение, в котором обозначается не-партикулярия, посредством другого предложения, в котором не-партикулярия входит, если она вообще входит в него, только в форме грамматического предиката. Характерно, что эта редуccionистская программа имеет целью заменить предложения, включающие обозначения не-партикулярий, на предложения, включающие квантификацию по партикуляриям. Однако сила и успешность редуccionистского давления в этом направлении не постоянны для всех типов не-партикулярий. В некоторых случаях предлагаемая редукция представляется очень естественной и дает удовлетворительные объяснения; в других делает это в меньшей степени; а в некоторых является вымученным искусственным или даже причудливым; а еще есть и такие случаи, в которых такая редукция не представляется даже абстрактно возможной. Так, например, перефразировка «Гнев искажает здравый смысл» в «Люди обычно менее способны к формулировке здравых суждений, когда они гnevаются, чем когда они не гnevаются» выглядит естественной и удовлетворительной. Однако идея, согласно которой, например, предложения о словах или предложениях следует перефразировать в предложения о «записях», не вызывает тошноты разве что у фанатичного номиналиста. Короче говоря, представляется, что некоторые виды

не-партикулярий лучше приспособлены к положению партикулярий, чем другие. Качества (например, храбрость), отношения (например, отцовство), состояния (например, гнев), процессы или деятельности (например, плавание), даже виды (например, человек), по-видимому, относительно плохо приспособлены к этой роли. Представляется, что типы предложений и типы слов хорошо приспособлены к ней. Таковы же числа. Таковы же и различные другие виды предметов, которые могут быть включены в общую рубрику «типов», ограничивающуюся в основном словами и предложениями. Я имею в виду, к примеру, произведения искусства, такие, как музыкальные и литературные сочинения, и даже в определенном смысле картины и скульптуры¹; модели вещей например, модели такого автомобиля, как Кадиллак 1957 года выпуска, у которого есть множество конкретных примеров, но который сам является не-партикулярией; и в целом все те вещи, примеры которых создаются или производятся с определенным намерением и которые или некоторые из которых носят то, что обычно называют собственными именами, например, такие флаги, как Юнион Джек. Другого рода не-партикуляриями, которые я также буду с основанием рассматривать как приспособленные быть индивидами, являются суждения. Однако я не ставлю своей целью или не претендую на то, чтобы дать в какой-то степени систематичный или полный список приспособленных не-партикулярий.

¹ Упоминание картин и скульптур может показаться нелепым. Разве они не являются партикуляриями? Однако это только поверхностное впечатление. Вещи, которые продают и покупают в магазинах, являются партикуляриями. Однако мы отождествляем их с произведениями искусства только из-за эмпирического несовершенства нашей техники воспроизведения. Если бы не это несовершенство, то оригинал картины не представлял бы для нас большего интереса, чем оригинальная рукопись поэмы. Различные люди тогда могли бы смотреть на ту же самую картину в разных местах в одно и то же время, точно так же, как различные люди могут слушать тот же самый квартет в разное время в одном и том же месте.

Вопрос, который я бы хотел рассмотреть, состоит в следующем: почему некоторые не-партикулярии лучше приспособлены к роли индивидов, чем другие? Во-первых, можно заметить, что существуют два различных, хотя и не взаимоисключающих, способа, при помощи которых не-партикулярия может хорошо приспособиться к этой роли. Она может быть хорошо приспособлена в силу относительно больших затруднений, возникающих с редукционистской перефразировкой; или она может быть хорошо приспособлена в силу относительно малого рвеня к редукционистским перефразировкам. Можно говорить о логическом и психологическом приспособлении. Они, очевидно, не всегда происходят одновременно. Этот тезис можно проиллюстрировать, если рассмотреть интересный случай именных придаточных предложений, начинающихся с союза «что». Иногда мы считаем то, что они вводят в рассмотрение, фактами, и, пожалуй, говорим об этом как о фактах; в других случаях мы не связываем себя такими обязательствами. Философы, которые ищут общее слово для объектов, которые можно таким образом вводить в рассмотрение; слово, которое не влечет за собой таких обязательств, которые навязывает нам слово «факт», использовали для этого выражение «суждение». Конечно, и факты, и суждения также можно вводить в рассмотрение не только тогда, когда они определяются при помощи предложения, начинающегося с «что», но также и другими способами. Нет основания предполагать, что факты логически более приспособлены к этой роли, чем суждения. Однако существуют все основания предполагать, что факты психологически более приспособлены, чем суждения. Легкого знакомства с философской литературой нашего времени достаточно, чтобы устранить любые сомнения по этому поводу.

Случай фактов является частным, и я не буду останавливаться на нем. Мы вернемся к нему, когда будем рассматривать общий вопрос об основаниях редукционистского давления на не-партикулярии. Рассмотрим другие случаи психологически хорошо приспособленных не-партикулярий, а именно те, кото-

рые я подвел под категорию «типов». С точки зрения теории, изложенной в предыдущих главах, было бы желательно, чтобы упомянутые объекты выполняли нечто большее, чем только минимальные условия аналогии с партикуляриями. Эта аналогия в случае таких вещей, как музыкальные композиции, типы автомобилей, типы флагов и т. п., действительно является необычайно богатой. В самом деле можно было бы сказать, что подходящей моделью для не-партикулярий этого рода является *модельная партикулярия* — некоторого рода прототип, идеальный пример, партикулярия, которая сама служит правилом или нормой для порождения других партикулярий. Платоновская модель не-партикулярий в целом — идеальная форма, примеры которой являются более или менее точными или несовершенными копиями ее, — доставляет нам в этом случае приемлемую модель, хотя она и становится совершенно неприемлемой, если ее обобщить до случая более обширного класса партикулярий. Все упоминаемые здесь не-партикулярии имеют в качестве примеров артефакты. Однако упоминаемые понятия не являются функциональными предметами в широком смысле такими, как столы и кровати. Скорее, чтобы произвести пример, необходимо более или менее соответствовать более или менее точным описаниям. Полностью описать не-партикулярию этого рода означает *охарактеризовать* партикулярию с высокой степенью точности и внутренней определенности.

Конечно, не все хорошо приспособленные не-партикулярии вступают в отношения такого рода с партикуляриями. Например, числа или суждения. Однако существуют и другие способы, при помощи которых вещи могут проявлять сходства с партикуляриями даже если отвлечься от того, что сами вещи являются, так сказать, моделями партикулярий. Партикулярии занимают свое место в пространственно-временной системе. Если же они не занимают в ней своего собственного места, они распознаются при помощи ссылки на другие партикулярии, которые действительно сами занимают такое место. Однако между не-партикуляриями можно устанавливать отношения, и их самих также можно упорядочивать. Они могут формировать

систему, а структура такой системы может приобрести некоторого рода автономию, причем последующие элементы существенным образом распознаются по их положению в этой системе. То, что эти неэмпирические отношения часто воспринимаются по аналогии с пространственными или временными отношениями, достаточным образом подтверждается тем словом, которое используется при их описании. Однако эта черта аналогии относительно несущественна и может трактоваться только как симптом. Что существенно, так это возможность такой системы отношений. Чем чаще мы используем эти возможности, тем лучше логически приспособленными становятся рассматриваемые не-партикулярии, тем лучше логически защищена область индивидов, которую мы вводим в рассмотрение.

Эти объекты, не являющиеся партикуляриями, чаще всего называемые в философии «типами», а именно слова, предложения и т. п., хорошо приспособлены в обоих отношениях, о которых я говорил. Слово, относящееся к типам, может мыслиться, с одной стороны, как *экземпляр* своего собственного физического знака (партикулярии), с другой стороны, как единица смысла, то есть управляемый правилами элемент системы языка.

[3] В одной из предыдущих глав я обосновывал тезис, согласно которому партикулярии образуют парадигму для логических субъектов, а выражение, которое совершает или предназначено совершать распознающее обозначение партикулярии, представляет собой парадигму выражения логического субъекта. Если этот тезис верен, то данный факт, по-видимому, может считаться достаточным для объяснения усилий номиналистов по редукционистской переформулировке предложений, в которых очевидным образом обозначаются не-партикулярии. Недостаточная отрефлектированность особого положения, которое занимают партикулярии среди логических субъектов и, пожалуй, также положения базисных партикулярий среди партикулярий вообще, может породить идею, согласно которой партикулярии и, возможно, даже базисные партикулярии являются единственными настоящими логическими субъектами.

Она может привести нас к идее, согласно которой если мы принимаем без ограничений право не-партикулярий на статус логических субъектов, то мы тем самым наделяем их свойствами, которыми они в действительности не обладают, и впадаем в мифологию. Безусловно, некоторые философы впадали в мифологию, наделяли не-партикулярии свойствами, которыми они в действительности не обладают. Таково направление усилий как платонистов, так и номиналистов. Но усилия и того и другого рода не достигают своей цели. Если мы полностью понимаем те аналогии, которые лежат в основе структуры нашего языка, нас нелегко будет сделать жертвами этого простодушного обмана.

Однако в объяснении нуждаются и другие признаки этого диалектического положения вещей. Опосредствующая идея, которую никогда не забывают упомянуть в аргументах того рода, который я только что описал, есть не что иное, как идея *существования*. Утверждают, что вопрос о том, стоит ли нам связываться с признанием не-партикулярий, обладающих статусом логических субъектов, или нет, равносильно вопросу о том, обязаны ли мы признавать их *существование* или нет, признавать, что существуют такие *сущности*. Какова же здесь, интересно, связь? Можно получить некоторого рода ответ на этот вопрос, слепо следуя современной логике. Следуя по этому пути, каждый раз, как высказывается нечто имеющее вид ' Fx ', то можно вывести соответствующее высказывание, явно имеющее экзистенциальную форму ' $(\exists x)Fx$ '. Субъектные выражения способны, а предикатные выражения не способны заменяться на переменные кванторов существования. А поскольку ' $(\exists x)Fx$ ' следует читать «Существует нечто, характеризующее F », то отсюда следует, что некая вещь, которая может обозначаться логическим субъектным выражением, принадлежит к тому виду вещей, о которых можно говорить, что они существуют, и наоборот.

Этот ответ вполне может показаться на первый взгляд необычайно произвольным. Он приводит нас к двум вопросам,

которые в некоторой степени находятся в конфликте друг с другом: (1) почему всегда считается, что именно субъектные выражения вызывают применение аппарата квантификации и никогда не говорится этого о предикатных выражениях? (2) при условии, что на вопрос (1) можно дать удовлетворительный ответ, почему мы должны понимать получающееся предложение, содержащее кванторы, указанным образом? То есть почему мы должны понимать его как содержащее претензию на существование того, что может обозначаться в субъектно-предикатном предложении, а не того, что может предсказываться в таком предложении? Эти вопросы можно детализировать следующим образом. (1) Нам предлагают рассматривать экзистенциальное высказывание как высказывание, которое следует из любого элемента множества суждений с варьирующимся субъектом и постоянным предикатом и которое само содержит тот же самый предикат. Однако можно с легкостью образовать понятие множества суждений с варьирующимся предикатом и постоянным субъектом. Разве нельзя с равной степенью легкости образовать понятие суждения, которое следует из любого элемента *этого* множества и само содержит тот же самый субъект? (2) При условии, что на первый вопрос можно дать удовлетворительный ответ, возникает другой вопрос. Мы читаем $(\exists x)Fx$ как «Существует нечто, характеризующее F ». Однако, что принуждает нас к этому? Почему нельзя, внося все изменения, которые могут быть необходимыми с точки зрения грамматики, читать его как « F существует», где ' F ' есть единичное субстантивное выражение, именуемое свойство, предсказываемое в первоначальном суждении?

Попытаемся подойти к первому вопросу при помощи обращения к парадигме субъектно-предикатного высказывания. В простом случае это высказывание, в котором и конкретный объект, и универсальный объект вводятся в рассмотрение как объекты распознавания, причем первый встречается как субъект, второй — как предикат. Если рассмотреть высказывание с квантором существования по отношению к этому простому случаю, то легко понять односторонность представления,

свойственного логику. Если взять «Сократ» как наше выражение субъекта, а «[есть] мудрый» как наше выражение для предиката и придерживаться расселовской модели рассмотрения высказывания с квантором существования, можно устранить наш первый вопрос следующим образом. Почему на основании высказывания «Сократ [есть] мудрый» мы получаем

(1) «(... [есть] мудрый) иногда истинно»,

но не

(2) «(Сократ ...) иногда истинно»?

Ведь выражения субъекта и предиката простого суждения равным образом распознают объекты, которые они водят в рассмотрение. Однако, как было показано в главе 6, условия такого распознавания различны. Выражение «[есть] мудрый» при введении своего объекта в рассмотрение не несет в себе никакой эмпирической пресуппозиции; оно распознает свой объект для нас, независимо от того, знаем мы или нет, что некто мудр. Следовательно, (1) дает нам часть подлинной эмпирической информации, сообщаемой высказыванием как целым. «Существует некто, кто [есть] мудрый» представляет собой подлинное эмпирическое высказывание, следующее из высказывания «Сократ [есть] мудрый». Однако условие выполнения обозначающим выражением, а именно «Сократ», *своей* роли состоит в том, что эмпирический факт или эмпирические факты, составляющие пресуппозицию, должны быть известны тем, кто его употребляет или воспринимает. Следовательно, нельзя понимать (2) таким способом, который допускает, что выражение «Сократ» играет роль обозначающего выражения. Можно понимать (2) как фактически утверждающее, что Сократ существует, что пресуппозиции определенного означающего употребления Сократ осуществляются; однако в этом случае нельзя рассматривать «Сократ» как имеющее обозначающее употребление в (2). Если, с другой стороны, мы попытаемся понять выражение «Сократ» как уже обладающее таким употреблением в (2), то не существует такого высказывания, которое мы

могли бы истолковать как получающееся из (2); всё, что оно пытается нам сказать, уже содержится в обозначающем употреблении выражения «Сократ» как его пресуппозиция. Следовательно, по крайней мере, для множества субъектно-предикатных высказываний, которое мы рассматриваем, должно иметь место, что пропуск внутри скобок в выведенной расселовской форме всегда таков, что его можно было заполнить обозначающим выражением, и никогда не является таким, что его могло бы заполнить предикатное выражение. В форме, переходной от расселовской формы к явным образом экзистенциальной (квантифицированной) форме, именно эти пропуски заменяются переменными кванторов существования.

Таким образом, мы получили ответ на наш первый вопрос. Односторонность представления логика достаточно понятна. Если, следуя за Расселом, нам нужно разъяснить экзистенциальные высказывания при помощи идеи истинности субъектно-предикатного высказывания и если нам приходится использовать высказывание, в котором универсалия предикатуруется партикулярии как модель субъектно-предикатного высказывания, то очевидно, что именно обозначающее выражение, а не предикатное выражение, должно открывать возможность применения аппарата, связанного с притязаниями на существование. Однако этот аппарат нельзя разумным образом присоединить к обозначающим выражениям, которые могут встречаться в модельном образце субъектно-предикатного высказывания. Нельзя это сделать и с правилом, ограниченным только фундаментальным типом субъектно-предикатных высказываний. Категориальный критерий, однажды принятый для различения субъекта и предиката *вместе со всеми расширениями этого критерия по аналогии*, распространяется и на всё получающееся множество субъектно-предикатных высказываний. Выразим этот тезис еще резче. В том, что уже распознанный объект произвольного типа обладает *каким-то* (неопределенным) свойством, то есть подпадает под *какой-то* (неопределенный) принцип сбора схожих вещей, нет ничего нового, но то, что что-то неопределенное обладает уже установленным свойст-

вом, то есть подпадает под уже установленный принцип сбора вещей, всегда новость. Первое вообще нельзя рассматривать как часть того, что утверждается в суждении, в котором распознанная вещь и установленный принцип сбора сходных вещей находятся в утверждающей связи; однако второе всегда является частью того, что утверждается в таких суждениях¹.

Однако этот ответ на первый вопрос делает ответ на второй вопрос еще более настоятельным. Действительно, почему нам следует полагать, что смысл приведенной выше фразы (1), то есть фразы

«(... [есть] мудрый) иногда истинно»,

лучше передается при помощи «Существует некто, кто [есть] мудрый», чем при помощи «Мудрость существует»? Или, иными словами, почему, когда я говорю, что Сократ мудр, мне следует считать себя обязанным принимать взгляд, согласно которому существует такая вещь, как мудрый человек, но не тот взгляд, согласно которому существует такая вещь, как мудрость? Правда, сказав, что Сократ мудр, я не могу, будучи последовательным, продолжать говорить, что не существует ни одного мудрого человека; однако я не могу и последовательно продолжать говорить, что не существует такой вещи, как мудрость.

Тем не менее нам все еще не удалось усмотреть связь — или скорее уникальность связи — между тем, чтобы быть тем родом вещи, которая встречается как логический субъект, и тем, чтобы быть тем родом вещи, на основании которой притязают на существование. Нам следует понять, какие еще основания можно обнаружить для того, чтобы продолжать настаивать

¹ Здесь, следовательно, мы получаем объяснение и оправдание теории, рассмотренной и отложенной для дальнейшего анализа в части II, глава 5, с. 177— 178. Однако теперь мы видим, что оправдание состоит в самом фундаментном характере различения субъекта и предиката и его расширениях по аналогии. Эту теорию нельзя использовать для объяснения, она сама объясняется природой этого различения.

вать на уникальности этой связи. Тем самым снова придется вернуться к фундаментальной форме субъектно-предикатного суждения и к той противоположности между условиями, при которых его обозначающий и предикативный элементы вводят в рассмотрение свои объекты. Здесь мы сталкиваемся с удивительным результатом. Поскольку мы ограничиваем наше внимание тем, о чем можно осмысленно сказать, что оно *следует* из такого рода суждений, содержащих притязания на существование, постольку не может быть оснований для предпочтений эмпирического притязания на то, что существует некоторый пример предизируемого объекта, эмпирическому притязанию на то, что сам предизируемый объект существует. Дело в том, что это — только различные формулировки того же самого притязания. Однако если мы перейдем от вопроса о том, что следует из высказывания как целого, к вопросу о том, какие пресуппозиции связаны с использованием его частей, вводящих объекты в рассмотрение, положение изменяется. Субъектное выражение, вводящее партикулярию, содержит в себе пресуппозицию определенного эмпирического факта; предикатное выражение, вводящее в рассмотрение универсалию, не делает этого. Здесь возникает асимметрия по отношению к экзистенциальным высказываниям-*пресуппозициям*, которые могут играть роль основания для предпочтения одного модуса высказывания *имплицитруемого* притязания на существование другому. Однако каким образом эта асимметрия может быть *добротным* основанием для такого предпочтения? Какое отношение имеют пресуппозиции частей данного высказывания к способу выражения следствий данного высказывания как целого? Можно считать, что оно является добротным основанием только потому, что мы уже были заранее обречены сочетать понятие «существование» с эмпирическим фактом — последняя опора, с которой нам приходится иметь дело — и, следовательно, с теми объектами, а именно партикуляриями, обозначения которых необходимым образом представляют эмпирические факты или являются их пресуппозициями. Я не утверждаю, что эта обреченность является неестественной; я утвер-

жду только то, что нам следует отметить ее. Однажды замеченная, она объясняет и ассоциации между существованием и логическими субъектами, — разве партикулярии не являются парадигмой для логических субъектов? — и в то же время импульс устранить не-партикулярии из области логических субъектов. Однако тот философ, который поддается таким импульсам, находится не в очень комфортном положении. Неожиданно для него выражением его позиции становится локковское: «Всё, что существует, бывает только партикулярией». Именно по этой причине, поскольку он думает только о фундаментальном типе субъектно-предикатных суждений, он чувствует себя способным утверждать, что данные виды вещей, о которых говорится как о существующих, есть не что иное, как вещи того рода, которые встречаются как логические субъекты в субъектно-предикатных выражениях. Однако эта ассоциативная связь, однажды установленная, вступает в противоречие с мотивами ее установления. Дело в том, что ни одна попытка устранить все субъекты, не являющиеся партикуляриями, не привела даже к тени успеха.

[4] Имеется, однако, другой, не столь метафизически нагруженный способ посмотреть на предпринимаемую логиком реконструкцию при помощи кванторов, понятия существования и, следовательно, на ассоциативную связь между существованием и логическими субъектами. Решающим здесь является требование, согласно которому аппарат притязаний на существование должен занять то же самое место в предложениях, которое может быть по праву занято выражениями логических субъектов. Это требование можно рассматривать как результат законного желания действовать с *формальным* и *недвусмысленным* понятием существования. Здесь опять же лучше всего начать со случая объектов-*партикулярий*. Как мы уже видели¹, когда за выражением, которое выглядит годным к тому, чтобы употреблять его как распознающее выражение партикулярии

¹ С. 268—269.

(или, если это важно, множества партикулярий), в предложении следует слово «существует» (или «существовать»), мы не можем правомерно рассматривать первое выражение как осуществляющее обозначение партикулярии, то есть как совершающее распознающее обозначение партикулярии (или некоторых партикулярий). Попытка предпринять это сделало бы предложение недоступным истолкованию. Нам следует скорее рассматривать его как утверждение экзистенциальной пресуппозиции употребления рассматриваемого выражения в аспекте обозначения партикулярии. К счастью, существуют подходящие обороты, которые не позволяют нам поддаться соблазнам, проистекающим из описанной формы; это именно те обороты, которые реконструируются в логике при помощи аппарата экзистенциальной квантификации. Это выражение, которое выглядит так, как если бы его можно было бы употреблять при обозначении партикулярий, заменяется на предикатные выражения, в некотором смысле соответствующие ему, а слово «существует» входит только как часть аппарата квантификации. Таким образом, мы допускаем, что о партикуляриях можно сказать, что они существуют, не обязуясь предпринимать незаконную попытку истолковать существование как предикат партикулярий.

Этот маневр приводит к тому, что слово «существует» является только как часть выражения, которое как целое можно было бы заменить выражением логического субъекта. Здесь начинают появляться возможности обобщения. Правда, в только что упомянутых случаях это выражение логического субъекта по необходимости было бы обозначением партикулярии. Однако общую структуру предложения можно охарактеризовать, не прибегая к подобному ограничению. В этой структуре мы сталкиваемся с задатками совершенно общего, формального и недвусмысленного понятия существования. Каждое субъектно-предикатное высказывание влечет за собой высказывание, в котором субъектное выражение заменяется экзистенциальным оборотом «Существует нечто, характеризуемое

как ...». И наоборот, для каждого истинного высказывания последнего рода может быть в принципе построено хотя бы одно истинное высказывание, в котором субъектное выражение, распознающее объект, заменяет формальный экзистенциальный оборот. Получающаяся концепция обладает многими достоинствами. Ее можно уточнить совершенно формально при помощи понятий логического субъекта и предиката. Она не налагает никаких ограничений на категории вещей, о которых можно сказать, что они существуют; дело в том, что, как я отмечал в начале этой главы, нет ничего такого, о чем мы вообще могли бы говорить и что не могло бы выступать как логический субъект. К тому же эта концепция вполне соответствует обычному способу употребления таких выражений, как «Существует (существуют) нечто (вещи), характеризваемое (характеризуемые) ...», «Существует (существуют) такое-и-такое-то (такие-и-такие-то), характеризуемые ...» и т. п. Дело в том, что все это — выражения, которые мы готовы употреблять и действительно употребляем по отношению к произвольного рода объектам любых категорий. Однако, конечно, поскольку у нас есть такие побуждения и мы видим эти достоинства¹ принятия данной концепции существования, мы тем не менее не испытываем склонности присоединиться к редукционистскому призыву сузить область логических субъектов. Корень данной концепции, без сомнения, следует искать в характеристиках основного вида субъектно-предикатных суждений, в которых логический субъект является партикулярией. Однако лучшей частью ее является чисто формальная идея, не связанная с принятием или предпочтением категориального критерия и схематизируемая в самой формальной логике.

Раз положение этой концепции уже упрочено, мы можем без предрассудков по отношению к ее недвусмысленности принять возможность другой формулировки каждого такого высказывания с квантором существования, и вместе с ней воз-

¹ Я не утверждаю, что не существует других достоинств. Формальный логик найдет еще много других.

возможность другого употребления слова «существует», употребления которое тоже недвусмысленно по всей области его применения. Мы можем, так сказать, переистолковать каждое такое квантифицированное суждение как субъектно-предикатное суждение, в котором субъект является свойством или понятием и в котором его предикат утверждает или отрицает его пример. (Это приложимо как к квантифицированным суждениям, в которых об уникальной партикулярии утверждается или отрицается ее существование, так и ко многим другим; дело в том, что такое суждение можно истолковать как суждение, утверждающее или отрицающее, что определенное сложное свойство или понятие обладает единственным примером.) Такого типа конструкции также имеют параллели в обычной речи, как в случае, когда говорят, например, что святость *существует*, или даже, что *существует такая вещь как святость*, и имеют в виду то же самое, что мы имеем в виду, говоря, что существуют или имеются святые люди. Поскольку конструкции обоих типов имеют место и поскольку слово «существует» может встречаться в обоих этих типах, пожалуй, имеется некоторая возможность путаницы. Однако такое двусмысленное употребление этих выражений не создает никаких трудностей на практике и нет никаких причин, по которым оно должно причинять нам затруднения в теории, если мы четко его осознаем. Можно даже одновременно утверждать существование при одном из этих способов употребления и отрицать его при другом, не порождая при этом особых неясностей, например, если утверждают, намереваясь говорить о святости, «*Существует условие, которое даже лучшим из нас никогда не выполнить, условие, которое в действительности не существует*». Вполне рационально различать эти способы употребления как непредикативные и предикативные способы употребления соответственно. Конечно, именно первый способ реконструируется при помощи логического аппарата квантификации. Непредикативное употребление применяется в связи с любым типом вещей вообще, предикативное употребление — только в связи с понятиями или свойствами. Однако оба этих способа употребления остаются недвусмысленными по всей области их приложения.

В этих двух последних разделах я не ставил своей целью ни внести вклад в теорию субъектов существования, ни входить в детали; я только хотел реорганизовать некоторые уже известные мысли с конкретной целью объяснения. Полное рассмотрение данного предмета потребовало бы ввести более сильные ограничения на сказанное мною, и в частности, на дальнейшее расширение использования понятия «существования» в предикативном смысле.

[5] Есть еще некоторые вспомогательные темы, которые я не буду рассматривать подробно, но которые хотел бы упомянуть, прежде чем перейти к заключению.

(1) *Высказывания о тождестве*. Может показаться, что суждения, принадлежащие к этому классу, порождают затруднения в классификации, построенной по моим принципам. В таких высказываниях встречаются два точно распознающих выражения: о том, что обозначается одним, утверждается, что оно должно быть тождественным с тем, что обозначается другим. Если мы истолковываем эти высказывания как субъектно-предикатные высказывания, представляется, что каждое обозначающее выражение имеет название, которое должно рассматриваться как выражение субъекта. Однако в обычных реляционных высказываниях оборот, состоящий из выражения, вводящего в рассмотрение универсалию, в сочетании с одним из обозначающих выражений будет, как правило, обладать некоторым видом незавершенности, которая относит его к рангу предикатных выражений; или, по крайней мере, будет аналогичным обороту этого рода¹. В этом пункте параллель заканчи-

¹ Не все предикатные обороты в обычных реляционных высказываниях будут обладать такого рода незавершенностью. Пожалуй, не может быть так, чтобы «N» обозначало бы лицо и чтобы никто не родил «N». Тогда «родил N» имеет тот же вид завершенности, что и «N». Однако *рождение* является настоящей универсалией, собирающей пары объектов по принципу сходства. Поэтому «родил N» в этом отношении аналогично, например, «ударил N».

вается. Нельзя сказать, что оборот вида «N тождественен с» или «тождественен с N» имеет значение и что ничто не тождественно с «N». Поэтому «тождественен с N» обладает той же степенью завершенности, что и «N». Поэтому ни одна часть предложения не может быть зачислена в ранг предикатных выражений.

Конечно, можно сказать, что высказывания о тождестве являются особым классом высказываний, которые не могут быть преобразованы в субъектно-предикатные высказывания. И все же иногда было бы удобно считать «тождественен с N» субъектно-предикатным высказыванием, как того требует от нас грамматический критерий. Нетрудно увидеть оправдание такого намерения, нетрудно, так сказать, указать на шаги, которые облегчают этот переход, это расширение. Для начала можно заметить, что если «ф» является обычным предикатным выражением, при расширении достаточно легко считать «только ... ф» или «один в ф-ии» предикатным выражением; поскольку, даже хотя мы тем самым подрываем идею принципа сбора подобных вещей, мы не подрываем тем самым идею незавершенности. Дело в том, что, пожалуй, ничто не является только ф. Я уже много раз подчеркивал, что выражения, вводящие партикулярии в рассмотрение, содержат в себе пресуппозицию эмпирического факта в форме суждений, известных лицам, употребляющим данное выражение, и достаточным для распознавания рассматриваемой партикулярии. Иногда эмпирическая пресуппозиция и вводящее в рассмотрение выражение могут находиться в весьма близких отношениях. Предположим, что выражение вида: «Данный человек, который ф» употребляется в присутствии слушающего, который заранее знает только один подходящий индивидуализирующий факт (а именно, что существует только один человек, который ф), и который не имеет возможности, насколько слушающий знает, утверждать любые другие суждения и партикулярии, распознаваемые таким образом. Опять же предположим, что слушающему говорится следующее: «N тождественен с человеком, который ф» где «N» есть имя партикулярии, знакомой слушающему. Тогда

смысл этого суждения для слушающего не сильно отличается от очевидно субъектно-предикатного высказывания «Только N ф». Уместность выбранной формы слов, формы суждения о тождестве обуславливается просто знанием говорящего о том, что слушающий обладает знанием о том, что только *некто* ф. Настаивать на жесткой классификации, которая исключала бы такого рода высказывания о тождестве из класса субъектно-предикатных высказываний, было бы весьма искусственным. Однако как только мы признаем эту возможность, сразу появляются основания для расширения классификации на другие случаи тождественных высказываний о партикуляриях; дело в том, что различия между другими случаями и рассмотренным случаем есть не более чем различия в степени. Как только эта возможность была признана для тождественных высказываний о партикуляриях, то, несмотря на различия, мы можем по аналогии признать ее также и для тождественных высказываний о не-партикуляриях. Следует заметить, что при этом расширении классификации мы ни в коем случае не затемняем или не отрицаем само различие: по-прежнему можно проводить различие между высказываниями, которые являются высказываниями о тождестве, и высказываниями, которые таковыми не являются.

(2) *Субъектные выражения во множественном числе.* Я везде развивал свое рассуждение в отношении субъектных выражений в единственном числе. Частично это обязано почтению к формальной логике, которая не рассматривает другие возможности. Однако всем известен тот факт, что существуют богатые логические аналогии между теми выражениями существительных в единственном числе, которые подходят на роль субъектных выражений, и некоторыми выражениями существительных во множественном числе. Эти аналогии состоятельны для того, чтобы оправдать некоторое расширение понятий, с которыми мы до сих пор имели дело, на область предложений, грамматические субъекты которых находятся во множественном числе и с которыми в действительности они были традиционно самым тесным образом связаны. Однако этот вопрос

я подробно рассматривал в другом месте¹ и не буду к нему здесь возвращаться.

(3) *Обозначение, предикация и суждения.* Могло бы показаться, что один из недостатков моего рассуждения в главе 5 состоит в том, что понятие предикации ограничивается исключительно суждениями, то есть только тем, что может быть истинными или ложными. Принято считать, что обозначение имеет место и в непропозициональных типах конструкций, таких как команды и веления, которые, очевидно, не являются истинными или ложными. Но не существует ли такого смысла, в котором полное *содержание* команды совпадает с содержанием суждения? Эти тезисы, по крайней мере, наводят на мысль о том, что существует возможность для обобщенного понятия предикации, понятия предикации вообще как чего-то такого, для чего пропозициональная предикация является только частным случаем. Если мы допустим это обобщенное понятие предикации, может показаться слабостью или ограниченностью моего объяснения то, что оно начинается с акта выбора наличия исключительно пропозициональной формы глагола как одного из критериев предикатного выражения. Может показаться, что такому объяснению не хватает полной общности и оно связано с риском вообще потерять существо проблемы. Это возражение подводит нас к множеству очень интересных вопросов, которые я не буду обсуждать. Однако если его понимать только как возражение, то на него легко ответить. Согласимся с идеей такого более общего понятия предикации. Допустим, например, что команда и суждение могут иметь то же самое содержание и что, когда они его действительно имеют, те же самые элементы обозначения и предикации в этом обобщенном смысле встречаются в обоих. Какое имя мы тогда дадим окончательному понятию обозначения и предикации, объединенной сущности, которое получается при этом? Назовем ее мыслью. Нельзя утверждать, что мысли обладают ис-

¹ См.: *Strawson P. F. Introduction to Logical Theory.* London: Methuen, 1952. Ch. 6.

тинностными значениями, поскольку только суждения обладают ими, данная мысль — это что-то такое, что может быть общим и, например, для суждения, команды, обязательства. Однако так же, как природе суждения принадлежит свойство быть истинным или ложным, так и природе команды принадлежит исполняться или не исполняться, а природе обязательства — уважаться или нет. Поэтому вполне можно сказать, что мысль обладает значением осуществления: положительное значение осуществления, если суждение или команда или обязательство, в котором оно воплощено, является истинным, исполненным или уважаемым, отрицательное значения осуществления, если суждение, команда или обязательство не является истинным, исполненным или уважаемым. Однако, прежде всего следует заметить, что свойства суждения, которые я рассматривал как особенность предикатных выражений, поскольку они указывают на *пропозициональную* связь объектов мысли, также необходимо являются признаками чего-то более общего. Они указывают на то, что мы сталкиваемся с определенным способом выражения объединенной сущности, мыслью; и тем самым они указывают на тот более общий факт, что мы сталкиваемся с объединенной сущностью, мыслью, а не с простым списком. Символ суждения, поскольку он символизирует особый способ соединения, также особым образом символизирует соединение вообще. Затем следует задать вопрос, насколько точно нам следует понимать различие между обобщением и предикацией в обобщенном смысле, которым мы предварительно наделили второе слово. Если различие следует понимать исключительно в смысле категориального критерия главы 5, как это было разъяснено и обосновано с точки зрения противоположности завершенности/незавершенности в главе 6, то обобщение понятия предикации не вносит заметных изменений в наше объяснение. Оно только придает первой части главы 5 некоторую избыточность, за исключением, пожалуй, ее понимания как возможного способа введения данной проблематики. Если, с другой стороны, должен существовать еще какой-либо признак или критерий различения между обо-

значением и обобщенной предикацией, то мы должны установить, что представляет собой этот дальнейший критерий; и довольно трудно понять, чем еще он мог бы быть кроме различия в положении символа спаривания, то есть символа, который показывает, что то, с чем мы столкнулись, представляет собой объединенную мысль, а не простой список. Однако если ответ таков, то? поскольку не существует единого универсального символа спаривания для мыслей вообще¹, не может быть никаких возражений против продолжения обсуждения в терминах соединительного символизма того способа представления мысли, который, философски говоря, является наиболее важным и глубоким, а именно пропозиционального способа. Этот способ предикации может выступать как представитель и наиболее важный случай предикации вообще. Если это ограниченность, я не имею ничего против того, чтобы быть ограниченным.

¹ В громадном большинстве предложений, фраз или оборотов, которые представляют мысль, то, что указывает на наличие мысли, а не только списка, также дает, по крайней мере, некоторое указание на способ представления (императивный, пропозициональный и т.п.) мысли. Однако это не всегда так, и мы, пожалуй, можем вообразить язык, в котором это вообще не так. Философы иногда использовали обозначающие выражения, за которыми следовали причастные обороты (например, «Джон, почти женившийся»), для того, чтобы придать форму этой возможности. Здесь могли бы пригодиться и другие способы: например, *фактическую* общую форму придаточного предложения (например, «что вскоре женится») можно было бы рассматривать просто как общую форму для представления мысли, которой должен предшествовать оператор, который указывал бы на способ представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пора все собрать вместе. В начале книги меня заботило прояснение центрального положения, занимаемого среди партикулярий материальными телами. Они были представлены как базисные партикулярии с точки зрения их распознавания. Позже я добавил к ним — как базисные в другом, хотя и имеющем отношение к первому смыслу — категорию лиц. Допущение этой категории как первоначальной и не выводимой из других представлялось необходимым условием нашей принадлежности к несолипсистскому миру. Тогда при условии, что наша схема вещей включает схему общего пространственно-временного мира партикулярий, представляется, что центральное место среди партикулярий должно быть отведено материальным телам и лицам. Должны существовать первичные партикулярии. Во второй части книги меня заботила более общая задача, связанная с попыткой объяснить центральное положение, занимаемое партикуляриями среди индивидов в широчайшем, логическом смысле этого слова. Я обнаружил, что партикулярии занимали центральное положение среди логических субъектов, потому что партикулярия была парадигмой логического субъекта. Соединяя два этих результата мы получаем, рациональное объяснение центрального положения материальных тел и лиц среди индивидов, то есть среди вещей вообще. Я также отмечал и частично объяснял тесную связь между идеей индивида в логическом смысле и идеей существования, идеей того, что существует; поэтому можно даже, пожалуй, сказать, что были обнаружены некоторые основания для идеи о том, что лица и материальные тела являются первоначально существующими. По-видимому, нет никаких сомнений, что предметы, рациональное объяснение которых я попы-

тался дать, относятся в некотором смысле к области веры, которой упрямо придерживаются многие люди на примитивном уровне рефлексии и некоторые философы на более изощренном уровне рефлексии; хотя многие другие философы, пожалуй, на еще более изощренном уровне отказались, или кажется, что отказались, от нее. Нелегко понять, каким образом такую веру можно защитить при помощи аргументов за исключением попытки показать, каким образом она отражает структуру этой схемы. Итак, если метафизика представляет собой обнаружение оснований — хороших, плохих или безразличных — для того, во что мы верим благодаря инстинкту, то это была метафизика.

ПИТЕР СТРОСОН И ЕГО МЕТАФИЗИКА ПОСЛЕСЛОВИЕ*

В 2009 году исполняется ровно 50 лет со дня выхода книги, во многом изменившей традицию аналитической философии XX века и знаменовавшей так называемый *метафизический поворот*. Это книга «Индивиды» сэра Питера Фредерика Стросона (23 ноября 1919—13 февраля 2006), которую мы представляем вниманию российского читателя. Когда через столь значительное время выходит перевод работы нашего современника, к тому же довольно хорошо известной как специалистам по аналитической философии, так и более широкой философской публике, то для этого должны быть какие-то основания. Как всегда, к такому решению привели как некоторые личные, так и некоторые общие соображения. К личным относится то, что научный редактор этого издания, будучи в гостях у сэра Питера в Оксфорде в мае 2000 года, неосторожно пообещал ему перевести его основные труды на русский язык. Когда в 2006 году оксфордский философ умер, то обещание превратилось в долг, частичным избавлением от которого и является эта книга. К общим относится то, что классика аналитической философии нуждается в переводе на русский язык хотя бы для развития русского философского языка. Темы, которые вводятся оригинальными философскими направлениями, как правило, связаны с обновлением философского языка. Конечно, можно и нужно читать Стросона и других аналитических философов на языке оригинала. Тем не менее специальная работа переводчика по поиску аналогов используемых терми-

* Данная работа является частью исследований, выполняемых авторами по проекту РГНФ № 08-03-00458а «Аналитическая интерпретация трансцендентальной философии П. Стросоном».

нов на своем языке — это вклад в развитие собственного языка. Правда, для достижения этой цели английский текст надо переводить именно на русский язык, а не на язык, состоящий из английских слов в кириллической транслитерации, что весьма распространено в наших переводах текстов по аналитической философии. Нам представляется, что переводы последнего рода порождают какую-то другую реальность — «птичий язык», от которого трудно добраться до традиционно обсуждаемых на родном языке задач и даже трудно установить с ними связь. Именно это общее стремление обусловило задачу и характер предпринятого нами перевода. Подробнее о решении этой задачи мы еще скажем в комментариях к переводу.

Предлагаемая вниманию российских читателей работа — главное произведение оксфордского философа Питера Стросона, в котором он формулирует философскую теорию, названную им дескриптивной метафизикой. Эта теория стала первой в истории аналитической философии попыткой дать позитивную интерпретацию ряду традиционных проблем метафизики. Книга Стросона вызвала большой интерес и положила начало целому направлению исследований подобного рода. Авторитет дескриптивной метафизики в аналитическом движении продолжает оставаться высоким и до сих пор.

Питер Фредерик Стросон родился 23 ноября 1919 года в Лондоне в семье школьных учителей. В 1937 году он поступил в Оксфордский университет, чтобы изучать литературу, однако вскоре перевелся на специальность «философия, политика и экономика», где занялся логикой и историей философии. Сразу после окончания университета в 1940 году Стросон отправился служить в ПВО. Во время войны он не только участвовал в «битве за Британию», но и выступал в военном суде в качестве защитника, обнаружив в себе способность «находить бреши в чужой аргументации»¹. Закончив войну в звании капитана,

¹ *The Philosophy of P.F. Strawson // Library of Living Philosophers / ed. by L. E. Hahn. Open Court, 1998. P. 5.*

Стросон вернулся в Оксфорд и стал преподавать логику и историю философии. Наибольший исследовательский интерес в этот период Стросон проявлял к проблемам обозначения и предикации. Его идеи, высказанные в лекциях по логике, привлекли внимание Гилберта Райла, который попросил Стросона изложить некоторые из них в статье для выходявшего в то время под редакцией Райла журнала «Mind». Так появилась статья «Об обозначении»¹ — возможно, самая известная работа Стросона.

В статье «Об обозначении» Стросон предпринимает попытку уточнить расселовскую теорию описаний (или «дескрипций»). Он утверждает, прежде всего, что логика является не глубинной структурой языка, а лишь упрощенной его моделью; язык не поддается упрощению и не имеет постоянной структуры. Это существенно отличает его позицию от позиции Рассела. Обращаясь затем к проблеме значения, Стросон разрабатывает введенное им различие между предложением и частным случаем его употребления. Исходя из этого различия, Стросон заключает, что значение языковых выражений подвижно, оно возникает в момент их употребления и определяется контекстом. Следовательно, истинность или ложность суть свойства не предложений самих по себе, а способов их употребления в отдельных случаях, и анализ описательных выражений, предлагаемый Расселом, каждый раз проводится применительно к этим отдельным случаям.

Изданный в 1952 году учебник «Введение в логическую теорию»² закрепил за Стросоном авторитет специалиста по неформальной логике. В этой работе автор намеревался показать отношение между формальными логическими системами и обыденным языком, снова подчеркивая приоритет последнего. По поводу этой фундаментальной проблемы у Стросона завя-

¹ В русском переводе — О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.

² *Strawson P.F.* Introduction to logical theory. London: Methuen, 1952.

залась многолетняя дискуссия (и личная дружба) со знаменитым американским логиком и философом Уиллардом Куайном.

В 1956 году Стросон и его старший коллега Пол Грайс стали авторами «официального ответа»¹ на знаменитую статью Куайна «Две догмы эмпиризма» (1952). Их критика указывает на то, что Куайн делает необоснованный переход от тезиса «мы не можем ясно объяснить различие аналитических и синтетических высказываний» к «такого различия не существует». И вновь британские авторы ссылаются на обыденные языковые практики как на критерий оценки философских теорий.

Эти и другие работы вывели Стросона на лидирующие позиции в британской лингвистической философии. И здесь ему пришлось обратиться к решению ряда глубоких проблем, обозначивших кризис в программе лингвистического анализа.

Кризис этот был связан с тем, что лингвистическая философия, провозгласив, вслед за Витгенштейном, своей целью деятельность по прояснению выражений, практику, отказалась от построения крупных философских теорий. Однако накопленный к тому моменту материал нуждался в теоретическом обобщении, а дальнейшее развитие лингвистического анализа требовало опоры на широкие трактовки языка, сознания, мира и их взаимодействия. Исследовательская программа, стоявшая перед Стросоном, требовала ответа на центральные для аналитической философии вопросы: как соотносятся язык и реальность? из каких элементов состоит язык? в какие отношения вступают эти элементы? что можно сказать об онтологической структуре мира, описываемого нашим языком? Отвечать на эти вопросы требовалось средствами анализа обыденных языковых практик.

Расширяя свои теоретические горизонты, лингвистическая философия столкнулась и с еще одной задачей: ей потребовалось пересмотреть отношение к «метафизическим» доктринам

¹ *Grice P., Strawson P. In Defense of a Dogma // The Philosophical Review, 1956. P. 141—158.*

прошлого. Поиск ответов на максимально общие вопросы естественным образом подвел ее к пределам того, что аналитическая философия с самого своего появления считала областью осмысленного. Описание этих пределов было уже задачей метафизической, и ее «легитимизация» потребовала также «легитимизации» решавших сходные задачи традиционных философских доктрин, до тех пор преимущественно критиковавшихся либо игнорировавшихся. Начался процесс переосмысления метафизики.

Питер Стросон своей работой «Индивиды» сыграл решающую роль в обоих этих процессах. Он с успехом применил методологию лингвистического анализа для построения системы, так или иначе отвечающей на «сакраментальные» вопросы аналитической философии, а также «вернул» ей философское наследие прошлого и задал новые критерии его оценки.

Книга была написана в период с 1954 по 1959 год, когда автор, до того в течение нескольких лет преподававший в Оксфорде основы формальной логики, обратился в своих лекциях к философскому объяснению фундаментальных операций обозначения (референции) и предикации. В теории Стросона изучение этих двух операций позволяет реконструировать главные черты нашей «концептуальной схемы», «каркас» сознания. Вглядываясь в то, как эти операции осуществляются в обыденном языке, мы, с одной стороны, выявляем базовые особенности нашей онтологии, устанавливаем, какие сущности населяют наш мир, с другой стороны, описываем логическую структуру нашего способа представлять эту онтологию в языке. Выявление данных особенностей является предметом особой метафизики, которую Стросон называет описательной, или дескриптивной. Такая метафизика является самым абстрактным родом философской деятельности, поскольку очерчивает пределы того, что может быть представлено средствами человеческой концептуальной схемы.

Проблема концептуальной схемы человеческого сознания приняла свой современный вид благодаря усилиям логических позитивистов. Концептуальная схема — это присущая созна-

нию способность упорядочивать единичные чувственные восприятия, превращая их в целостное знание. Логические позитивисты стремились показать, что эта способность сводится к двум компонентам: способности различать «положения вещей», или «простые факты», в мире и способности представлять эти факты и группы фактов в языке в соответствии с законами логики.

Особенно тщательно проблемой концептуальной схемы сознания занимался Рудольф Карнап. Для Карнапа¹ концептуальная схема, или, в его терминологии, структура, каркас (*Aufbau, framework*) — это результат выбора человеком способа представления реальности, выбора языка. Выбор этот обусловлен исключительно удобством той или иной схемы для описания мира. Оптимальная схема, наиболее точным образом отражающая мир — та, которая сводится к набору простых «протокольных» предложений, констатирующих конкретные наблюдаемые положения вещей в мире и опирающихся на минимальный набор сущностей. Не сводящийся к протокольным предложениям остаток, за исключением аналитических предложений логики, указывает на то, что мы допустили в свою онтологию псевдосущности, о которых построили псевдопредложения. Согласно Карнапу, мы, стремясь к максимальной точности языка, можем и должны пересматривать и упрощать онтологию. Вопрос о том, что составляет реальную онтологию обычного человеческого языка и насколько глубокой может быть ее перестройка, Карнапом специально не рассматривается.

Не ставит этот вопрос и Куайн, продолживший изучение «концептуальной проблематики». Для него, как и для его учителя Карнапа, концептуальная схема и описываемая ею онтология являются предметом выбора, более или менее удачного, но в принципе ничем не ограниченного. Мы принимаем концептуальную схему и отраженный в ней мир на тех же основаниях, на которых принимаем научные теории: главное досто-

¹ *Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. Leipzig: Felix Meiner Verlag, 1928.*

инство концептуальной схемы есть способность наиболее простым, экономичным способом увязать известные нам факты¹. И если онтология, которой придерживается нормальный человек в своей обычной жизни, изменится в процессе оптимизации языка до неузнаваемости, то в этом не будет серьезной философской проблемы. Собственно, это и есть физикализм Куайна.

Стросон смотрит на проблему выбора онтологии и концептуальной схемы под иным углом. Для него здесь главную проблему представляет выбор. Возможен ли он? Насколько пластичной является наша онтология? Философия обыденного языка полагает базовой обыденную онтологию, и в этом главное отличие позиции Стросона от позиций Карнапа и Куайна.

Исследование Стросона начинается с вопроса: а как *на самом деле* устроен способ представления мира в обыденном сознании, и какими сущностями населен представляемый обыденным сознанием мир? Чтобы выяснить, как устроен мир, нам необходимо взглянуть в язык и понять, каковы его простейшие элементы. Такими элементами являются те, что описывают или указывают на «партикулярии» — на материальные тела, людей, события и другие явления. Не являются партикуляриями свойства и отношения, числа, виды, роды — то, что может предцироваться более чем одной партикулярии и что в средневековой философии называлось универсалиями. Партикулярии сводимы к указательным определениям и непосредственно связывают язык с миром, соответствующие им выражения составляют базовый уровень языка. Универсалии же делают возможным конструирование более сложных смыслов, описание ситуаций, построение научных теорий и т. д. — обеспечивают горизонтальные связи между партикуляриями, превращают набор указательных определений в ткань языка.

Язык служит общению, для которого необходимой ситуацией является «распознавание». Эта ситуация возникает тогда, когда слушающий понимает, о какой партикулярии ведет речь

¹ См., напр.: Куайн У. О том, что есть // Слово и объект. М., 2000.

говорящий. Именно распознавание является необходимым основанием для включения некоторой партикулярии в онтологию — то, что предмет реален более чем для одного человека, сообщает ему требуемый онтологический вес.

Реальность партикулярии означает, что она состоит в некоторых отношениях с другими партикуляриями, входит в пространственно-временной континуум, изменяющийся законосообразно и общий для всех помещенных в него наделенных сознанием субъектов. Поэтому распознавание партикулярии сводится к указанию ее места в этом континууме, либо непосредственно, либо, если это невозможно, относительно других партикулярий. Анализ Стросона служит тому, чтобы защитить от атак философов вполне обыденную теорию: человеческую онтологию составляют два вида простых сущностей — материальные тела и лица, имеющие как материальные, так и нематериальные свойства.

В ходе нескольких мысленных экспериментов британский философ рассматривает теоретические возможности работы человеческого сознания в мирах, лишенных некоторых из базовых свойств нашего мира, например в мире, упорядоченном только во времени и населенном звуками. Возможность работы нашей концептуальной схемы в подобном мире, т. е. выполнения ею базовых операций распознавания, подведения единичных восприятий под общие понятия и т. д., представляется Стросону проблематичной.

В части 2 своей книги Стросон обогащает понятие концептуальной схемы, систематически разбирая способы различения субъекта и предиката в предложениях естественного языка и разбирая, какие языковые выражения представляют партикулярии и универсалии в языке. Задача Стросона — исследовать особое положение партикулярий среди обозначаемых объектов. Ответ на вопрос, что может играть роль субъекта предложения, представляет значительные затруднения. Напрашивающийся ответ: партикулярии всегда играют роль субъекта, а универсалии — предиката, наталкивается на значительные трудности. С аналогичной проблемой столкнулся в свое время

еще один философ, творчество которого оказало решающее влияние на подход Стросона к метафизике. Конечно, И. Кант в «Критике чистого разума» подходит к проблеме совсем с другой стороны. Если Стросон идет от языка к концептуальной схеме, то Кант движется в обратном направлении — от концептуальной схемы, представленной системой категорий и основоположений, к языку¹. Выделяя категории субстанции и акциденции, он пытается проанализировать их роль в языке, рассматривая, какие ограничения накладывает применение категорий субстанции и акциденции к терминам категорического суждения: «Так, функция категорического суждения была отношением субъекта к предикату, например, в суждении *все тела делимы*. Но в отношении чисто логического применения рассудка осталось неопределенным, какому из двух данных понятий нужно дать функцию субъекта и какому из них функцию предиката, ведь можно сказать также *некое делимое есть тело*. Но посредством категории субстанции, если подводить под нее понятие тела, определяется, что эмпирическое созерцание тела в опыте всегда должно рассматриваться только как субъект, а не как один только предикат» (В 128—129)². Если перевести это высказывание Канта на язык Стросона, то речь идет о том, может ли партикулярия «тело» играть роль только субъекта суждения или также и его предиката. Кант говорит, что чисто логически здесь нет никакой разницы, логическая операция обращения заставляет нас употреблять эту партикулярию как предикат суждения.

¹ Хотя и у Канта можно найти ход мысли от языка к концептуальной схеме. Когда он рассматривает метафизическую дедукцию категорий, выводящую таблицу категорий из таблицы суждений общей чистой логики, то ему приходится принимать во внимание языковые формы выражений суждений, разработанные в традиционной логике, хотя бы для того, чтобы построить классификацию этих суждений. Другое дело, что Кант опирается на стандартизованный фрагмент естественного языка, принятый в логике того времени.

² В скобках приводится стандартная пагинация по первому (А) и второму (В) изданию «Критики чистого разума».

Но иначе обстоит дело, если мы учитываем применение категории субстанции к предметам опыта. Для эмпирической осмысленности суждения, понятие «тело» может играть роль только субъекта и не может играть роль предиката. Кант приписывает учет возможности для некоторых терминов занимать место только субъекта или предиката в суждении трансцендентальной логики¹. Вместе с тем «эмпирическое созерцание тела в опыте», о котором говорит в приведенном отрывке Кант, напоминает нам стросоновское понятие партикулярий, по крайней мере базисных партикулярий, к которым сводимы остальные партикулярии, возможно, не имеющие пространственно-временного статуса. В каком-то смысле Кант предвосхищает стросоновское решение проблемы — партикулярия как парадигма для логического субъекта, а выражение для распознающего обозначения партикулярий — как парадигма для выражений логического субъекта в языке. Однако эти совпадения вполне могут быть и поверхностными, здесь требуется более глубокое исследование. Для нас интересен тот сдвиг в этой проблематике, который совершает Стросон по сравнению с Кантом². Стросон не опирается только на логику, он рассматривает проблему определения терминов, способных играть роль только субъекта или только предиката, как она решается естественным языком. Хотя, конечно, учитывает и логические идеи, например позицию Фреге. Стросон в качестве образца для конструирования концептуальной схемы берет естественный язык и те познавательные процедуры, которые встроены в употребление языка. Пожалуй, в этом и состоит главный вклад Стросона в эту обсуждаемую еще со времен Аристотеля проблематику. Определение терминов, которые по преимуществу играют роль субъектов суждений, и терминов, которые по пре-

¹ Подробнее см. об этом: *Брюшинкин В.Н.* Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Вып. 26. Калининград: Изд-во РГУ им. И Канта, 2006. С. 148-167.

² Сам Стросон анализирует эту проблему у Канта в статье: *Strawson P.F.* Kant on Substance // *Strawson P.F.* Entity and Identity and other essays. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 268-280.

имуществу играют роль предикатов, связано с встроенными в естественный язык познавательными процедурами, например с процедурой распознавания конкретных предметов (партикулярий — в терминах Стросона), а также с различием действий обозначения и предикации. Важным вкладом Стросона в исследование проблематики различения субъекта и предиката в высказываниях естественного языка является его учение о пресуппозициях. Еще Фреге сформулировал понятие пресуппозиции в своей знаменитой статье 1892 года «О смысле и значении». Однако Стросон вводит в понимание пресуппозиций новый элемент: он связывает пресуппозиции с введением выражений в суждения и открывает *эмпирический* характер пресуппозиций, связанных с введением в суждения партикулярий. Впрочем, со всем этим лучше познакомиться по самому тексту Стросона. Отметим только, что Стросон развивает свои идеи о субъекте и предикате и способах различения соответствующих выражений еще в одной книге, изданной в 1974 году¹.

Философию Стросона можно было бы назвать «лингвистическим эмпиризмом», потому что она в своих выводах и следствиях не выходит за пределы, известные еще со времен классического британского эмпиризма. Она, так сказать, берет ту же высоту, но используя другую технику, на этот раз технику анализа обыденного языка. Эта попытка находится в ряду подобных: «логический атомизм» Рассела и «логический эмпиризм» Айера проделали то же самое чуть ранее. Все эти попытки призваны закрепить на новом витке развития культуры достижения британской философской традиции, «планку» которых не принято смещать.

Выводы Стросона не идут дальше выводов Юма: мы воспринимаем материальные предметы и подобных нам людей, обладающих нематериальными свойствами, потому что такова наша человеческая природа (выражающая себя посредством нашего языка). Когда Стросон кратко и с оговорками касается

¹ См.: *Strawson P. F. Subject and Predicate in Logic and Grammar*. London: Methuen, 1974 (второе издание — 2004).

моральной философии, он демонстрирует вполне юмовский скептицизм¹. Когда он критикует Канта, он делает это с эмпирических позиций, представлявших Канту «Сциллой»². Примечательно (и, возможно, не случайно), что сын Стросона Гален, сам известный философ, поместил Юма в фокус своих исследований.

У философии Стросона есть и другие корни. Его метод лингвистического анализа имеет сходство со схоластической «грамматикой», в частности с работами Роджера Бэкона («*Summa Grammatica*», 3 часть «*Opus Maius*»). И Бэкон, и Стросон классифицируют виды языковых категорий, тщательно описывают характер связей и отношений между ними, различные типы высказываний и способы, которыми они образуются. Стросон в личной беседе с авторами говорил о своем интересе к работам средневековых «оксфордских магистров» и о созвучии присущего им сочетания эмпиризма и логического анализа его собственной философии.

В заключение о философском стиле, в котором написана эта книга. Во многом это стиль аналитической философии в целом. Его можно назвать — «предвосхищающим возражения стилем». Автор, пишущий в таком ключе, крайне уважает своего читателя, считает, что читатель обладает высоким уровнем рациональности и понимания предмета рассуждения, и из всех сил пытается представить, каким образом читатель может возразить на предлагаемую концепцию, выдвигаемый тезис и т. п., а затем дает упреждающую критику этих возражений. Такой стиль делает рассуждение автора интеллектуальным приключением, даже несмотря на крайнюю абстрактность и вынужденную схоластичность многих его компонентов. Чуть раньше, чем книга Стросона, появилась книга С. Тулмина «*The Uses of Argument*»³, в которой автор предложил ставшую из-

¹ См.: *Strawson P. F. Freedom and resentment // Strawson P.F. Freedom and Resentment and other essays. London: Methuen, 1974.*

² См.: *Strawson P. F. Bounds of Sense. London: Methuen, 1966.*

³ *Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.*

вестной впоследствии схему аргументации. Эта схема включает так называемую «оговорку» (rebuttal), т. е. возможные возражения по поводу обоснования тезиса, на которые субъект аргументации обязан сформулировать свои возражения. Книга Стросона показывает, что этот компонент модели аргументации Тулмина есть часть британской интеллектуальной культуры. Надеемся, что за внешне схоластической формой изложения внимательный читатель обнаружил этот дух интеллектуального приключения.

В. Н. Брюшинкин, В. А. Чалый

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Задача комментариев — разъяснить наш подход к переводу основных терминов книги Стросона.

В ходе работы над текстом переводчикам пришлось принять непростое решение: там, где возможно, воздерживаться от транслитерирования английских терминов по-русски. Решение это было непростым прежде всего потому, что в отечественной философской литературе уже принято использование многих транслитерированных терминов. С одной стороны, мы уже привыкли пользоваться такими понятиями, как «пропозиция», «идентификация», «интенция», «сублимация». Они прижились в определенных контекстах, обрели в пределах этих контекстов смысл, прочно вошли в состав некоторых высокоспециализированных «языковых игр». Употребление их указывает на профессионализм и компетентность (хотя иногда и помогает скрыть их недостаток от непосвященных). С другой стороны, у большинства этих понятий есть довольно точные смысловые эквиваленты в русском языке. Использование этих эквивалентов, на наш взгляд, сращивает наши узкоспециальные «языковые игры» с телом «живого» языка, делает их более понятными, открытыми и насыщенными. Основная стратегия перевода — везде, где только возможно пользоваться терминами, непосредственно понятными русскому читателю. Конечно, это только стратегия, в случае необходимости мы пользовались и новыми транслитерациями как, например, в случае одного из центральных понятий книги Стросона *particular* — *партикулярия*. По нашему мнению, проще запомнить значение одного центрального термина книги, даже если он не совсем обычен, чем постоянно пробиваться через частокор иностранных выражений в русском тексте.

Комментарий 1

Центральными терминами книги являются термины *individual*, *particular* и *universal*, которые употребляются и как прилагательные, и как существительные. Если для существительного *universal* имеется стандартный русский перевод — *универсалия*, а для *individual* — *индивид*, то для *particular* как существительного принятого перевода не существует. В. А. Суровцев в своем переводе Рамсея выбирает термин *отдельная вещь*¹. А. Ф. Грязнов в «Новой философской энциклопедии» говорит о *единичных объектах*². В немецком переводе *Individuals* выбран термин *Einzelnding*³. Можно было бы переводить *particular* как *конкретная вещь* или *особенный предмет*. Однако такого рода переводы, по нашему мнению, нарушают ряд *individual — particular — universal*, выстраиваемый Стросоном. Для этого ряда подошел бы перевод *единичное-особенное-общее*, как было принято при изучении категорий диалектического материализма, но от этих прилагательных трудно образовывать существительные, в частности множественного числа, а использование терминов *единичности*, *особенности*, *общности* придают этим понятиям оттенок абстрактности, чего совершенно нет в оригинале Стросона. А. Ф. Грязнов предлагает также термин *партикулярность*⁴. Однако в русском языке это слово также относится к области обозначения абстрактных понятий. Поэтому для перевода существительного *particular* мы выбрали нейтральный термин *партикулярия* по аналогии с переводом термина *universal* — *универсалия*, хотя бы для того, чтобы сохранить связь с латинскими корнями англ-

¹ Рамсей Ф. П. Философские работы / пер. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. С. 81.

² Грязнов А. Ф. Стросон // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 646.

³ Strawson P. F. Einzelnding und logisches Subjekt (Individuals). Ein Beitrag zur deskriptiven Metaphysik. Aus dem Englischen übersetzt von Freimut Scholz. Stuttgart: Reclam, 1972.

⁴ Грязнов А. Ф. Указ. соч.

лийского слова, подчеркнуть его терминологическое значение в тексте Стросона, сохранить синтаксическое построение текста и семантический ряд. Партикулярия, по Стросону, нечто, претендующее на реальное существование, особенный объект. Однако прилагательное *particular* везде переводим как *конкретный*, в частности *particular thing* — *конкретная вещь*. Для перевода термина *individual* мы предпочли более привычный русский термин *индивид*, потому что введение *индивидуалий* по аналогии с партикуляриями и универсалиями все же означало бы слишком много нововведений, да и название трактата Стросона «Индивиды» уже закрепилось в русской философской литературе.

Комментарий 2

Другое важное нововведение касается перевода одного из ключевых терминов Стросона *identification*. Мы переводим *identification* как *распознавание*, *identify* как *распознавать*, стремясь избежать позднейших наслоений, связанных с терминами «идентификация», «идентичность», «самоидентификация», и т. п. Обращение позднейших смыслов на текст Стросона придало бы ему ненужную нагруженность. Поэтому мы предпочли нейтральное слово *распознавание*, точно передающее на русском языке тот смысл, который Стросон вкладывает в термин *identification*. Кроме того, данное употребление позволяет избежать нагромождений латинизированных выражений. Конечно, можно было бы перевести часто встречающееся выражение в стросоновском тексте *demonstrative identification of particulars* как *демонстративная идентификация партикулярий*, однако это нагромождение слов с латинскими корнями, на наш взгляд, создает в русском тексте такой уровень шума, что из него уже трудно выделить передаваемое текстом сообщение. Тем более что мысль Стросона движется в пространстве естественного языка, на основе которого он пытается рекон-

струировать нашу концептуальную схему. С нашей точки зрения, здесь необходимо чувство меры. Поэтому мы переводим *указательное распознавание партикулярий*, чтобы из самой фразы было более-менее ясно, о чем идет речь.

Комментарий 3

Еще один ключевой термин Стросона — *reference*. Перевод этого термина — довольно сложная проблема. Обычная калька на русском языке — *референция* — запутывает восприятие текста, подвигая читателя к мнению, что в тексте говорится о каких-то сугубо терминологических вещах. В таком случае *identifying reference to a particular* пришлось бы переводить — *идентифицирующая референция к партикулярии*, что также повышает уровень шума. В данной книге Стросон не противопоставляет свой взгляд на обозначение как референцию другим взглядам, например как денотации (как у Рассела), или как у Куайна, различению смыслового значения — *meaning* — и значения, относящего только к предметам — *reference*. В лингвистике возникла целая теория референции, исходящая из использования этого слова Стросоном и Куайном. Мы хотим вернуть употребление данного слова к дотеоретическим временам, когда «теории референции» в нынешнем виде не существовало. Поэтому мы используем нейтральное и естественное русское слово *обозначение*. В соответствии с принятой в данном переводе стратегией выражение *identifying reference to a particular* переводится как *распознающее обозначение партикулярии*, что и сохраняет структуру фразы Стросона, и имеет непосредственный смысл на русском языке. Для тех, кто считает, что без слова «референция» такие контексты не обходятся, достаточно везде вместо *обозначение* читать *референция*. Глагол *refer* переводится по преимуществу как *обозначать*, а иногда как *ссылаться*.

Комментарий 4

В трактате, посвященном лингвистической философии, всегда возникают трудные проблемы с переводом семейства английских терминов, обозначающих высказывания и т. п. Общеизвестно, что английская терминология в этом отношении разнообразнее, чем русская. Поэтому мы не будем обосновывать выбор русских терминов, а просто приведем принятые варианты перевода. Приблизительно употребление этих терминов в тексте можно прокомментировать следующим образом: *предложение* (*sentence*) — грамматическая структура, *высказывание, утверждение* (*statement, assertion, remark*) — синтаксическая структура с выделенными логическими субъектом и предикатом, *суждение* (*proposition*) — семантическая структура, т. е. высказывание, которое претендует на значение *истина/ложь*. Слово *assertion* мы переводим то как *высказывание*, то как *утверждение* в зависимости от контекста употребления и его сопровождения другими аналогичными словами (*statement, remark*), поскольку различие между ними не имеет у Стросона значение терминологического. Это делается, чтобы сохранить связь с *to assert proposition* — *высказывать суждение*. То же самое относится к *remark*.

<i>Английский термин</i>	<i>Русский термин</i>
sentence	предложение
statement	высказывание
assertion	высказывание/утверждение
remark	высказывание
proposition	суждение
affirmation	утверждение (как противоположность отрицания)

Комментарий 5

Довольно сложным оказалось решение проблемы перевода слова *term*, в силу существенной двусмысленности в употреблении его в тексте Стросона. Иногда он употребляет его в его

традиционном логическом значении *термин* (как в таблице II главы 5), но чаще в значении *обозначаемый объект*. Поэтому мы будем переводить это слово чаще всего как *объект*, иногда прибегая и к другим переводам, как того требует контекст употребления, не объясняя этого в каждом случае. Правда, *particular term* всегда передается как *конкретный объект*, а *terms introducing particulars* — *термины, вводящие в рассмотрение партикулярии*. Во фрагментах текста, связанных с анализом воззрений У. Куайна, *term* всегда переводится как *термин*. В немецком переводе *term* в собственно стросоновском (а не куайновском) значении переводится как *Sache* (вещь) (в куайновском значении почему-то как *Ausdruck* — выражение).

Комментарий 6

Довольно сложной проблемой (и не до конца удовлетворительным способом решенной) оказался перевод термина, относящегося к одному из видов универсалий, — *feature universals*. В тексте Стросона встречаются три типа универсалий — *sortal universals, characterizing universals and feature universals*. Если с двумя первыми особых проблем не было — *видовые* и *характеризующие* универсалии, то третий вид оказался весьма трудным для перевода. Стросон приводит примеры *feature universals* — снег, вода, золото — то, что в лингвистике называется *mass nouns*. В немецком переводе для передачи *feature* прибегли к выражению *Grundzug*¹ — *основная черта, характеристика*, что вряд ли передает специфику стросоновского выражения. К сожалению, не удалось передать эту специфику и в русском переводе. После многочисленных проб пришлось выбрать в качестве перевода просто основное словарное значение слова *feature* — *особенность*. Так родились *универсалии-особенности, понятия-особенности, высказывания, разме-*

¹ *Strawson P. F. Einzelding und logisches Subjekt (Individuals). Ein Beitrag zur deskriptiven Metaphysik. Aus dem Englischen übersetzt von Freimut Scholz. Stuttgart: Reclam, 1972. S. 259—260.*

щающие особенности и т. п. В определенном смысле такой перевод оказался чисто техническим — английское слово заменили на его словарное значение, которое не очень много говорит об употреблении этого термина. Остается надеяться, что в сознании читателя образуется контекстуальное определение данного стросоновского термина.

Комментарий 7

Остальные особенности перевода, по нашему мнению, понятны из самого русского текста.

В. Н. Брюшинкин, В. А. Чальй

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Ангелы (angels) 140п

Аристотель 8, 10, 189, 197п

артефакты (artefacts) 276

базисные партикулярии (basic particulars) *см.* партикулярии

безотносительные связи (non-relational ties), *см.* связи

Беркли 8

бихевиоризм (behaviourism) 123—124

Бог (God) 117, 135, 140—141, 145

Брэдли (Bradley) 192

«введение» видов объектов («introduction» of kinds of terms)
210, 225 и след.

«введение» объектов («introduction» of terms) 165 и след.,
а также Часть II

«введения» стили («introduction», styles of) 166 и след.

вводящие примеры связи (instancial ties), *см.* связи

виды (species) 18, 274, 284

визуальный опыт, *см.* опыт (visual experience) *см.* опыт

Витгенштейн 11, 106, 107п, 116, 150

внетелесное существование (disembodiment) 116, 129, 130

внешнее чувство (outer sense) 71

вопросы (questions) 170—171

воскрешение (resurrection) 130

* Перевод В. А. Чалого, сверка с русским текстом Л. С. Ледак.

- времена (times) 254—258, 264
время (time) 52 и след., 133—135
время (*грамм.*) (tense) 189—191
«всё» (“everything”) 178, 280
выживание (survival) 130
выражения, сходные с именами существительными (noun-like expressions) 166 и след., см. также субстантивные выражения
гипотетические существа (hypothetical beings) 72
Гич П. Т. (Geach, P.T.) 160—167, 173 и след.
главный звук (master-sound) 86—91, 93 и след.
глаголоподобные выражения (verb-like expressions) 168 и след.
глаголы (verbs) 170 и след., 186п, 200
голоса (voices) 95
грамматика (grammar) 166 и след., 253—254
«грамматический критерий» (“grammatical criterion”) 155—191, 199—208, 209, 219—220
«групповой ум» (“group mind”) 126
группы (groups) 127—129

действия (actions) 99, 125, 206
Декарт 8, 101, 106-107, 110, 113, 114, 118
деятельность (agency) 94—96, 99
Джонсон У. Э. (Johnson, W.E.) 154, 172
дни (days) 54—55
дуализм (dualism) 110 и след.

«единичные термины» (Куайн) (“singular terms”) 156, 175 и след., 229 и след.

- «завершенность» (“completeness”) 173, 185, 209, 218—222, 225—230, 248—251, 261—262, 271
- зависимость в распознавании (identifiability-dependence) 17, 47 и след.
- звуки (sounds) 67—97, 100
- «значение осуществления» (“fulfilment-value”) 292
- зрение (sight) 73, см. также опыт визуальный
- «игра именования» (“naming-game”) 243—245
- изъявительное наклонение (indicative mood) 166, 168—172
- имена собственные (names, proper) 16, 66, 160 и след., 200, 211, 223 и след.
- «имена собственные» (Фреге) (“proper names”) 160, 181
- именные придаточные предложения (noun-clauses) 275
- индексные выражения (token-reflexives), см. указательные выражения
- индивидуализация (individuation) 135 и след., см. также описания, факты, распознавание
- индивиды (individuals) 268 и след., см. также субъекты, логические
- искусства произведения (art, works of) 274
- истинностное значение (truth-value) 222, 270
- «истинность» (“true of”) 177
- история (history) 19, 143
- исчисление (counting) 193
- календари (calendars) 27
- Кант 8, 10, 71, 92п, 134, 150
- картезианство (Cartesianism), см. Декарт
- карты (maps) 27, 61

- категориальное предпочтение (category-preference) 67
«категориальный критерий» (“category criterion”) 192—209, 220
категории (categories) 44—47, 52, 65, 67, 175, 184, 192, 207
квантификация (quantification) 59, 176, 178 и след., 228, 237,
249, 253, 255, 257, 259, 270, 273, 279, 285, 287
команды (commands) 168, 291—292
Куайн У. В. 174—180, 185, 229 и след.
Кук Уилсон (Cook Wilson) 162, 194
- Л-предикаты (P-predicates) 117—126.
Лейбниц 8, 131, 134—136, 138—141, 144—148.
Лихтенберг (Lichtenberg) 107п
лица (persons) 47 и след., 130, 139, 140п, 149 и след.
Локк 45, 50, 93, 284
- М-предикаты (M-predicates) 117 и след.
материальные тела (material bodies), см. тела
ментальные события (mental events), см. события
места (places) 41 и след., 54, 61 и след., 64, 66, 83, 91, 254, 264,
274, 276
места-времени (place-times) 264 и след.
метафизика (metaphysics) 8—10, 295
«мой» (“mine”, “my”) 108 и след., 114, 123
монады (monads) 131 и след.
Мур Дж. Э. 107п
«мысли» (“thoughts”) 293
- наблюдаемость (observability) 50 и след.
наблюдение (observation) 37 и след., 45, 51, 91, 119 и след.

- наречия указательные (adverbial demonstraives), см. указательные выражения
- «насыщение» (Фреге) (“saturation”), см. «насыщенность»
- «незавершенность» (“incompleteness”), см. «завершенность»
- неопределенное описание (indefinite description), см. описание непартикулярии (non-particulars) 268 и след., 273 и след., 277, 278, 284
- «непосредственно обнаруживаемая последовательность» (“directly locatable sequence”) 53 и след.
- «непосредственное обнаружение» (“direct location”) 20 и след., 51, 60
- непрерывность наблюдения (continuity of observation) 37—41, 246
- непрерывность звука (continuity of sound) 78 и след.
- непрерывность пространственно-временная (continuity, spatio-temporal) 42, 196, 245, 260
- непрерывность существования (continuity of existence) 38, 42, 64, 78 и след.
- несолипсистское сознание (non-solipsistic consciousness), см. сознание
- «нечто» (“something”) 178, 180, 182
- «ничто» (“nothing”) 166, 178, 180
- номинализм (nominalism) 230п, 273, 277 и след.
- «о» (“about”) 160 и след.
- «обладание» опытом (“ownership” of experiences) 108 и след., см. также субъекты опыта, приписывание состояний сознания
- обладание телом (possession of a body) 105
- обозначение (распознающее) (reference (identifying)) 16 и глава 1, 116, 155 и глава 5, 210—213 и след., 268 и след., 279 и след.
- «объект» (Фреге) (“object”) 159, 172—173

- «объектные» партикулярии (“objective” particulars), *см.* партикулярии
- объекты (terms) 165 и след., *а также* часть II
- объекты отдельные (terms, particular), *см.* партикулярии
- объекты пространственные и временные (terms, spatial and temporal) 255, 257, 258, 261 и след.
- обязательства (undertakings) 169, 292
- «означает» (“stand for”) 91, 161 и след.
- онтологическое преимущество (ontological priority) 18, 67, 68
- онтология (ontology) 15—17, 133, 141
- описания неопределенные (descriptions, indefinite) 181
- описания распознающие (descriptions, identifying) 21—23
- описания логически индивидуализирующие (descriptions, logically individuating) 29
- описания чистые индивидуализирующие (description, pure individuating) 29—31
- опыт визуальный (experience, visual) 74, 89 и след., 101 и след.
- опыт личный (experiences, private) 47—50, 72, 107 и след.
- опыт осязательный (experience, perceptual) 104 и след.
- опыт слуховой (experience, auditory) 74 и след., 98 и след.
- опыта субъект (experience, subject of), *см.* субъект
- «особенности» (понятия-особенности, размещение особенностей) (“features” (feature-concepts, feature-placing)) 238 и след., 252 и след.
- отличия критерии (distinctness, criteria of) 250 и след., 257, 259, 260
- отношения (relations) 193, 205, 276
- ощущения (sensations) 47, 48, 100

- партикулярии (particulars) 15, 23, 37, 39, 131—134, 139—141, 147 и след., 153, 155, 193—208, 210—218, 220—223, 227—228 и след., 252, 256—257, 259—270, 272 и след.
- партикулярии базисные (particulars, basic) 43—46, 50—51, 61—63, 67—71, 241, 247
- партикулярии личные (particulars, private) 47—49, *см. также* опыт, приписывание состояний сознания
- партикулярии независимые (particulars, independent) 197п, 249
- партикулярии, повторно распознаваемые (particulars, reidentifiable), *см.* повторного распознавания критерии
- партикулярии предметные (particulars, objective) 15, 68 и след., 75—78, 98 и след.
- партикулярий введение (particulars, introduction of), *см.* «введение»
- партикулярий единая структура (particulars, unified framework of) 24—46, 32, 44, 64
- партикулярий распознавание (particulars, identification of), *см.* распознавание
- первое лицо (first person) 94, 123
- переменные квантификации (variables of quantification) 176, 178, 228 и след., 253, 278
- Платон 276
- «платонизм» (“Platonism”) 147, 278
- повторного распознавания критерии (reidentification, criteria of) 35 и след., 63, 87, 148, 240, 254, 260
- повторное распознавание (reidentification) 35 и след., 63, 79 и след., 148, 260
- поддельные универсалии (dummy universals), *см.* универсалии «полное понятие» (Лейбниц) (“complete notion”) 135 и след., 142—144
- понятия (concepts) 141 и след., 269 и след., 286

- «понятия» (Frege) (“concepts”) 160, 173
- предикаты, предикативные выражения, предикация (predicates, predicate-expressions, predication) 114, главы 5, 6 и 8
- предложения (sentences) 274
- Предустановленная Гармония (Pre-established Harmony) 144, 146
- пресуппозиции (presuppositions) 223 и след., 233 и след., 280, 283
- приписывание (ascribing) 156, *см также* предикация
- приписывание состояний сознания (ascribing states of consciousness) 100 и след.
- приписывающие связи (attributive ties), *см.* связи
- пропозициональные функции (propositional functions) 269
- пропозициональный стиль, символизм (propositional style, symbolism) 169 и след., 218 и след. 292, 293
- пространственно-временная структура, система (spatio-temporal framework, system) 28—33, 35—37, 41, 43, 44, 64, 131, 148
- пространство (space) 24 и след., 65, 71—75, 84, 88—92, 132—135, 138 и след., 148, 257 *см. также* места
- процессо-вещи (process-things) 65
- процессы (processes) 52, 54, 65
-
- размещение (placing), *см.* особенностей размещение
- Рамсей Ф.П. 154, 158, 174, 184, 202
- распознавание (identification) (*см. также* повторное распознавание)
- распознавание указательное (identification, demonstrative) 21—25, 57
- распознавание мест (identification of places) 41 и след.
- распознавание места и времени (identification of places and times) 257 и след.

- распознавание партикулярий (identification of particulars) 15—66 и часть I, 98, 211, 212п и след.
- распознавание относительное (identification, relative) 19, 24, 26
- распознающие описания (identifying descriptions), см. описание Рассел 154, 174, 177, 269, 280, 281
- расстояние (distance) 84, 99
- редукция (reduction) 273 и след.
- свойства (properties) 16, 163п, 238, 239, 268, 281, 287
- «связи» безотносительные (атрибутивные, вводящие примеры, видовые, характеризующие) (“ties”, non-relational (attributive, characterising, sortal)) 192—208, 267
- скептицизм (scepticism) 39 и след., 87, 123
- слова (words) 274, 277
- слуховой опыт, мир (auditory experience, world) 74 и след., 99, 100
- «собираение» объектов (“collection” of terms) 192—196, 267
- «собираения» принципы (“collection”, principles of) 193—200, 202, 267 и след., 289
- собственные имена (proper names), см. имена
- события (events) 52, 194п
- события ментальные (events, mental) 47, см. также опыт, сознание
- сознание индивидуальное (consciousness, individual) 115, 128 и след., 135, 139 и след., 147 и след.
- сознание несолипсистское (consciousness non-solipsistic) 78—79, 91, 99
- сознание солипсистское (consciousness solipsistic) 78
- сознания состояния (consciousness states of) 65, 100 и след., 115, 150
- солипсизм (solipsism) 78, 96, 98, см. также сознание

- состояния (states) 52 и след.
- состояния сознания (states of consciousness), см. сознание
- «срезы» (“slices”) 245, 264
- субстантивные выражения, стиль (substantival expressions, style) 166 и след., 172, 178 и след., 268, 279
- субстрат (substratum) 248п
- субъект опыта, состояний сознания (subjects, of experience, of states, of consciousness) 99 и след., 149
- субъект логический, субъектные выражения, различение субъекта и предиката (subject, logical, subject-expressions, subject-predicate distinction) глава 5 и 6, 252 и след., глава 8
- суждения (propositions) 169 и след., 275, 292—296
- суждения экзистенциальные (propositions, existential), см. экзистенциальные суждения
- существование (existence) 278 и след.
- сходство (resemblance) 195, 202
- тела личные (bodies, personal) 66, 101 и след., 149 и след.
- тела материальные (bodies, material) 45—47, 52, 61, 63 и след., 67—72, 294—295
- Теория Дескрипций (Descriptions, Theory of) 229п
- термины единичные (terms, singular), см. «единичные термины»
- термины универсальные (terms, universal), см. универсалии
- «типы» (“types”) 73, 80, 141, 146, 274 и след.
- тождественности высказывания (identity, statements of) 181, 288
- тождественность качественная и численная (identity, qualitative and numerical) 37, 79
- тождественность личная (identity, personal) 149

- Тождество Неразличимых (Identity of Indiscernables) 140, 142, 146
- «тот же» (“same”) 36 и след., 42—45, 181, 245, *см. также* тождественности высказывания
- трансцендентальные аргументы (transcendental arguments) 46
- указательное распознавание (demonstrative identification), *см.* распознавание
- указательные выражения (demonstratives) 20, 34, 48, 132—136, 142, 147
- указательные выражения, наречия, пространства и времени (demonstratives, adverbial, of space and time) 255, 261
- универсалии (universals) 80, 139, 142—144, 146, 147, 154, 175, 184, 191—209, 214—220, 230, 235 и след., 238—250, 255—274, 279 и след.
- универсалии видовые (universals, sortal) 193—199, 201, 235, 236, 238—240, 244—249, 250, 252 и след.
- универсалии поддельные (universals, dummy) 203 и след.
- универсалии пространственно-временных качеств количеств (universals, of spatial and temporal quantity) 262
- универсалии, характеризующие (universals, characterizing) 193—199, 201, 236, 238, 252
- условия (conditions) 52 и след.
- условные клаузы (conditional clauses) 169
- утверждающие связи (assertive ties), *см.* связи
- утверждение (assertion) 162, 165, 169—171
- утверждающий стиль (assertive style) 169 и след.
- факт атомарный (facts, atomic) 250
- факт индивидуализирующий (facts, individuating) 25—31
- факт предполагаемый (facts, presupposed) *см.* пресуппозиции
- факты (facts) 248—251, 275, 283

Фреге 156, 160 и след., 167, 172—174, 177, 271

характеризующая связь (characterizing tie), см. связи

характеризующая универсалия (characterizing universal), см.
универсалия

частицы физические (particles of physics) 50

числа (numbers) 16, 276

чувства (feelings) 100

чувственные данные (sense-data) 47

чувственный опыт (perceptual experience), см. опыт

Шлик 106, 107п

экзистенциальные суждения (existential propositions) 270, 278 и
след.

Юм 8, 37, 149

я (ego) 112 и след., см. также сознание

«Я» (“I”) 92п, 105, 106, 107п, 112, 116, 123, 150

Научное издание

Питер Фредерик Стросон

ИНДИВИДЫ. ОПЫТ ДЕСКРИПТИВНОЙ МЕТАФИЗИКИ

Редактор Н. Н. Мартынюк. Корректор Н. Н. Генина
Оригинал-макет подготовлен Л. В. Семеновой

Подписано в печать 21.10.2009 г.

Бумага для множительных аппаратов. Ризограф. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 400 экз. Заказ 288.

Издательство Российского государственного университета имени Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14